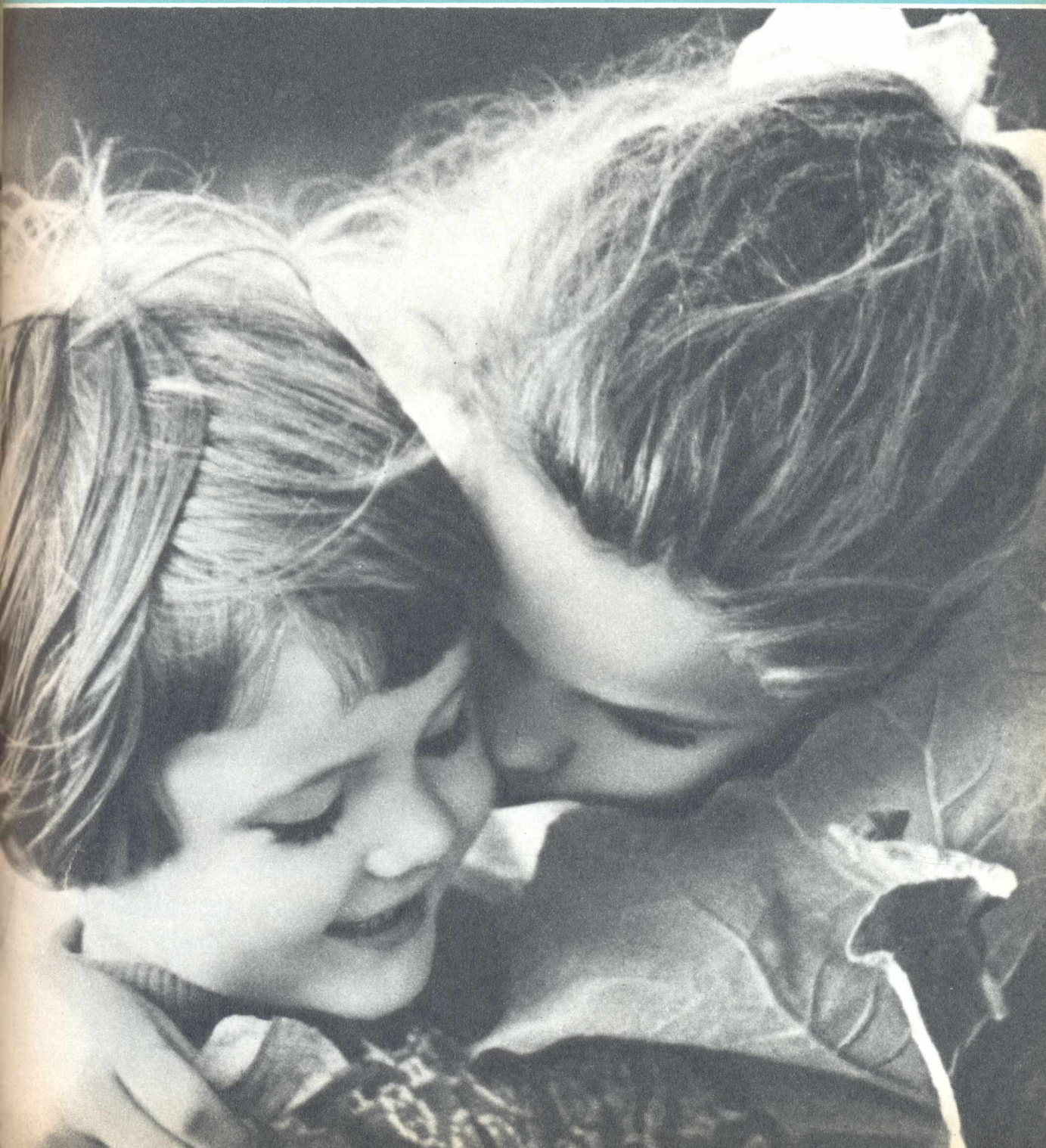

СЕМЬЯ № 6 ШКОЛА

1 июня
— Международный день защиты детей

МЫ ЛЮБИМ ДРУГ ДРУГА

Фотоэтиюд Б. Романова

В ЭТОМ НОМЕРЕ

► НАВСТРЕЧУ ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ УЧИТЕЛЕЙ

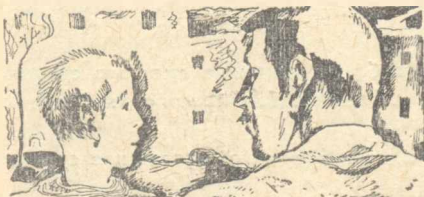
► ВОСПОМИНАНИЯ Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

► ЛИЧНО ОТВЕТСТВЕН!

Б. Лихачев:

Самостоятельность в детях воспитывается прежде всего привлечением их к решению конкретных задач. Приобретая чисто практические навыки, ребенок одновременно учится планировать свое время, распределять силы, рационализировать труд и, в конечном счете, управлять собой.

► ПРОФЕССИЯ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

К. Гуревич:

Выбор профессии — это одно из самых ответственных действий человека, только еще вступающего на жизненный путь, одно из первых его общественно значимых действий.

► МОЛЯКИ ИЗ ГОРЯЧЕЙ СТЕПИ

А. Проханов:

«Трудные подростки, проблема свободного времени, организация досуга молодежи» — мы часто об этом слышим, обсуждаем множество рецептов, примеров. Но пример Захара Закирова заслуживает особого внимания.

► РАССКАЗ Вл. ЛИДИНА «ШХУНА ПОД ПАРУСАМИ»

► ДЛЯ МАЛЫШЕЙ стихи, рассказ

6 ИЮНЬ
1991 г.

СЕМЬЯ ШКОЛА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
СССР
23-й год издания

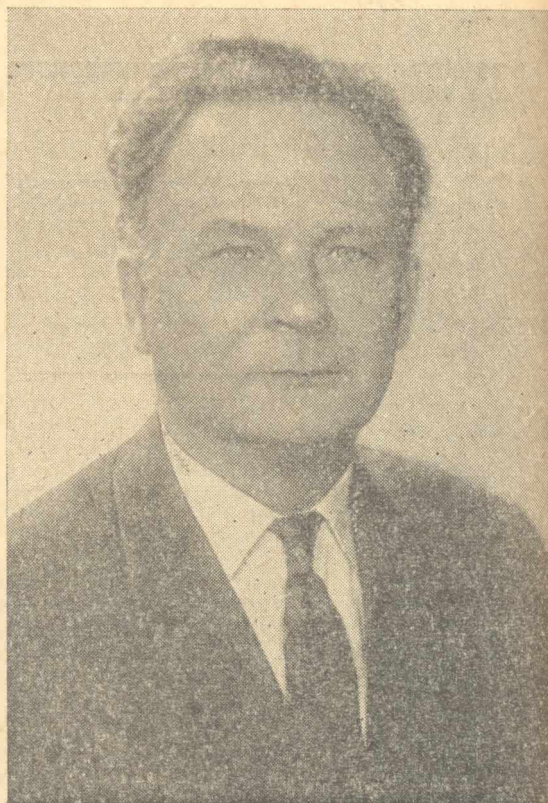
Дело ближайшего будущего

*Интервью с Министром просвещения СССР
М. А. ПРОКОФЬЕВЫМ*

В июле в Москве будет проходить Всесоюзный съезд учителей. В связи с этим событием наш специальный корреспондент попросил министра просвещения СССР ответить на несколько вопросов.

— Михаил Алексеевич, охарактеризуйте, пожалуйста, в нескольких словах путь советского просвещения от первого учительского съезда до наших дней.

— По-моему, уместнее заглянуть чуточку подальше — к первым послеоктябрьским дням. Семьдесят два процента элементарно неграмотных, то есть не умеющих читать и писать, — таково было положение. Сейчас — не только всеобщая грамотность, но и обязательное восьмилетнее образование. Причем четверо из пяти заканчивают восемь классов в массовой школе, а те,

кто по каким-либо причинам не смог это сделать, доучиваются в школах рабочей молодежи или сдают экстерном.

Дело ближайшего будущего — всеобщее среднее образование.

— В связи с этим, конечно, усложняются задачи учителей. Каким должен быть современный учитель?

— В первые годы после революции учителем практически мог быть любой грамотный человек. Сейчас этого мало. Учитель не только должен глубоко знать предмет, который он преподает, он обязан быть всесторонне развитым человеком. Обучая других, он вынужден учиться сам всю жизнь. Объем знаний возрастает так быстро, что остановиться — значит безнадежно

Навстречу Всесоюзному съезду учителей

но отстать. А ученики заметят это сразу. И не простят.

Сейчас все больше говорят о призвании к учительской профессии. И это верно. Ни в какой другой области случайный человек не может нанести такой ущерб, как в просвещении. Скука, догматизм, бездумное затверживание формул и правил — это, к сожалению, еще есть. Так что одна из важнейших задач — оградить педагогические вузы от людей, пришедших сюда только потому, что живут на соседней улице.

Да и система преподавания в педагогических институтах далека от совершенства. Выпускники хорошо знают предмет, но преподнести его ясно, просто и доходчиво не всегда умеют.

Правда, очень трудно, а то и невозможно выработать какую-то единую, безоговорочную методику преподавания того или иного предмета. Разные школы, разные учащиеся, разное окружение у них — все это требует от учителя умения находить свои, единственно правильные в данном классе методы обучения.

— Кстати, обучение. Кое-кто высказывается за его разделение на гуманитарное и естественное. Как вы к этому относитесь?

— Отрицательно. Ведь школа не дает знания целиком, она дает лишь основы наук и элементарные политехнические сведения и навыки. А основы эти нужны и филологу, и инженеру. И лирику, и физику, как сейчас говорят.

Правда, надо дать возможность человеку еще в школе найти свое призвание, определить жизненный путь. Именно для этого в школах введены факультативные курсы. Пока сделаны только первые шаги, предстоит еще развивать систему факультативов. Здесь важно не перегнуть, дать ученику максимальную свободу выбора.

— Школа не только обучает, но и воспитывает. Это сейчас известно каждому. Как будет развиваться воспитательная деятельность школы?

— Нельзя провести четкую границу между обучением и воспитанием, нельзя говорить: вот тут школа обучает, а здесь воспитывает. Хороший педагог воспитывает даже тогда, когда рассказывает, допустим, о строении атома. Но в школе ученик проводит четыре-пять часов — это не много. Остальное — семья, улица, кино, книга, спорт. Сейчас многое делают общественники: ведут кружки, организуют походы, приобщают детей к

искусству и спорту. Но в этом деле еще очень много самотека, мешает разрозненность действий. Школа должна взять под контроль всю жизнь ученика, стать центром всей воспитательной работы. Но и здесь нужна осторожность, нельзя допустить, чтобы контроль школы превратился в некое недреманное око, надзирающее за каждым шагом подростка.

— Известно, что многие трудности и беды исходят из неопытности родителей как воспитателей. Что нового намечается в педагогическом просвещении родителей?

— Во-первых, расширение сети родительских университетов, лекториев, семинаров. А во-вторых, дело не только в количестве. Нужно добиваться полной отдачи, то есть все, что преподносится родителю, должно быть нужным и интересным. Что толку, если мать первоклассника слушает лекции, скажем, о наступлении полового созревания у подростков? Педагогическое просвещение надо разделить по классам или по группам классов — тогда его успех значительно возрастет.

— Вы уже говорили о всеобщем среднем образовании как о задаче ближайшего будущего. Очевидно, на этом пути педагогов ждут не только лавры, но и тернии. Какие трудности предстоит преодолеть в первую очередь?

— Разъяснить и детям и родителям необходимость среднего образования в наши дни, при нынешнем развитии науки, техники, производства. Еще очень живуча мысль, что слесарю или токарю незачем иметь за плечами десять классов. У станка стоять — не нужно, мол, особой грамоты. Это глубокое заблуждение, но оно, увы, очень стойкое, и развеять его не так просто, как на первый взгляд кажется.

Одна из нелегких задач — поднять уровень преподавания в сельских школах.

Внушительное пока число второгодников заставляет задуматься. Нужна индивидуальная работа с каждым. Это трудно, спору нет, гораздо легче избавиться от неуспевающего. Но это нужно, если мы хотим, чтобы всеобщее среднее не осталось красивым призывом, а превратилось в действительность.

Так что делегатам съезда будет нелегко. Нужен глубокий, всесторонний анализ недостатков, нужны деловые предложения, как их устранить.

ЗНАНИЯ, УВЛЕЧЕННОСТЬ, ТВОРЧЕСТВО

561-я московская школа существует всего третий год, работает со сложным контингентом учащихся. И вот то, как за три года «расхлябанная братия превратилась в коллектив, в улыбающихся», как говорит директор школы Евгения Николаевна Соболева и определило тему беседы.

Сказывается многолетняя работа с детьми: Евгения Николаевна отвечает на вопросы быстрее, чем их успеваешь задать до конца.

— Опирается ли школа в своей работе...

— ...на родителей? В день перед открытием школы мы поняли, что горим. На этажах мусор, классы захламлены, парты не расставлены. Строители школу к сроку сдать не успевают. Пошли учителя по квартирам новых домов: «Подсобите!» Пришло довольно много родителей. Вымыли, подчистили, расставили. И все же это не называется контактом. В воспитательном процессе особой помощи ждать не приходилось. По прошлому опыту родители знают: вызвали в школу — жди нагоняя за плохое воспитание ребенка. И как щит — довод: «На то вы и на место посажены, чтобы за детьми следить. А мы институтов не кончали, не обучены». Вспомнишь первый год — приходили специально, чтобы поругаться. Такие формы работы, как лекции, семинары, нам не подходили.

— Какой путь...

— ...выбрала школа? Стали захаживать наши учителя к родителям в тот час, когда те уже отдохнули после работы. И приходили не с двойками, не с жалобами, а с добрым словом. Что вот, мол, какой ваш сын молодец. Как бегает отлично — чемпионом школы стал. Или похвалят за умелые руки. И к доброму слову прислушивались. Уже не встречали в штыки, когда разговор переходил на менее приятные родительскому сердцу вещи. Стали задавать вопросы. Что делать, чтобы дети настоящими людьми выросли? Или просто зайдет учитель о жизни поговорить, о делах и книжку интересную с собой захватит. По многим квартирам сейчас кочуют книги наших учителей. Школа не только просвещает, она борется. Борется за то, чтобы пьяницы-отцы не портили жизнь своим детям. Каждый такой родитель на учете. Хочешь лечиться — школа поможет, устроит в больницу. Нет — ну что же, школа может добиться выселения аморальных личностей, лишения родительских прав. 561-я — это сила в своем районе. И поэтому сюда идут: «Помогите», «Со школой счи-

таются. В этом году многие родители помогут строить школьный лагерь под Сочи. А в дальнейшем, вероятно, будут и лекции и беседы о воспитании подрастающего поколения. Школа сама воспитывает себе помощников среди родителей.

— Итак, Евгения Николаевна, далеко еще не все родители правильно воспитывают своих ребят, удовлетворяют их духовные и культурные потребности. Значит, школа должна влиять и на эту сторону жизни.

— Мы стараемся через ребят воспитывать родителей. Думаю, что говорить о результатах этой работы рано — их можно ждать через несколько лет. Но я попытаюсь рассказать о нашем эксперименте. В одиннадцати домах нашего микрорайона создано семь разновозрастных отрядов. Отряд включает ребят от четвертого до восьмого класса. Во главе отряда — воспитатель.

— Но ведь отряд объединяется не только местом жительства, но и общим интересом. Четвертый класс — почти дети, восьмой — почти взрослые. Находят ли они общий язык?

— О разновозрастных отрядах сейчас очень много спорят. Одни — за, другие — против. На мой взгляд, ребята великолепно ладят друг с другом. Восьмиклассники рядом с младшими чувствуют себя умнее, старше, испытывают за них ответственность, а те, кто моложе, стараются подтянуться до уровня старших.

После уроков, с двух до половины четвертого, ребята отдыхают. С половины четвертого все юные граждане микрорайона готовят уроки. Отстающие — в школе, остальные — у себя дома. Каждодневные занятия в одно и то же время вырабатывают привычку, дисциплинируют. В шесть часов школа снова открывает двери. Вторник и четверг отдают пионерским и комсомольским делам. Остальные дни — кружкам и спортивным секциям. Кружков у нас масса: филиал клуба моряков и полярников, изостудия, вокальный ансамбль, художественного слова, фото- и кино-, вязки и шитья. На все вкусы. Кружки — это не только удовольствие, развлечения, но и определенные обязанности перед школой. Ребята из кружка практической электроники несут на своих плечах заботы обо всей школьной технике: магнитофонах, проекторах, радиоузле.

В субботу — традиционные вечера отдыха. Открыто наше маленькое кафе. Девочки-кулинарки что-нибудь вкусненькое испекут. Но дело, конечно, не в столе. Ребятам есть куда прийти. Здесь и оркестр играет, и танцы, и самодеятельность. А не хотите выступать, петь, танцевать — и не надо. Просто сидите и разговариваете.

Навстречу Всесоюзному съезду учителей

те, учитесь высказывать свое мнение, слушать собеседника, спорить. Такая свободная обстановка привлекает не только школьников. Приходит и окрестная молодежь.

Не обходится, правда, без недоразумений. Как-то в разгар вечера снизу доносится шум-гам. Спускаюсь. У входной двери — компания подвыпивших парней пререкается с нашими дежурными, не впускающими хмельных пришельцев. Компания обращается ко мне:

— Вот хотим культурно провести время, а ваши нам не разрешают.

— Придете, когда будете трезвыми.

А главный их проникновенно начинает:

— Что же это получается? Значит, нам в подъезд иди и водку пить? Вот напьемся и станем кому-нибудь морду бить. А кто виноват?

Это он на мою сознательность пытался воздействовать. Умные стали, статьи по педагогике почитывают. Но пришлось мальчикам в тот раз уйти ни с чем. А наверху музыка, хохот, песни, девочки нарядные выглядят. Больше ребята пьяными не показывались.

— **Евгения Николаевна, вот вы рассказали о ребятах, которые хотя и не учатся в школе, но тем не менее тянутся к ней. А ведь до сих пор в некоторых школах, избавившись от „трудных“, облегченно вздыхают и тотчас о них забывают. Можно ли изменить подобную систему?**

— Мы пытаемся это сделать, включив ребят, ушедших из школы, в разновозрастные отряды. Для них открыты все кружки и секции. За их жизнью наблюдает педагог, воспитатель отряда. Летом они едут с нами в школьный лагерь. Вместе со своим отрядом ходят в музеи, в кино, в походы, справляют дни рождения, помогают младшим. Как-то внизу, около раздевалки, я встретила подростка с тонким, светлым и веселым лицом. Надо было что-то смастерить для школы, и он дождался товарища. В свое время этот Саша принес учителям немало забот и огорчений. Учился отвратительно, да еще тянул все, что попадалось под руку. А дома тяжелая обстановка. На руках у него мачеха и сестренка. Саша просил, чтобы ему помогли попасть в ПТУ. Мальчику необходимо было сменить обстановку. Сашу устроили в профессионально-техническое училище. Но школа от него не открестилась. После занятий в ПТУ Саша — со своим отрядом. Школа для него второй дом. Дом, который он любит.

— **Евгения Николаевна, насколько точно определение — „трудный“ подросток?**

— Мне кажется, слишком часто подвижных, неумных ребят записывают в трудные. Действительно, есть ребята с плохими наклонностями, но нельзя говорить о них, как о преступниках. За те годы, что я работала вожатой, учительницей, директором, я не встречала неисправимых. И надо сказать, воспитывают не только учителя, но и ребячий коллектив. Это взаимный процесс. Учитель должен найти такие условия, в которых подростку было бы неинтересно лениться.

Два года назад мы впервые выехали в школьный лагерь. Самого лагеря тогда еще не было. Просто мы спи-

сались с председателем колхоза, расположенного под Сочи, и попросили дать ученикам жилье и работу в летние месяцы. Пришло письмо из колхоза: приезжайте, ждем старшеклассников. А старших классов тогда еще не было, они выросли вместе со школой. Собрали мы самые буйные головы из пятых-седьмых классов. Деньги у родителей взяли только на проезд. Увидел председатель ораву и в ужасе замахал на нас руками: «Да что вы?! Нам работники нужны, работ-ни-ки, а вы малолетних привезли. Они тут все перепортят. Уезжайте!»

Оскорбились ребята жутким образом, что их к нетрудовым элементам причислили. Денег на обратный путь нет. Уезжать, не солоно хлебавши, не хочется. Решили доказать, что средний школьный возраст — тоже могущая сила. Упросили председателя доверить нам какое-нибудь дело. И пошла трудовая жизнь: работали на чайных и табачных плантациях, окучивали виноград, собирали фрукты. Зарабатывали отлично. Работать было интереснее, чем ничего не делать.

А вечерами на огонек костра заходили колхозники, местные ребята. И наши вдруг ощутили себя некой культурной силой, поняли, что могут показать местным жителям то, чего те еще не видели. Стали готовить выступление. Так проглянули первые ростки агитбригады. А когда отбывали, председатель дал наказ обязательно приезжать на следующий год, обещал отвести под лагерь кусок колхозной земли. Так что в этом году начинаем строиться.

Сейчас школа подходит к высшей стадии воспитания — самовоспитанию.

Ребята воспитывают себя и друг друга. Есть в школе негласное правило: знаешь о чужом проступке — не ябедничай, но заставь сознаться самого провинцившегося.

— **Евгения Николаевна, какими качествами, по-вашему, должен обладать настоящий учитель?**

— Эрудиция, глубокие знания, умение сходить с людьми. И я ввела бы в институтах, готовящих учителей, дисциплину об умении разговаривать, о манере, о тоне разговора. Ведь учитель все время пользуется словом.

Прекрасно, когда учитель — человек увлеченный. Особенно педагог-воспитатель разновозрастного отряда. Педагог нового типа. Педагог-вожатый. Энергичный, способный своим пристрастием увлечь ребят. Конечно, учитель не может быть сразу, как говорят, «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Но минимум одно увлечение ему необходимо. В школе 20—30 педагогов. Если бы каждый из них имел свое увлечение, насколько бы расширились границы ребячьего мира. К таким людям ребята сами липнут. Вон какой табунчик вечно ходит за нашим учителем математики, музыкантом-любителем, организованным в школе и оркестр, и вокальный коллектив.

Еще одно непереносимое требование к учителю: он должен учиться, экспериментировать, творить, искать свой метод.

Беседу вела Е. БОРИСОГЛЕБСКАЯ

НАШИ ПОЖЕЛАНИЯ ШКОЛЕ

Вопросы школьного образования, воспитания подрастающего поколения сегодня волнуют каждого. Наш корреспондент обратился к людям различных специальностей и жизненного опыта с просьбой поделиться своими мыслями о школе, о воспитании детей. Эти интервью мы публикуем.

СООБЩА ДУМАТЬ И ДЕЙСТВОВАТЬ

Школа — дело не частное и не ведомственное, а буквально каждого человека, всего народа. Все мы были такими же школьниками, какими теперь стали наши дети. Хорошее настроение в семье — я глубоко в этом уверена — во многом зависит от того, как дети учатся и воспитываются в школе. Школа и семья у нас — единое целое. Школьные проблемы неразрывно связаны с семейными. Множеством писем откликнулись читатели на книгу «Учитель в моей жизни», которую мне посчастливилось редактировать. С огромной любовью, теплотой, уважением пишут люди об учителе. Но и многие серьезные вопросы ставят в своих письмах.

Один из родителей рассказывает: «Когда сын пошел в школу, заботы у нас значительно возросли. То и дело меня вызывают в школу для разговора о его поведении, в его дневнике пестрят фразы: «Вы плохо воспитываете своего сына!», «Он хулиганит на уроках!», «Вчера он ушел из школы». Жена и я по очереди ходим в школу и улаживаем конфликты сына с учителями. Но вот, что меня удивляет. В той же школе в последнем классе учится наша дочь Лиза. Она отличница и хорошая комсомолка, несколько лет подряд член бюро школьного комитета комсомола. Все годы имела только отличные отметки и подает надежды окончить школу с золотой медалью. Как-то я спросил у директора школы: что же вы ничего не говорите о Лизе? А он мне ответил снисходительно так, будто наше дело — отвечать за плохого сына, а к успехам дочери мы непричастны: «Ну что ж о ней скажешь? Ничего плохого о ней сказать не могу». Я уходил от директора с чувством обиды, хотя

худого как будто он ничего мне не сказал. Но ведь мог бы он поделиться с отцом своей радостью за успехи ученицы. Я вспомнил, что вот уже десять лет нас, родителей, ни разу не приглашали в школу, чтобы поговорить о дочери. Выходит, когда плохо — и вызовы, и требования, и угрозы. А когда хорошо — будто и незнакомы, и говорить не о чем, и семья тут ни при чем».

Рассказ этот отражает довольно типичные взаимоотношения, которые порой складываются между учителями и родителями, — отношения по формуле: «они» и «мы». Не «мы сообщаем», не «нам вместе решать и думать», а почему-то недоброжелательное и подозрительное — «они». Да кто же эти «они»? Неужто родители не хотят, чтобы росли хорошими их дети? Воспитание — это целостный процесс. И воспитывать — значит сообщать и думать, сообщать искать выход, помогать друг другу с доверием и пониманием. Ведь только этот способ единственно конструктивный, как теперь говорят. И уж, бесспорно, единственно плодотворный.

П. КОНДЮКОВА,
старший редактор издательства
«Советская Россия»

Москва

ВОСПИТЫВАТЬ ШИРОТУ ВЗГЛЯДОВ

Плохо, когда со школьной скамьи человек теряет широту взглядов, суживая свое видение лишь рамками будущей специальности. Такая ограниченность — плохой помощник. Я механизатор, но стою на том, что каждый человек моей профессии должен быть немножко лириком. Это поможет, помимо всего прочего, лучше и шире мыслить, ближе стоять к подлинной жизни. Известно, что Эйн-

штейн, автор теории относительности, был музыкантом. Несомненно, любовь к музыке помогла ему в его великих открытиях, и я ощущаю теорию Эйнштейна как труд поэтический.

Вообще я пришел к выводу: чтобы сделать что-нибудь стоящее в одной области, нужно многое знать в других областях знаний. Конечно, каждая профессия требует своего. Но есть отрасль знания, обязательная для людей всех профессий. Я говорю о литературе. По опыту знаю, что художественная литература смягчает душу, учит любить людей, понимать природу.

В последнее время много говорят об инженерной психологии. Дело это нужное, перспективное. Но есть и просто человеческая психология, важная и необходимая в любом деле, в том числе в инженерном. Недаром бывший токарь, крестьянин по рождению, революционер по профессии и замечательный педагог, пропагандист по призванию, Михаил Иванович Калинин, говорил, что надо изучать литературу, как величайший источник человекознания.

И уж коли зашла речь о М. И. Калинин, хочется отметить примечательный факт его биографии: все его знания — результат самообразования. Ведь всего 4 года школьной учебы были за спиной у Всесоюзного старосты. Но стал он образованнейшим человеком своего времени.

Хотелось, чтобы школа прививала своим питомцам постоянную жажду знаний. Ведь человек может и должен учиться всю жизнь. Стремление к этому и умение «самообразовываться» закладываются еще в отрочестве. Именно в эти годы надо воспитывать потребность и способность овладевать всем, чем богата жизнь, что необходимо современному человеку.

У. БАДАЕВ,
старший инженер-механик

г. Жигулевск

НАШИ ПОЖЕЛАНИЯ ШКОЛЕ

ЗА КРАСОТУ — ФИЗИЧЕСКУЮ И ДУХОВНУЮ

Я много езжу по свету и, естественно, бывая в той или иной стране, хочу больше узнать о ее жизни. Среди того, что меня интересует, не последнее место занимают школьные дела, в частности роль школы в физическом воспитании детей.

За рубежом во многих странах я обратил внимание на хорошо оборудованные в школах спортивные площадки. Многие учителя сами с увлечением занимаются спортом и приобщают к нему своих учеников. В Канаде я был удивлен тем, что всякий учитель — химии или физики, литературы или математики — гордится успехами своих школьников в спорте и знает, какую школу окончил любой рекордсмен. Мы же часто почти ничего не знаем о школьных годах наших выдающихся спортсменов. А жаль! С этого, мне кажется, надо начинать пропаганду наших спортивных достижений. Именно школы могут и должны давать своим питомцам первый и серьезный «толчок» в данной области. А то ведь нередко получается и так, что вырастают из неслухов, озорников замечательные спортсмены. А потом, задним числом, их успех школа приписывает себе: «Мы воспитали чемпиона». Между тем для пользы дела важно проследить и понять, как спорт помог юному человеку стать на ноги, верно направил его энергию, подготовил к большим достижениям.

Школа может помочь вырастить спортивный талант. Но может и испортить его обладателя при неверном подходе. Чего греха таить, иную районному или городскому чемпиону-ученику нередко многое прощают в стенах той же школы: «Он защищает нашу честь». И отметки

натянут, и слабый ответ зачтут, и пропуск занятий без уважительной причины не заметят. Традицию «чемпиономании» перенимает институт, куда мастеру спорта бывает не в пример легче поступить и учиться. А потом «вдруг» обнаруживается малая образованность или моральная невыдержанность такого, может и многообещающего, спортсмена, но плохо воспитанного человека.

Спортивный чемпион — не только гордость страны. Это пример, на который равняются тысячи ребят. Надо понять, что разговорами о необходимости заниматься физкультурой, снижением оценок за отсутствие тапочек мы сделаем для пропаганды физического воспитания гораздо меньше, чем увлекательными рассказами о детстве и юности чемпионов. Тогда детворе станут близкими такие понятия, как «второе дыхание», «спортивная выручка», «воля и победа», такие вещи, как обязательная зарядка, упорство в тренировках, туристские походы в выходные дни — целым классом, группой друзей или всей семьей. Тогда мы достигнем массовости спорта и наибольшего числа личных спортивных достижений во всех его видах.

Могут спросить, что это я все о физическом воспитании толкую? Не пора ли поговорить о воспитании умственном? Один товарищ сказал мне: «Вы о физическом воспитании беспокоитесь так, будто готовите детей воду возить, а не мысли носить». Пришлось ответить: «Я сторонник того, чтобы наши дети умели все. Но меня беспокоит, что об умственном воспитании заботятся много, а о физическом — еще непростительно мало. Между тем надо, чтобы дети росли красивыми и сильными — как физически, так и духовно».

И. КОМЗИН,
профессор, Герой Социалистического
Труда
Москва

ЗНАКОМИТЬСЯ С ЖИЗНЬЮ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

Уже много лет я переписываюсь с учениками 56-й школы города Барнаула. И письма их показывают, как богаты и разнообразны интересы школьников.

Когда школьники решили написать сочинение о нашем заводе, я по возможности снабдил их литературой, в письме рассказав, как работал завод в годы войны — всю ленинградскую блокаду я проработал у станка.

В один из приездов ребят в Ленинград я беседовал с ними о книге мемуаров старого рабочего нашего завода, участника штурма Зимнего, Героя Социалистического Труда Владимира Якумовича Карасева. И обратил внимание, с каким интересом школьники отнеслись к этой книге. Они засыпали меня множеством вопросов, и пришлось напрягать память, чтобы вспомнить все интересующие их подробности.

В педагогической печати не раз уже писалось о том, что книги бывалых людей, мемуары ученых, людей труда — прекрасное подспорье в воспитании детей. Я тоже так считаю и не случайно заговорил об этом. Я хорошо знаком с такой литературой, с откликами читателей на нее и знаю, что школьники любят эти книги, с увлечением их читают. «Воспоминания» Е. Патона, «Пути-дороги» А. Улесова, «Страницы жизни» В. Карасева, «О чем шепчут колосья» К. Борова и другие подобные им книги я внес бы в программу внеклассного чтения. Верю, что они сыграют важную роль в нравственном и трудовом воспитании каждого школьника.

Е. САВИЧ,
фрезеровщик Кировского завода,
лауреат Государственной премии
Ленинград

В. И. ЛЕНИН
в кабинете
в Кремле.
Фото 1918 г.

Из воспоминаний об Ильиче

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ПИШЕТ «СТАРИК»

В Самаре, а затем в Киеве я, как агент «Искры», а после II съезда партии член ЦК, был, по выражению Ленина, «по уши, так сказать, погруженный в положительную практическую революционную работу». Зинаида Павловна тоже вела активную подпольную работу. У нас были различные партийные клички: Лань, Ланиха, Клэр, Смит, Травинский...

Владимир Ильич требовал, чтобы мы ему писали каждую неделю. И сам часто присылал письма — по разным адресам. Многие из его писем начинались так: «Пишет старик. Сейчас только получил письмо Лани... и отвечаю немедленно».

В письмах были советы, наставления, требования, просьбы. Он внимательно следил за судьбой товарищей и заботился о нашей безопасности. Когда надо мной нависла угроза ареста, Ильич забеспокоился: «Дорогой друг!.. — писал он мне в феврале 1904 года

в Киев. — По-моему, ты должен непременно заставить Лань тотчас же уехать и переменить шкуру. Нельзя и смешно ей ждать удара...»

Очень переживал Владимир Ильич раскол партии на II съезде, после съезда и особенно измену делу революции недавних соратников. «Дорогие друзья! — писал он нам 5 октября 1903 года. — Никакой надежды на мир больше нет».

В период «Союза борьбы» Владимир Ильич был дружен с Мартовым. После II съезда партии он написал мне письмо, что Мартов теперь не тот, и нам надо забыть о дружбе с ним. Ленин был принципиален в отношениях с людьми.

ПРАВ БЫЛ ИЛЬИЧ

В ноябре 1903 года я получил от Владимира Ильича взволнованное письмо. «Дорогой друг! — писал он. — Еще раз настоятельно прошу приехать тебя, именно тебя, и затем еще одного-двух из ЦК. Это безусловно и немедленно необходимо. Плеханов изменил нам...»

¹ Продолжение. Начало см. в № 1, 2, 4 «Семья и школы» за этот год.

Я приехал в Женеву. Бои с меньшевиками были в полном разгаре. Владимир Ильич был очень возбужден. Волнуясь, он всегда ходил по комнате.

После II съезда партии все уговаривали Ленина согласиться на предложение Плеханова — расширить редакцию «Искры».

Когда я приехал к нему, Владимир Ильич стал спрашивать и меня:

— Все так думают?

— Да, — ответил я.

— Что же, выходит, я один умный, а все дураки? Не может этого быть.

Но прав оказался он.

В своей известной речи на совете партии в январе 1904 года Ленин так характеризовал мою миссию: «Тов. Травинский мог предполагать кооптацию, надеясь на водворение доброго мира в партии, но надежды его совершенно не оправдались.

Оказалось, что редакция Мартова и товарищей вместе с миром начала войну с большинством...»

В МАНЕЖЕ

После длительной разлуки мы встретились с Лениным после революции уже в Кремле. Как-то он вызвал меня и несколько смущенно сказал:

— Глеб, ты на меня не обижайся. Мы переходим на «вы». Я ни с кем не имею права теперь быть на «ты», подчеркивать близкие отношения.

С тех пор мы перешли на «вы»...

Я однажды спросил Владимира Ильича:

— Какое самое страшное событие было в вашей жизни?

Ильич рассказал, как в конце 1917 года в Петрограде его пригласили выступить в Манеже перед воинскими частями. Манеж огромный, к кафедре пришлось проталкиваться через густую толпу вооруженных людей. У кафедры явно враждебная группа. Лица хмурые, угрожающе бряцают оружием. Все это было похоже на засаду. Ленин начал речь. Его перебивали.

— Тогда я решил, — рассказывал Владимир Ильич, — принять бой: посмотрим — кто кого?! Разозлился страшно. Никогда я не испытывал такого напряжения воли, никогда не чувствовал так близко смерть...

Через полчаса победа была полной. Аудитория вся на стороне Ленина. Переодетые в солдатские шинели офицеры поспешили ретироваться.

НАШ НАРОД ВЫДЕРЖИТ

Однажды в 1919 году я пришел к Ленину очень расстроенным.

— Владимир Ильич, страна в отчаянном положении.

— Откуда вы знаете, Глеб Максимилианович?

— Вот из этой карты.

Я показал на висевшую в кабинете карту, где флажками были отмечены линии фронтов.

— Я запрещаю вам смотреть на эту карту, Глеб Максимилианович! — воскликнул Ленин.

Во времена голода и разрухи, приходя к нему, я часто сетовал на невероятные лишения, которые испытывает народ.

— Очень плохие дела, Владимир Ильич, — говорил я.

— Да, Глеб Максимилианович, тяжело, — соглашался он. — Ужасно. Я сам удивляюсь выдержке народа. Такие лишения и такое напряжение сил!

И, нагнувшись, тихо, словно по секрету, добавил:

— Знаете, ни англичане, ни немцы, ни французы не выдержали бы этого. А наш народ выдержит. Только наш народ может выдержать!

ВПЕРВЫЕ В ДЕВЯТНАДЦАТОМ...

О том, как в годы разрухи создавался план ГОЭЛРО, как мечтал Ленин сделать темную, разоренную Россию страной сплошной электрификации, — написано немало, в том числе и мною.

Как председатель комиссии по составлению плана ГОЭЛРО, я часто бывал у Владимира Ильича в Кремле, советовался с ним по делам электрификации. Приходил и он к нам, на улицу Садовники, в дом 30, где работала комиссия и жил я. Дом этот мы выбрали потому, что в нем было дровяное отопление, и ученые могли заниматься в относительно тепле.

Ленина очень интересовало все, что было связано с вопросами науки. В те немногие минуты отдыха, которыми располагал Владимир Ильич, не было лучшего средства отвлечь его от повседневных забот, чем беседа о новостях науки и техники. Я даже подшучивал: техника много потеряла от того, что Ленин в юности изучал юриспруденцию.

Когда Владимир Ильич ознакомился с нашим планом, он написал мне: «Нельзя ли добавить план не технический, а политический или государственный, т. е. задание пролетариату?»

В Ленине жила неиссякаемая вера в народ, в его могучие творческие силы. И он, как никто другой, умел вызывать к жизни эти силы, направлять их.

Я ЗА НИМ, КАК ЗА БАРЫШНЕЙ, УХАЖИВАЮ...

Ильич страстно любил талантливых людей: искал их и помогал им. Иногда в спешке посылал ко мне какого-нибудь изобретателя с идеей, которая не представляла ничего реального.

Однажды он послал ко мне изобретателя лучей, зажигающих на расстоянии. Ознакомившись с его предложением, я доложил, что «изобретатель» прохвост, а его изобретение — «липа».

— А вы не торопитесь, — говорил Ленин. — Проверьте еще раз, может быть, в его идее есть что-нибудь ценное...

Любил он одного талантливого товарища, многое прощал ему.

— Я за ним, как за барышней, ухаживаю, — говорил Владимир Ильич. — Он ведь такой. Может накричать, хлопнуть дверью и уйти.

ПЛАН ВЕЛИКИХ РАБОТ

Перед Генуэзской конференцией, когда буржуазный мир был полон идеей о новой мировой империалистической войне, я сказал Владимиру Ильичу: мы могли бы противопоставить этому планы великих мировых мирных работ.

— Мы бедны морскими путями, — говорил я, — но можем это исправить. Надо провести железнодорожную сверхмагистраль через континент на базе мощной электрификации. Перевозки по ней будут так же дешевы, как морской транспорт, и много быстрее.

— А вы можете рассчитать это? — спросил заинтересованный Ленин.

— Могу.

— Читайте, — благословил он.

В Госплане мы сделали соответствующие расчеты железнодорожной сверхмагистрали Лондон — Москва — Пекин.

— Тащите расчеты к Чичерину, — сказал Владимир

Ильич. — Пусть он предъявит их, как наше предложение, на конференции.

Вместе с Чичериным меня включили в советскую делегацию в Геную.

АВТОРУ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ДОМИКА

Это было перед заболеванием Ильича в 1922 году. Знаменитый американский электротехник Штеймец, построивший известный электрический домик, прислал письмо, где выражал восхищение гением Ленина и предостерегал против американской демократии, которая, по его, Штеймца, мнению, лжива.

Владимир Ильич усмехнулся.

— Он мне пишет об этом!..

Ленин имел достаточно твердое мнение об американской «демократии».

По его просьбе я набросал ответ Штеймцу. Владимир Ильич исправил мой набросок и подписал письмо американскому ученому. Он благодарил за теплые слова, рассказывал о плане электрификации России.

Это было одно из последних писем Ильича.

НА ГОЛОВУ ВЫШЕ

Владимир Ильич был всегда скромным, простым и доступным.

Внешность его на первый взгляд казалась ничем не примечательной. Но как только он заговорит, его слова, вопросы, реплики поражали каждого остротой и глубиной ума.

Бывало, говоришь ему:

— С вами спорить бесполезно.

— Почему? — спрашивал он.

— Все равно останусь в дураках.

Иногда рассердиться на Владимира Ильича за что-нибудь, потом подумаешь и убедишься в его правоте. И разозлишься на самого себя!

УМЕЛ СМЕЯТЬСЯ ДО СЛЕЗ

Ленин был очень насмешлив — иногда добродушно, иногда зло. Часто любил «поддевать».

— Владимир Ильич, этот человек хороший, — говорил я.

— А скажите, Глеб Максимилианович: что такое хороший человек? — спросит он и хитро прищурится.

Ленин умел смеяться до слез. Однажды я сильно поспорил с тогдашним наркомфином Сокольниковым. Разгоряченные, мы ворвались к Владимиру Ильичу и обрушили на него потоки слов.

Владимир Ильич сначала прислушивался, стараясь понять нас, потом стал краснеть и наконец разразился хохотом.

— Они думают, я что-нибудь могу понять, — сказал он, нахохотавшись до слез.

«Противникам» ничего не оставалось, как присоединиться к его смеху.

Литературная запись Л. ПОДВОЙСКОГО

ЛИЧНО

Б. ЛИХАЧЕВ

кандидат педагогических наук

В школу посоветоваться пришла мать шестиклассника Саши. Не могла она понять: что происходит с сыном! Соседи стали жаловаться на его грубость. А вчера вечером вернулся с улицы поздно и от него пахло табаком. На упреки матери огрызнулся: «Один парень курнул два раза, а я рядом стоял. Вот и пахнет. И ничего сейчас не поздно! Меня и так все за маменькиного сынка считают!»

Выслушав рассказ матери, классный руководитель, в свою очередь, поделился с ней: на днях группа ребят сбежала с урока, и с ними был Саша. Тут есть над чем задуматься.

— Вы знаете, — сказал педагог, — я беседовал с Сашей после побега. Он говорит: «Все пошли, а я рыжий, что ли?» Вот я и думаю, что и курил он не по своей воле. Побоялся, что ребята обзовут его маменькиным, маменькиным сынком. Видимо, наша ошибка в том, что детей мы нередко воспитываем на одних запрещениях. А подросток требует самостоятельности. И часто выражается это в том, что он нарушает все прежние запрещения.

Недавно на педагогическом совете мы разбирали похожий случай. Только там шла речь о целом классе. 5-й класс «А» все четыре предыдущих года был образцовым по дисциплине. Учительница строго следила буквально за каждым шагом своих учеников.

И вот в один из дней учебного года новый классный руководитель застаёт такую картину: парты сдвинуты, на полу разбросаны цветы, ребята в измятых костюмах после шумной возни. Вот вам и дисциплинированный класс!

Почему же так случилось? Потому что вся дисциплина до этого держалась в классе лишь на строгости учителя. И пока ребята были в начальных классах, они просто подчинялись этой строгости. Однако за лето многое изменилось. Дети стали старше. В то же время они знали, что больше Нина Ивановна к ним не придет. Тормоза больше не было! И они решили проявить свою «самостоятельность». А вот к действительной самостоятельности в поведении прежняя учительница их и не подготовила.

Нечто подобное, видимо, происходит и с Сашей. Не в том ли и ваша ошибка, что мальчик привык лишь слушаться других, выполнять чужую волю, а не поступать самостоятельно? Это и делает его бесхарактерным, легко поддающимся плохому влиянию со стороны.

Подрастающий человек постепенно включается в сложный мир человеческих отношений и зависимостей. Немыслимо дать ему заранее точный рецепт поведения в каждом случае. Как же быть? Выход один: учить школьника самостоятельно ориентироваться в жизни!

СЕМЬЯ ДЕТИ

ОТВЕТСТВЕН !

самому управлять своими побуждениями и чувствами, стремлениями и поступками.

К сожалению, родители часто поступают наоборот. Они педантично регламентируют каждое действие ребенка, лишая его возможности самостоятельно подумывать, как лучше поступить в том или ином случае.

Уходя на работу, родители отдают распоряжение дочери:

— Придешь из школы, поешь. В этой кастрюле — суп, в той — картошка. Вот сковорода. На ней подогреешь картошку. Воду для мытья посуды согреешь в этом чайнике. Сходишь за хлебом. Купишь буханку черного и два батона. Уроки выучишь — погуляй.

Все это девочка выслушивает чуть ли не каждый день.

— Да знаю я... — неуверенно протестует она.

— Слушай и молчи, много ты знаешь! Не забудь с собой деньги взять, ключи.

Вечером идет проверка выполненного.

— Что же ты черствого хлеба так много купила?

— Сколько сказали, столько и купила.

— Не могла догадаться, что черствого надо взять меньше?

— Не догадалась.

— А почему комнату не убрала?

— Вы же этого не поручали.

Можно с уверенностью сказать: таких бы ответов не было, если б девочке больше доверяли, учили ее действовать самостоятельно, развивали в ней инициативу.

Вот другой пример. Ребенок дома не может решить задачу по арифметике. Отец готов помочь ему. Но как? Он сам берется за дело и потом протягивает сыну готовое решение.

— Эх, ты! Не можешь такую пустяковую задачу решить! Смотри сюда. Понял? И нечего было сидеть три часа!

Но что дает ребенку такая помощь? Он лишь видит превосходство родителя и убеждается в собственной

беспомощности. Это расслабляет его волю, гасит уверенность в своих силах.

Как-то при строительстве школьного стадиона группе старшеклассников поручили спилить несколько деревьев на пустыре. Прошла неделя, а задание все еще не выполнено. Классная руководительница упрекнула ребят:

— Как вам не стыдно! Сколько вы еще будете тянуть с этим делом?

— А где мы пилу возьмем? Была бы пила, давно уже все сделали бы.

Школьники почти уже взрослые, а привыкли, что кто-то их должен обеспечить, — их дело лишь применить мускульную силу. Вот результат, к которому приводит чрезмерная регламентация в воспитании.

Дело не только в практической несамостоятельности. Хуже, когда она оборачивается и моральной несамостоятельностью. Такой ученик, сам по себе неплохой, иногда легко попадает под влияние недисциплинированного, распушенного, но независимого по характеру школьника. Один привык подчиняться, другой — сам распоряжаться собой. И вот первый ученик, не умеющий думать сам за себя, под напором второго бежит с урока, «затягивается пару раз» папироской, выпивает рюмку вина. Он легко поддается чуждым, случайным влияниям.

Таким образом, можно выделить по крайней мере два вида детской самостоятельности (а значит, и несамостоятельности): нравственно-волевую и практически-трудовую. Они тесно связаны. Овладевая навыками практической самостоятельности, ребенок укрепляет в себе уверенность в собственных силах, самоуважение, волевые качества. В свою очередь, развитие нравственной самостоятельности и воли ребенка создает наилучшую основу для овладения знаниями, формирования умственной и практически-трудовой самостоятельности.

Стремление к самостоятельности проявляется до-

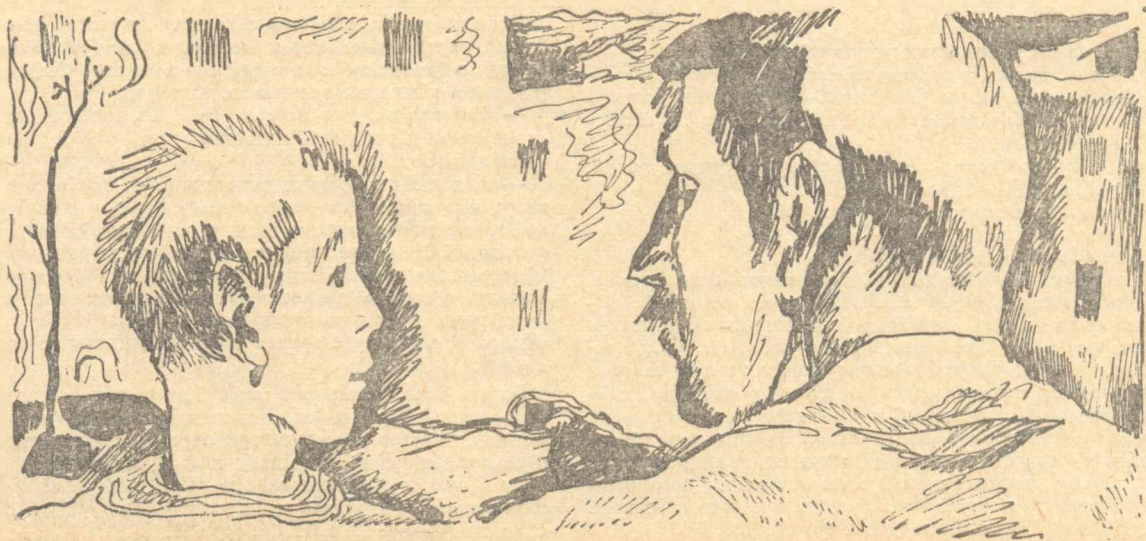

Рисунок А. Акритас

вполне рано. Но особенно интенсивным оно становится в подростковом возрасте. Не учитывая этого, родители тем самым ставят сына или дочь в опасное положение.

Ребенка сравнительно легко привести к безоговорочному подчинению. Но именно такие дети, вступив в период отрочества, стремятся освободиться от всякого, в том числе и полезного, руководства старших. В то же время, не будучи готовыми к подлинной самостоятельности, они попадают в худший вид зависимости — от случайных товарищей, от «авторитетных» уличных вожakov.

Чтобы избежать этого, надо уже младшим детям предоставлять разумную свободу, последовательно расширяя ее по мере овладения ими знаниями, умениями, навыками правильного поведения. Такая самостоятельность должна постепенно распространяться и непосредственно на область воспитания. Иначе говоря, оно все больше будет превращаться в самовоспитание.

Самовоспитание — это система упражнений, которые человек сознательно осуществляет, чтобы выработать у себя определенные личные качества. В первую очередь, важно научиться владеть собою, самостоятельно преодолевать возникающие трудности, управлять своими чувствами, поступками.

Самостоятельность в детях воспитывается, прежде всего, привлечением их к решению конкретных — трудовых, хозяйственных, организационных, бытовых, культурных — задач. Приобретая чисто практические навыки, ребенок одновременно учится планировать свое время, распределять силы, рационализировать труд и в конечном счете управлять собою.

Существенен и метод организации ребячьей деятельности. А. С. Макаренко писал: «Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет это делать — предоставьте решать и отвечать за это решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную, последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем лучше она будет в педагогическом отношении».

Подростку можно поручить, скажем, покупать хлеб, принести дрова, убирать комнаты, сходить за билетами в кино, ухаживать за спортивным инвентарем и т. д.

Полезно, используя подходящий повод, обсудить с подростком качество проявляемой им инициативы, ориентировки, способности к оценке. Скажем, сходили на фильм не очень удачный.

— Что же ты взял билеты на такой фильм?

— Да я не знал. По названию интересный.

— Надо судить не по названию. Спросил бы тех, кто видел, почитал бы рецензии в газетах. А то по названию...

...Выпал первый снег. Лева достал из чулана лыжи.

— Готовишься? — спросил отец.

— А чего готовиться-то? Все готово!

— А мазью смазал?

— Нет еще. А какой мазать?

— Не знаю. А ты посоветуйся с опытным лыжником.

Иногда ребята стремятся освободиться от личной ответственности за свои действия, переложить ее на плечи других. Взрослые, привыкшие сами распоряжаться, легко поддаются на такую уловку. Между тем во многих случаях важно предоставить подростку свободу действий именно для того, чтобы он лично за них отвечал.

...Маша не закончила учить уроки, но ей очень хочется пойти к подруге. Она знает, если мама разрешит ей пойти, то тем самым вина за невыполненное домашнее задание ляжет по крайней мере на них двоих. А если не разрешит, то есть повод покапризничать.

— Мама, можно я пойду к Ане?

Но мать не поддается на «маневр» дочери и спокойно говорит:

— Реши сама. Если у тебя все в порядке, конечно, иди. Ведь ты уже большая. Но если окажется, что не все сделано, то в следующий раз придется не только строже проверять, но и решать за тебя: можно ли тебе пойти погулять?

Маша подумала и решила:

— Я еще немного позанимаюсь. Доделаю тут кое-что, а уж потом сбегая к Ане.

Именно через такие отношения у подростка формируется чувство личной ответственности как условие желаемой самостоятельности.

Самостоятельность и ответственность подростка неотделимы от умения преодолевать свою боязливость, жадность, грубость или другие отрицательные качества личности, побеждать чувство ложного стыда, устоять перед внешним соблазном и т. д. Это достигается путем самовоспитания, и к нему надо подводить ребят уже с первых шагов.

Иногда ребенок боится войти в темную комнату. (Такой страх, кстати, часто создается и укрепляется у малышей по вине самих взрослых или старших ребят.) Пусть он упражняется, входя в темную комнату сначала с родителями, а потом, подавив в себе боязнь, и один. Как радостно, когда побеждаешь самого себя.

...Играли в школу, всем хотелось быть учительницей. Решили установить очередь. Оле досталось быть четвертой, но она хочет быть первой и бежит жаловаться маме. Мать говорит:

— Все хотя бы быть первыми. Но все терпеливо ждут своей очереди. Потерпи и ты.

Подростки сами уже стремятся к самовоспитанию. Правда, они часто ошибаются, думая, что для этого необходимы какие-то специальные искусственные упражнения. Родители и должны помочь детям понять: когда те вовремя всажают со стелли и систематически делают зарядку, добиваются решения трудной задачи и добросовестно выполняют не очень интересную, но нужную работу, находят в себе мужество сказать правду и признать свою ошибку, то этим они и воспитывают сами себя, закаляют свою волю, утверждают себя как личность.

Такое самовоспитание идет особенно заметно, когда эти повседневные действия подкрепляются беседами с подростками, формирующими их сознание, моральные представления.

Поводом к беседе могут служить, прежде всего, события, происходящие в семье, в школе. Вспомним Сашу, о котором мы говорили вначале. Свой уход с урока он объяснил родителям так:

— Все пошло, и я пошел. Вон, Колька остался, так его трусом и подлизой называли.

На это отец ответил:

— А я думаю, Колька остался не из-за боязни, а потому, что считал неправильным уход с урока. И он не побоялся пойти против ребят, чувствуя себя правым. Молодец! Жаль только, что он не постарался убедить и других, которые бездумно пошли за теми, кто хотел сорвать урок. А ты поступил как овца: она обычно идет туда, куда все идут. Надо думать, куда и зачем идешь. И надо чувствовать ответственность за свои поступки.

Богатый материал для таких бесед дает и повседневная жизнь страны, отраженная на страницах печати. Воля, мужество, самопожертвование, раскрывающиеся в поступках тысяч советских людей, показывают детям силу и красоту человеческого духа, учат их быть самостоятельными, глубоко чувствовать свой долг и личную ответственность за свое поведение.

Вовкины художества

Вовке вечно что-нибудь нужно. И по этой причине у него всегда одни неприятности.

На днях, например, движимый неиссякаемой энергией, Вовка вновь попал в беду: разыгрывая во дворе сложную хоккейную комбинацию, он одним ударом поразил сразу два соседских окна. Однако пострадали не только стекла, но и Вовкино самолюбие, так как он битый час простоял в углу, искоса поглядывая на ремень, который, по утверждению отца, давно сучает по Вовке. И бог его знает, чего бы еще ни натворил наш деятель, если бы не случай. Судьба Вовки была решена в тот самый вечер, когда он стоял в углу дольше обычного.

— Это все тлетворное влияние улицы, — тихо сказала мама. — Сегодня окно, завтра чей-нибудь глаз, а послезавтра... — Мама перевела дыхание и умолила. Продолжать она не решилась.

— Надо прививать ребенку хорошие начала, — внушительно изрек папа и с уважением посмотрел на ремень. — Разве что эстетикой на него повлиять? Пусть походит по музеям, может, и наберется чего путного. А для начала поручи его Ефросинии Ивановне.

Мама не возражала. Она только не верила, что на Вовку вообще что-то может повлиять.

Ефросиния Ивановна — соседка по квартире, служившая смотрителем в одном из залов художественной выставки, — охотно приняла предложение Вовкиных родителей и пообещала завтра же взять с собой ребенка на выставку. И черный день настал... Так, во всяком случае, считал Вовка. Но неожиданно для него все обернулось удачей. И Вовка понял это сразу, как только переступил порог музея.

Среди прочих полотен в залах экспонировались работы известного на Западе абстракциониста. Раньше Вовке никогда не приходилось видеть что-либо подобное. Он долго разглядывал замысловатую фигуру из трех продольных и двух поперечных разноцветных палок со сломанной пружиной посередине и пытался догадаться, чем может питаться художник, если то, что Вовка видит, и есть его автопортрет.

Потом Вовка круто склонил голову набок. Теперь поперечных палок было три, а продольных — две, а пружина встала на попа. Вовка даже улучил минутку, когда поблизости никого не оказалось, и посмотрел на портрет снизу, через расставленные ноги, стоя спиной к картине. Но загадочный автопортрет по-прежнему не раскрыл своего лица. Вовка разочарованно вздохнул и перешел к следующей картине.

Вечером Вовку трудно было узнать. Он был тих и задумчив. Мама не на шутку всполошилась, даже предложила смерить температуру. Только папа хранил ледяное спокойствие.

На другой день Вовка снова увязался на выставку за Ефросинией Ивановной. Он долго топтался в углу, где висела знакомая картина, что-то обдумывая и прикидывая.

Дома он опять был необычайно сговорчив и послушен. Ко всеобщему удивлению, он тщательно вымыл руки перед ужином и даже почитал вслух без напоминаний. Но потом что-то долго мастерил в своих владениях за шкафом.

К следующему походу в музей Вовка даже подстригся, чем вызвал полное недоумение родителей.

И снова в выставочном зале он долго вертелся у автопортрета, рядом с которым появилась новая картина

под названием «Вечер». Затем Вовка разыскал книгу отзывов и не очень уверенным почерком написал: «Мне очень нравится картина, которая называется «Вечер». Вова К., 9 лет».

Довольный успешным завершением своей затеи, Вовка, взволнованный, не дожидаясь Ефросинии Ивановны, ушел домой.

Через несколько дней он опять держал в руках книгу отзывов. Долго листал страницы и наконец нашел то, что искал. С трудом разбирая запись, он прочел отзыв на картину «Вечер»: «...даже ребенок, со свойственной ему непосредственностью, сумел удивительно тонко подметить необычайно емкую цветовую гамму, создающую неповторимый колорит весеннего вечера... Это ли не подтверждение успеха художника, всеобщее признание его таланта?..»

Вовка немедленно переписал вещи слова. Домой он вернулся озабоченным. Непонятные слова требовали расшифровки. Но старания мамы разъяснить их смысл оставили Вовкину просвещенность на прежнем уровне. Но главное он понял: быть хорошим художником трудно, для этого нужно иметь талант. И Вовку это вполне устраивало — другого он и не хотел услышать. Остаток дня он провел во дворе, гоняя шайбу самодельной клюшкой. А спустя час за разбитое стекло Вовка был доставлен домой дворником дядей Митей. Хмыкнув в кулак, тот доложил, что дела этого он так не оставит, поскольку у всех дети, как дети, а этот обязательно чего-нибудь да вытворит.

Потом дворник ушел, а Вовку вызвал на беседу отец. Она не предвещала ничего хорошего. Это сразу можно было понять по папиному лицу, но Вовка решил дать бой первым. Он отступил на шаг и твердо сказал:

— Детей бить нельзя, тем более талантливых.

— Талантливых, говоришь? Да я за твой талант крошить стекла половину получки отдаю. А ну, снимай штаны, паршивец!

Вовка не отступал:

— Ты, конечно, можешь меня выдрать. Но я прошу последнее слово.

Отец оторопело уставился на сына. А Вовка уже протягивал свою тетрадку:

— Здесь кое-что обо мне, — добавил он не без гордости. Отец недоверчиво посмотрел на каракули сына: «...даже ребенок со свойственной ему непосредственностью, сумел удивительно тонко подметить несбыточно емкую цветовую гамму...» — прочел он вслух.

— Ну и что?

— А то, — сказал Вовка, — что этот ребенок — я. И картина тоже моя!

Тут даже у папы опустились руки. Весь вечер он совещался с мамой, а на следующий день оба родителя стояли в выставочном зале перед небольшим, заключенным под стекло, темно-синим заштрихованным пятном. Оно располагалось рядом с пресловутым автопортретом и привлекало внимание многих посетителей. Вовка стоял поодаль и всем своим видом давал понять, что такой шедевр, как «Вечер», может принадлежать кисти несомненно выдающейся личности.

Сначала у папы возникло острое желание конфиденциально переговорить с Ефросинией Ивановной, но он подавил его, опасаясь, как бы раскрытие последнего «художества» сына не доставило ему новых хлопот. На всякий случай он цепко взял сына за плечо и не выпускал до самого дома.

ЕСЛИ ШКОЛЬНИК ПОЛУЧИЛ ПЕРЕЭКЗАМЕНОВКУ ПО МАТЕМАТИКЕ...

Отвечает кандидат педагогических наук Ф. ИПОЛИТОВ

«Наш Витя получил переэкзаменовку (точней, дополнительное задание) по математике на лето. Как лучше ему помочь, на что нужно обратить первоочередное внимание? Он учится в пятом классе, то есть должен перейти в шестой. Мы могли бы, если понадобится, обратиться к репетитору, но учительница по математике нам этого не советует, а рекомендует, чтобы ребенок работал сам. Каковы должны быть наши функции в данном случае?»

Г. ВАЛИАХМЕТОВ

г. Казань

Уважаемый товарищ Валиахметов!

Вообще говоря, у разных детей и слабости разные, в том числе и по алгебре-арифметике в пятом-шестом классах. Одним просто не хватает внимания, они вечно допускают ошибки в вычислениях и потому никак не могут их найти, теряются, нервничают, не умеют сами себя проверить. Другие дети неплохо вычисляют, но с трудом сводят логику и вычисления (плохо решают задачи, плохо находят нужные действия, составляют уравнения); третьи, наконец, просто пропустили какой-нибудь раздел математики и «спотыкаются» лишь тогда, когда надо применять знания по этому разделу. Очевидно, в каждом случае надо действовать по-разному, и как раз в этом отношении первым советчиком должен быть тот школьный учитель, который дал задание на лето неуспевающему школьнику. Именно от учителя нужно получить подробную инструкцию: на что следует обратить внимание прежде всего.

Что касается самых общих педагогических указаний о помощи ребенку в летних занятиях, то они, в основном, таковы:

1. Разумный и четкий режим работы. Это значит: заниматься преимущественно утром, на свежую голову. Выполнять утреннюю гимнастику и обязательно — водные процедуры. Правильно питаться, разнообразно и полноценно. Во время работы также не забывать о перерывах и гимнастических разминках через каждые 30—40 минут. Как известно, дети с удовольст-

вием отправляются на такие перерывы, но куда как неохотно снова принимаются за дело: вот тут-то и надо своевременно подтолкнуть подростка, подкрепить его волю своей, волей зрелого человека. Все эти требования, к сожалению, настолько просты и общезвестны, что о них часто забывают как дети, так и старики...

2. Тактичный контроль за выполнением заданий. Такт состоит в том, чтобы не просто «нависать» над штрафником и требовать положенного минимума задач и примеров каждый день, а в том, чтобы делать это по-разному: когда потребовать, когда подбодрить уставшего паренька, когда постараться превратить тренировку в игру, помочь ему шуткой. И уж, конечно, не забывать отметить и прилежание, и малейший шаг вперед! Если с чем-то подросток не может справиться сам — нужно не решать за него, а придумать похожую задачу (пример) и одолеть ее совместными усилиями либо найти похожую задачу или пример в учебнике. А ту, что задана учителем, все-таки пусть сам «разгрызет». Если вы объяснили что-нибудь, а мальчик непонял — можете неторопливо повторить ваше объяснение. Но лишь один раз повторить! Если и второй раз окажется сыну это непонятно — меняйте ваше объяснение! Не повторяйте в третий и четвертый раз (да еще с возрастающим раздражением), как это делают, увы, многие родители! Ведь если двух повторений оказалось недостаточно — это верный признак, что ваше объяснение дано неумело, в выражениях или примерах, недоступных ребенку. Измените объяснение, подберите другие слова, образы, сравнения, вопросы! Это, конечно, нелегко и не всем сразу дается, и если вы почувствуете, что вам не хватает слов, что ж, устройте перерыв, перейдите временно на другой материал, другой пример или задачу и на досуге поразмыслите, почему мальчик никак не мог понять вашего объяснения. Разумеется, все это сказано не от таких случаев, когда мальчик просто отвлекся и пропустил мимо ушей ваши разъяснения: тогда можно и трижды их повторить (и, кстати, не без гнева!).

3. В любом случае надо всячески приучать ребенка к самостоятельности в работе. В чем должна она выражаться? Прежде всего — в умении проверять вычи-

сления, твердо помнить, какое действие какими другими действиями проверяется. В этом отношении полезно давать готовые развернутые вычисления («столбиком»), содержащие одну или две ошибки, а ребенок пусть находит эти ошибки. Набросать на бумаге такой «отрицательный пример» обычно не так уж трудно. Постепенно мальчик приучится смотреть «проверяющим глазом» и на свои собственные вычисления столбиком. Очень полезно также предлагать сыну «совместную работу»: пусть он придумает пример и припрятает ответ, а вы будете решать этот пример (ведь для этого мальчик должен сам не только составить, но и просчитать последовательность действий и получить верный ответ). Очень хорошо это делать с контролем времени (по песочным или любым другим часам): если вы за пять минут не решите, то вам записывается штрафное очко, а если сын дал неверный ответ или невозможную последовательность вычислений — ему пишется очко. Конечно, надо условиться насчет каких-нибудь правил игры с этими очками, их легко придумать самим. Можно это делать «вперекрест»: мальчик вам дает примеры, а вы ему такой же трудности. Не нужно бояться подорвать свой авторитет в этой игре: во-первых, взрослые призывали уже к прикидочным, приближенным вычислениям, что позволяет избегать грубых ошибок и выбирать удобный порядок расчета. Во-вторых, главное тут — заставить мальчика работать с азартом и подъемом: если это обеспечено — ничего страшного, коли он и «обставит» вас раз-другой. Лишь бы игра получилась честной и веселой.

Точно такую же работу можно проводить и с составлением задач. После того как мальчик стал относительно легко решать задачи того или иного типа, полезно переходить к самостоятельному составлению задач, подобных пройденным. А в дальнейшем усложнять эти задачи, стараться сделать их более трудными, чем в учебнике, и непохожими по сюжету (словесным условиям). Можно с уверенностью сказать: если мальчик может сам составить правильную задачу какого-то рода — это вернейшее доказательство, что он усвоил, как решаются все подобные задачи. Старшие, со своей стороны, должны по возможности всячески стимулировать переход от решения примеров и задач к самостоятельному составлению их — облегчать его игровой формой, своевременными поощрениями и т. п.

Если у Вити есть знакомый школьник того же года обучения, оставленный на лето по тому же предмету, — тогда, конечно, им надо время от времени заниматься вместе или хотя бы даже переписываться раз в неделю, посылая друг другу собственные задачи или примеры. Это всегда к лучшему, хоть и не обязательно.

И, конечно, ясно, что для мало-мальской помощи ребенку надо и взрослым освежить в памяти материал, на котором тот «сел»; это-то условие обязательно и непреложно.

ДАРИТЬ МИР РАДОСТЬЮ...

Лена ГРИГОРЬЕВА

На Всесоюзной выставке самодеятельного искусства в Москве осенью прошлого года было много удивительных холстов. Но среди них выделялся один маленький живописный этюд «Рыба» шестнадцатилетней Лены Григорьевой. (Смотри цветную вкладку.)

Казалось бы, ничего особенного, рыба — голова. А получилось что-то очень живописное, оригинальное, необыкновенное. Произошло чудо — превращение обычного предмета в произведение искусства.

Словами пересказать свое впечатление трудно. Этюд ошеломляет, останавливает. Сразу даже не поймешь, чем именно: необычайной красочностью, или странным выражением рыбьей морды, или еще чем-то другим, не поддающимся определению.

«Настоящее чудо-юдо морское», — так восторженно отзывалась о картине одна девочка-подросток. И она права: здесь и сказка, и жизнь. Светящийся, круглый, красный глаз рыбыны, энергичный абрис головы, кра-

сочное великолепие — все это вместе рождает мысли о таинственной жизни глубин, загадочном подводном царстве...

«Какая трагическая вещь...» — слова одного пожилого человека. С ним я тоже согласна, хотя не уверена, что юная художница сознательно придала живописному образу трагическое звучание.

Что особенно очаровывает — цветовое богатство, насыщенность колорита. Кисть юной художницы заставляла заигрывать поверхность холста чудесными переливчатыми цветами света: мерцают, вспыхивают и гаснут красочные удары, как искры, как камни-самоцветы. Но хаоса нет — многоцветье организовано в аккорды, оно ритмично. Густые, выпуклые мазки в определенной закономерности чередуются с тонкими, эмалево гладкими. Все это вместе и создает своеобразный, сложный, но в то же время цельный и свежий колорит.

Я хочу рассказать о Лене, о жизни ее, о ее семье. Это мне показалось тем более необходимым, что сама о себе Лена больше не сможет сказать: она утонула в море — нелепая, жуткая случайность.

Лена жила в Саратове, училась в девятом классе и, казалась, ничем внешне не выделялась среди своих сверстников. Черненькая, маленькая, очень скромная. Время ее распределялось между домом и школой. Как у всех. «Лена была очень умной», — убежденно заверили меня ее одноклассники. И мнение педагогов было таким же.

Очень многое Лена научилась в семье. Родители ее, врачи Григорьевы, — люди общительные, с активным отношением к миру. Войдите к ним в дом — и тут же вас пленит своеобразная обстановка: большие аквариумы с рыбами, в одном из них — водяная черепаха; в клетке дремлет какой-то рыжий зверек. Хозяева расскажут вам, что черепаха — амурская, хищная; зверушка — хомяк и еще много любопытных подробностей о жизни и повадках каждого животного. Рассказуют увлеченно, подробно. Здесь заботливо выращиваются редкие декоративные растения, их целая коллекция: около 20 видов кактусов, рододендроны, циперусы и всевозможные туи. Григорьевы хорошо знают окрестности Саратова, и после каждого похода на Волгу, в лес они всегда возвращаются с находками — камнями, затейливыми корнями и ветками, цветами, новыми пленками и этюдами. А когда семья отдыхала в Херсоне, находки были столь необычны, что их охотно принял местный краеведческий музей.

Лена с раннего детства училась наблюдать природу, удивляясь всему необычному и прекрасному. Ее находки во время походов были самыми неожиданными и интересными. Потом из них вся семья увлеченно создавала «лесную скульптуру». Коряга оборачивалась кривлякой-обезьяной с папироской в зубах, а когда в ее длинную лапу-ветку вложили кисть, стало ясно, что она художница-абстракционистка.

Держать карандаш и кисть Лена тоже впервые училась дома. В семье сильны художественные традиции. Правда, профессионалов-художников в ней нет, но любовь к изобразительному искусству передавалась из поколения в поколение. Дед Лены писал маслом пейзажи, был мастером рисунка по стеклу. Часто квартира превращается в художественную мастерскую: рисуют и пишут здесь все, даже гости, которых захватывает порой общее увлечение. А гостей, точнее друзей, у Григорьевых много, причем самых различных профессий и призваний — поэты, художники, математики. По вечерам здесь нередко спорят: о назначении поэзии, о картинах Рериха... И девочка не только прислушивалась к разговорам взрослых, но часто сама оказывалась втянутой в дискуссию.

Пытливая и впечатлительная, она стремилась разобратся во всем, что читала, видела, слышала. К шест-

надцати годам Лена могла критически мыслить, имела собственное мнение, умела его отстаивать.

Больше всего на свете она любила читать. На рабочем столе Лены я нашла «Очерки по кибернетике» Л. Теплова и «Считающие чертежи» М. В. Пентковского, книги о животных И. Акимовича, номера журнала «Наука и жизнь», книги по изобразительному искусству.

Бабушка говорит: «Лена не знала, что такое скука или лень. Она всегда чем-нибудь занималась и к концу дня так уставала, бедняжка, что порой едва добиралась до постели. Ей все было интересно. Примется мне помогать — и полы помоем, и пироги испечет, и суп сварит, и платье починит. Я всегда удивлялась, так ловко у нее все выходило».

Мама вспоминает: «Переводит какую-то английскую книгу — долго сидит. Говорю: — Иди погуляй, к чему тебе это? — Интересно, — отвечает, — вообще переводить интересно. Я тебе потом перескажу содержание. А английский хочу по-настоящему выучить».

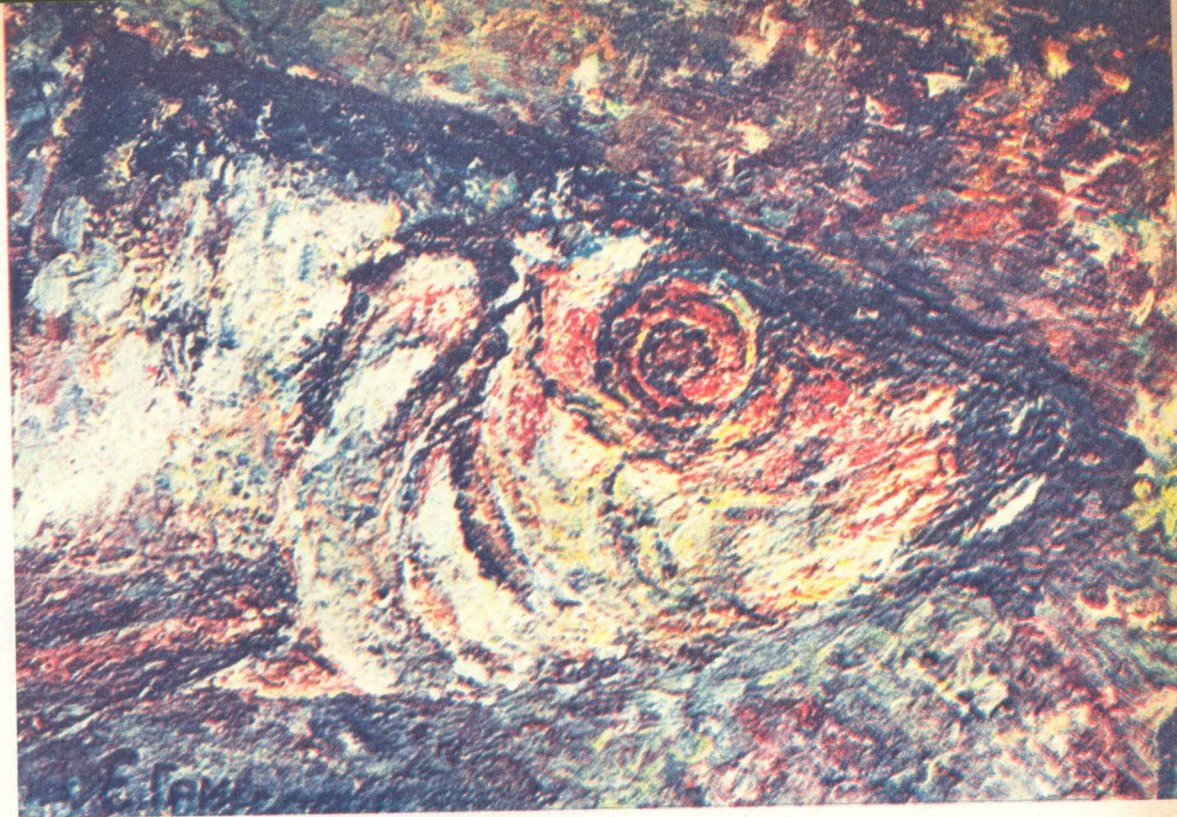
Так было и с живописью. Слов нет, у Лены, конечно, большое природное дарование. Это чувствуется уже в ученических акварелях, которые она делала в изокружке Дворца пионеров, где занималась с пятого класса. Но свои природные возможности она развивала, знакомясь с картинами мастеров, читая книги по искусству, общаясь с природой и т. п. О таком вдумчивом подходе свидетельствуют и ее «дневниковые записи»: Лена читает книгу о живописи Индии и делает ряд зарисовок-копий с индийских миниатюр, а потом пытается создать свой собственный рисунок в «индийском духе», добиться той же текучести и завершенности линий. Такое же стремление проникнуть в тайны умения древних авторов наскальных изображений — Лена повторяет их рисунки в своем альбоме, варьирует их, стилизует окружающие предметы под «наскальные».

Особенное влияние на юную художницу оказало близкое знакомство с произведениями большого мастера живописи Николая Михайловича Гущина. Это имя, к сожалению, мало известно: художник редко участвовал в выставках, последние годы он жил в Саратове. Его произведения хранятся в Саратовском художественном музее имени А. Н. Радищева. Н. М. Гуцин был хорошо знаком с семьей Григорьевых, в их квартире висели его картины. И Лена не просто смотрела, она умела расшифровывать для себя искусство мастера, постигать форму, цвет, движение. Училась, чтобы потом самой творить и создавать. И все это с поразительной силой отразилось в этюде Лены «Рыба». В нем — то самое, что в диалектике называют качественным скачком. Это смелое, самостоятельное, оригинальное произведение. Лена писала масляными красками весь год. Большой профессиональной подготовки у нее не было; и тем не менее она достигла поразительных успехов.

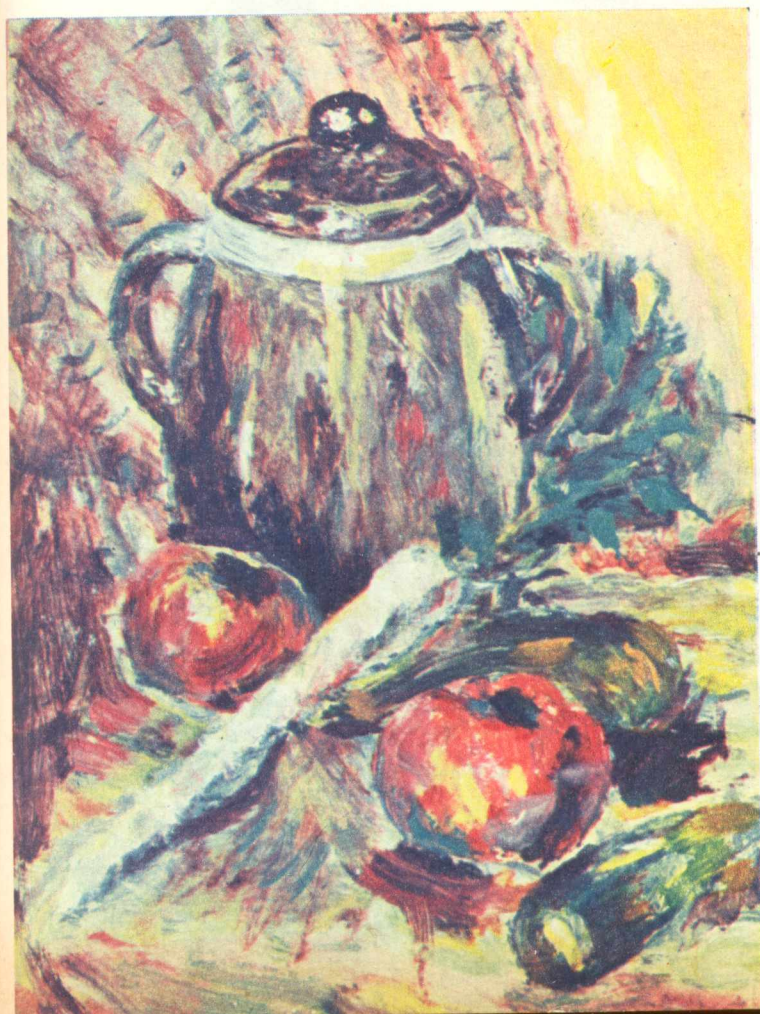
Есть у Лены и другие интересные работы. В прошлом году в Саратовском художественном музее имени А. Н. Радищева была устроена маленькая персональная выставка ее акварелей и живописных этюдов. Может быть, Лена и не стала бы профессионалом-художником. Как знать?! У нее все только начиналось.

Другое ее увлечение, такое же сильное и глубокое, — математика. Долгое время она занималась в математическом кружке при Саратовском госуниверситете, а по окончании восьмого класса поступила в специальную математическую школу.

Лена охотно делилась своими знаниями, хотя никогда неставляла их напоказ. Интересна одна деталь: подруги Лены, несмотря на то, что учатся они в разных школах и встречались я с ними по-взрось, на мой вопрос «С чего начиналась дружба с Леной?» ответили: «С ней было всегда интересно».

РЫБА

НАТЮРМОРТ

О. ГЕРАСИМОВИЧ (г. Минск). РАЗ, ДВА

● ПРИСЛАНО НА ФОТОКОНКУРС

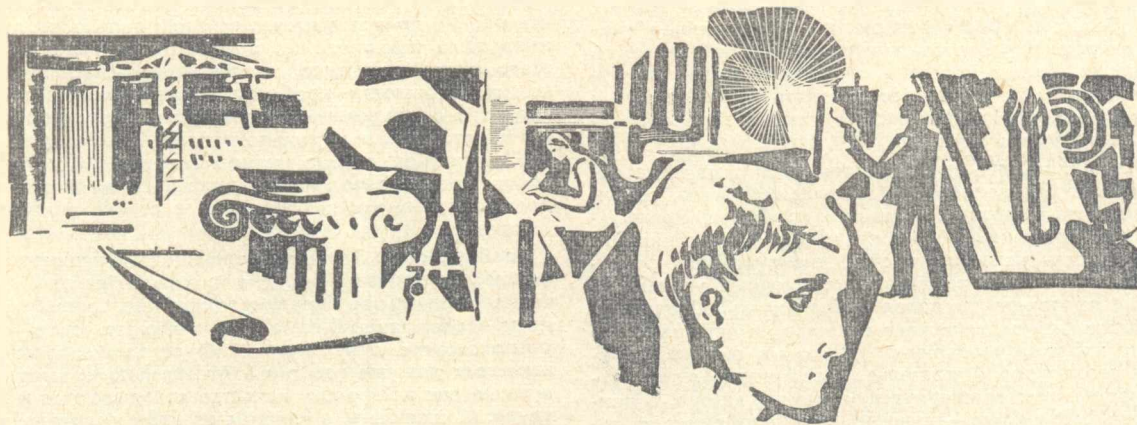
П. ИВАЩЕНКО (г. Омск). НА ТИХОМ ОМУТЕ

К. ГУРЕВИЧ,

старший научный сотрудник Института психологии
АПН СССР

Беседа 2-я

Профессия и индивидуальность

Сегодня мы начнем разговор с того пункта, на котором остановились в предыдущей беседе*. Мы говорили, что выбор профессии — действие социально значимое и именно поэтому оно не может определяться лишь произвольным «хочу» или «не хочу». Хорошо известны слова Энгельса, что свобода воли есть, в сущности, способность принимать решение со знанием дела. Эти слова полностью применимы и в данном случае, когда мы имеем дело с выбором профессии.

Между тем как-то повелось, что в разговорах с молодежью мы об этом умалчиваем, а постоянно твердим: ты свободен в выборе, можешь избрать любую профессию, перед тобой открыты все пути. Если иной раз и добавляется, что нужно для осуществления своего намерения проявить настойчивость, упорство и другие подобные качества, то ведь это, в сущности, ничего не меняет — просто к тем субъективным факторам, которые лежали в основе выбора («хочу — не хочу»), добавляются еще другие субъективные факторы — настойчивость и упорство — и ничего сверх этого.

Молодые люди — народ в своей массе неглупый. Что бы им ни говорили об абсолютной свободе выбора, они слушают «вполслуха». Они достаточно хорошо по-

нимают, что нужно считаться не только со своими намерениями, но и с реальными условиями жизни. Выбрать-то действительно можно что угодно, но, положим, профессия врача требует высшего образования, на что нужно шесть лет. Выбрать эту профессию — значит шесть лет не только ничего не вкладывать в семейный фонд, но, возможно, из него кое-что заимствовать. А если фонд и без того недостаточен? Можно проявить упорство в подготовке к экзаменам и сдать их, но семейные обстоятельства упорством не изменишь. Приходится учитывать и перспективы дальнейшего профессионального роста, и уровень материальной обеспеченности, и ряд других житейских обстоятельств, которые с «возвышенной точки зрения» как бы и не должно принимать во внимание. Поэтому-то даже чуть-чуть испробовавшие жизнь подростки и юноши не принимают всерьез такие наши рассуждения, как «все зависит от тебя, выбирай, что тебе по душе». Даже без штудирования философской литературы они сознают, что свобода выбора на каждом шагу ограничена необходимостями, с которыми нужно считаться.

Однако подойдем к вопросу с другой стороны. Есть же, наверное, какая-то идея, которая лежит в основе этого «свободного выбора»?

Как выбор ни свободен, но хоть чем-то он должен направляться? Я думаю, что идея, хоть и далеко не все-

* См. № 5 «Семья и школы» за этот год.

ми ясно осознаваемая и представляемая, такова: у каждого человека есть некоторое индивидуальное, связанное с его врожденными особенностями предрасположение к какому-то виду труда. Выбор его и отражает это предрасположение. И человек, повинувшись такому, то более, то менее отчетливо побуждению, тянется к одним видам труда и отворачивается от других.

Иногда ссылаются на то, что человеку для достижения высокого мастерства в какой-то специальности необходимы определенные психофизиологические качества. Пусть так, но что при этом имеют в виду? Обратите внимание, что уж очень похожие (или одни и те же качества) оказываются нужны для профессий, которые чрезвычайно далеки одна от другой. Положим, хорошая память необходима официанту крупного ресторана; но ведь и актеру без нее не обойтись? Чабану нужен большой объем восприятия; прекрасно, а учителю, а инженеру, ведающему разветвленной системой управления, большой объем восприятия разве не нужен? Часовой мастер должен обладать способностью к длительному сосредоточению. А ученый? Эта способность должна быть и у него.

Как же понять, что занятия столь различные предъявляют словно бы одинаковые требования? Дело, конечно, в том, что каждая из названных профессий предъявляет свои совершенно специфические требования. Эта специфичность исходит не от индивидуального психофизиологического качества, а от реальных условий, в которых протекает трудовая деятельность. Специфичность психофизиологического качества не есть нечто такое, что присуще человеку от рождения, она формируется в его трудовой деятельности. Актерская деятельность формирует специфическую память актера, а деятельность официанта — нужные ему особенности памяти. Вся психофизиологическая организация человека в труде приобретает профессиональную специфичность. Спору нет, нужны и природные предпосылки. Но большинство профессий не предъявляет таких требований, которые помешали бы каждому нормальному человеку добиться успеха.

Добавим, что психофизиологическая организация человека пластична и гибка, в ней имеются возможности компенсации, т. е. замещения одних качеств другими. Имеют значение и факторы самоорганизации — ослабленная память, допустим, восполняется продуманной системой записей и т. п.

Но, может быть, молодые люди делают свой выбор, исходя из соображений о народнохозяйственной или общечеловеческой значимости профессии? Верно, в наших анкетах мы часто получаем такие ответы: «Хочу быть инженером по электронике, потому что без таких специалистов невозможна автоматизация» или: «Моя мечта — стать художником, чтобы прививать людям высокие чувства». Но, право, нельзя найти в нашем обществе профессию, которая была бы лишена народнохозяйственного и общечеловеческого значения. Так что это объяснение явно недостаточное. И если откинуть случайные и не заслуживающие серьезного обсуждения мотивы, то окажется, что явно или скрытно, но первостепенное значение в акте выбора придается предрасположению. Недаром так часто звучат в последние годы призывы к психологам — дать научные методы раскрытия профессиональных предрасположений. Недаром в печати то тут, то там мелькают (и, надо сказать, привлекают всеобщее внимание) сообщения о каких-то необычайно коротких и эффективных способах определения способностей, заимствуемые обычно из зарубежных массовых изданий.

Идея о том, что в каждом человеке «сидит», спрятана особая предрасположенность к какому-то виду дея-

тельности и нужно только ее обнаружить, кажется, на первый взгляд, чрезвычайно симпатичной. И нельзя сказать, что профессиональное предназначение не обнаруживается в среде детей и подростков. Нет, такие случаи бывают, и иногда они позволяют с достаточной точностью указать молодому человеку его будущее дело. Рано обнаруживаются, например, музыкальное, живописное дарования. Замечаются нередко предпосылки для занятий математикой. Нет спору — такое предрасположение надо всячески поддерживать и развивать. Но случаи его явного проявления не так уж часты, они относятся к незначительному числу профессий, и на них строить идею выбора невозможно. Предрасположение к определенному виду труда, устанавливаемое в детском или юношеском возрасте, не всеобщее правило, а редкое, хотя и очень приятное, исключение. Считать, что оно не превращается в правило только потому, что нерадивые психологи не позаботились изобрести для этого нужных методов, значит не понимать всей жизненной сложности проблемы профессиональной пригодности в современном обществе, переживающем в настоящее время научно-технический переворот, который сулит новые, еще невиданные возможности повышения производительности труда и который сопровождается коренными изменениями в самой сущности человеческого труда.

Вообще, если брать подавляющее большинство профессий, то доказать, что для них имеет какое-либо значение специальное предрасположение, очень трудно, даже невозможно. В самом деле, что это такое — предрасположение к профессии? О психофизиологических качествах мы уже говорили. Мы пришли к выводу, что нужные для профессии качества складываются в самом труде. Может быть, в каждом из нас скрыты, не проявлены какие-то навыки, какие-то механизмы трудовых действий и они сразу, готовыми, вступают в действие, едва мы приступаем к избранной деятельности. Но откуда они могут появиться? Они не могут быть наследственными — наследственные профессии не так уж часты, и вдобавок обычно за несколько поколений профессия, если не по названию, то по своему содержанию, существенно меняется. Выходит, что гипотеза о таких предрасположениях должна быть отвергнута.

Но можно эти предрасположения истолковать и по-иному, — может быть, это двигательная ловкость, не связанная с каким-то конкретным видом труда, или склонность к «неотступному думанию», длительному сосредоточению, или, напротив, относительная легкость в переходе от одного занятия к другому и от одного объекта мысли к другому? Может быть. Но ведь такие качества нельзя прикрепить к какому-то отдельной профессии. В каждом почти виде труда они могут по-своему проявиться и пригодиться.

Но предположим — хотя для этого, очевидно, нет достаточных оснований, — что такие профессиональные предрасположения психологами найдены и наука умеет их определять. Их применили при распределении людей по профессиям. Но ведь за пять-десять лет характер профессии иногда коренным образом меняется. Что же делать? Теперь к людям предъявляются новые требования. Не производить же периодическую перетасовку кадров при изменении содержания труда? К счастью, оказывается, что в такой перетасовке никакой необходимости никогда почти и не обнаруживается, подавляющее большинство работников принаравливается к новым задачам и условиям труда.

Мы сказали «принаравливается». Значит, кроме предрасположения — роль которого для некоторых профессий все же нельзя было бы отрицать, — существует еще нечто более общее, то, что необходимо для любой профессии. Это — умение совместить требования про-

фессии и особенности личности, найти те приемы и способы деятельности, которые наиболее соответствуют психофизиологическим качествам человека. Это и есть то, что называется овладением профессией, профессионализацией. Профессионализация, как показывают многочисленные исследования, не стирает различий между людьми, она не делает тугодума быстрым на подъем, а медлительного — подвижным. Но она обеспечивает каждому — и каждому по-своему — наиболее полное и эффективное решение тех или иных трудовых заданий.

Эти рассуждения выглядят, пожалуй, несколько отвлеченно, поэтому поясним, что здесь имеется в виду. Существует понятие — индивидуальный стиль учебной (или трудовой) деятельности. Так вот, успешность овладения профессией и зависит, в первую очередь, от того, насколько человек сумеет найти свой стиль, свою манеру в избранной работе. Подчеркнем еще раз — не вообще рациональную, эффективную и т. п., а свою, наиболее соответствующую собственным возможностям и способностям и максимально их использующую. Если такой стиль найден, он открывает перспективы значительных успехов.

Приведу один лишь пример, взятый из исследования психолога Н. Лейтеса*. Он несколько лет работал преподавателем одной из московских школ и вел длительные и систематические наблюдения за группой учащихся старших классов. Приведем данные, относящиеся к двум школьникам. И тот и другой добились золотых медалей. Вместе с тем это очень разные люди, каждый со своими, резко выраженными психологическими особенностями, в значительной мере обусловленными тем или иным сочетанием основных свойств нервной системы.

Вот наблюдения, относящиеся к Виктору, юноше, принадлежащему, по данным автора, к сильному и уравновешенному типу нервной системы. «Очень показательно для Виктора отсутствие инертности, шаблона в занятиях. Он не стремится облегчить себе работу за счет механического выполнения части нагрузки, как это свойственно большинству его соучеников. ...Виктор... как будто не нуждается в привычной схеме, облегчающей работу; ему нет надобности искать линию наименьшего сопротивления. Его процессы восприятия и мышления, более обостренные и устойчивые, чем у других, дают возможность легко и быстро преодолевать возникающие трудности».

«Нужно отметить, что он не нуждается в особых условиях для работы: легко занимается в своей комнате под шум радио, не отвлекает его присутствие матери, занятый возле него своими делами. Он способен внимательно беседовать, а если нужно, и заниматься на переменах, не раздражаясь шумным движением вокруг».

«Совсем по-другому протекает умственная деятельность Павла (этот юноша характеризуется автором как принадлежащий к слабому типу нервной системы). Каждое прелатствие, непредвиденное обстоятельство длительно задерживают на себе его внимание. ...Он склонен по несколько раз переписывать работу, потому что находит в ней каждый раз помарки, которые кажутся ему недопустимыми, и т. д.».

«Павел с исключительным старанием планирует и организует свою умственную работу. ...Эти расписания вызывают стопу детальными, что с неизбежностью должны нарушаться действительным ходом дел. Составление и обдумывание подобных документов — одно из существенных слагаемых непроизводительной траты времени у Павла. Он, видимо, постоянно нуждается в каких-то внешних опорах. Ему нужно быть внутренне подготов-

ленным, надо знать заранее, что делать, чтобы достаточно уверенно действовать».

«Характерное для Павла затруднительное преодоление умственной нагрузки имеет и свою положительную сторону — углубленность, тщательность выполнения работ».

Как видите, эти школьники работали совсем по-разному. На первый взгляд, стиль Виктора может показаться более привлекательным и эффективным. Да, но только для тех, кто близок к Виктору по своему психическому складу, по сочетанию основных свойств нервной системы. Попробуй эти ребята «поменяться» своими стилями — и для того и для другого учебная работа превратилась бы в сплошное мучение и не дала бы сколько-нибудь удовлетворительного результата. Чрезвычайно важен именно свой стиль работы, и вырабатывать его надо задолго до выбора профессии, еще в школьные годы.

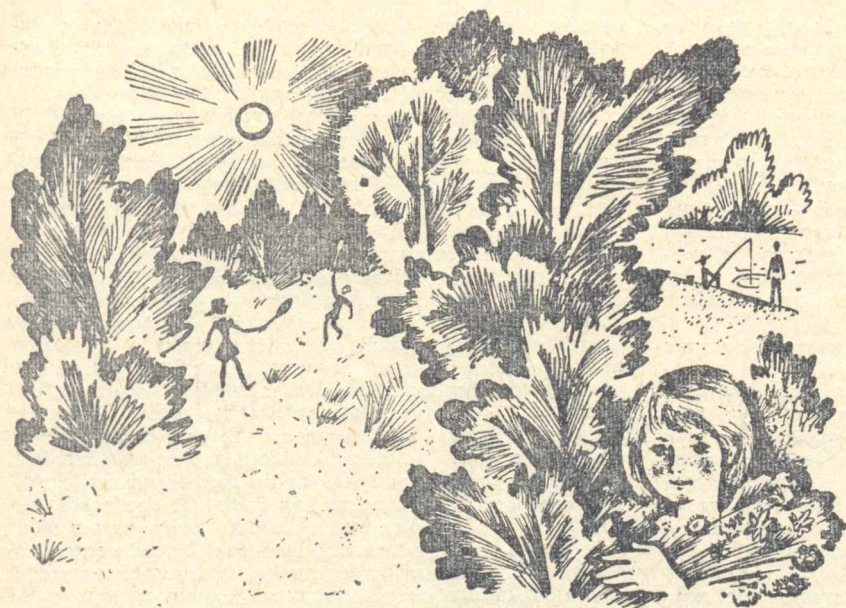
Развитый индивидуальный стиль — еще не все в успешном профессиональном самоопределении. Существуют еще реальные условия производственной среды, а они не для всех одинаково благоприятны. Положим, Виктор может успешно работать в любых условиях — даже при действии отвлекающих факторов, а для Павла такие помехи трудно переносимы. Нельзя считать, что такая, казалось бы, незначительная деталь не стоит внимания. Можно полагать, что если Павел и Виктор станут специалистами в одной и той же области, то все-таки каждый из них предпочтет выбрать такое место работы, которое отвечает особенностям их стиля. И вот здесь мы хотим снова вернуться к тому, о чем говорилось в первой беседе. Там, в частности, шла речь о том, насколько нечетки, расплывчаты представления школьников о той или иной многообразной профессии, как часто они говорят о желании стать «вообще врачом», «вообще летчиком». Такая нечеткость чрезвычайно опасна, и вот почему. Мы убеждены, что за исключением немногих профессий, о которых еще пойдет речь, в остальных (а их большинство) вполне возможна успешная деятельность любого нормального человека. Но внутри каждой профессии возможности наилучшей реализации тех или иных природных данных далеко не равноценны. И здесь человек должен выбрать такое место работы, такой «рабочий пост», который наиболее соответствовал бы его психологическому складу: его природным особенностям. Возьмем слесарную специальность: как различаются по функциям, а следовательно, по требованиям к человеку «пост» слесаря-наладчика и слесаря-лекальщика! А врач? В этой профессии можно, пожалуй, насчитать более десятка «рабочих постов»: врач сельской больницы, врач в клинике научного медицинского учреждения, врач скорой помощи и т. д. Каждый из них предъявляет ряд специфических требований, и тому, кто избрал профессию врача, следует обязательно подумать, какие из них больше всего соответствуют его собственному психологическому складу.

Выбор профессии — это одно из самых ответственных действий человека, только еще вступающего на жизненный путь, одно из первых его общественно значимых действий. И именно поэтому он должен быть основан не на некоем «внутреннем зове», а на реальных и ясных представлениях о сущности и перспективах профессии, ее творческих возможностях, путях дальнейшего совершенствования и развития. Если решение обоснованно и обдуманно, а мотивы выбора основательны, то можно с уверенностью сказать, что у каждого из выпускников в подавляющем большинстве профессий есть немалые возможности достичь успеха.

Что же касается профессий, действительно требующих некоторых качеств, которыми обладает далеко не всякий человек, то о них — разговор в следующей беседе.

* Н. С. Лейтес, Об умственной одаренности, М., Изд. АПН РСФСР, 1980.

ЛЕТО ЗОВЕТ!

А. ЛЕВШИН

Рисунки С. Аристакесовой

...Мы сами были школьниками. И каждый из нас, взрослых, помнит то великолепное чувство свободы, которое овладевало нами, когда заканчивался последний в году урок, когда был сдан последний экзамен!

Учебники и тетради надолго убраны, больше не надо корпеть над домашними заданиями, просиживать долгие часы в классе, волноваться из-за злополучной двойки. Все позади. А впереди — большое солнечное лето. Хорошо!..

Кто был учеником, отлично поймет ребячий переживания. Но мы, взрослые, и в тех заманчивых дарах, которые лето несет детям, должны уметь видеть больше, чем простой отдых.

Конечно, отдых главное. Что говорить, школьное учение — нелегкий труд и требует немалых сил. Пусть же вдосталь ребята надышатся живительным воздухом лесов, полей, лугов. Пусть прибавят в весе и укрепят свои мускулы. Пусть наберутся здоровья и бодрости.

Однако это не все...

Школьный год окончился, но учение продолжается. То учение, для которого классная комната — весь окружающий мир. Учение это происходит ежедневно, ежечасно. Оно

дает ребятам множество различных впечатлений, трогает их сердца, заставляет их размышлять, шлифует их характеры. Пока идет школьный год со своими занятиями, он как бы заслоняет собой это другое, жизненное учение. Но оно становится зримым, осязаемым в дни летних каникул. Тогда особенно заметно, что у ребят есть и другие «школы», и другие «учителя». Значит, и это учение нуждается в родительском руководстве.

Беда иных родителей в том, что они, подобно своим детям-школьникам, смотрят на ребячье лето только как на «чистый отдых», бездумный, бездеятельный, безмятежный. Лето, — значит, можно спать сколько угодно, лениво валяться в постели, не делать зарядки, ходить нечесанным. Лето, — значит, можно целый день, гоняя мяч, бегать по двору, шататься по улицам, не брать ништяки в руки, не написать ни одной строчки, не сидеть над интересной задачей. Подобный «отдых», однако, приводит к неприятным последствиям. И они дают себя знать в первые же дни нового учебного года. Отдельные ученики обнаруживают существенные пробелы в своих знаниях, потерю многих учебных умений и навыков. Они плохо

подготовлены к изучению нового материала, новых разделов науки. Немало приходится затрачивать усилий, чтобы снова вернуть их к рабочей дисциплине, к требованиям школьного распорядка. О таких школьниках порой нельзя даже сказать, что они хорошо отдохнули физически. Безалаберно проведенное лето вредит и телу и душе ребенка.

Продуманно организовать летние каникулы школьников — важное педагогическое дело, стоящее перед каждой семьей.

Миллионы ребят летом отдыхают в пионерских лагерях, совершают увлекательные туристские походы по родному краю. Они активно участвуют в работе станций юных техников и в художественной самодеятельности, в спортивных соревнованиях и в разнообразных кружках при Домах пионеров, школах, самодеятельных детских клубах и т. д. Наше государство, общественность не жалуют средств и сил, чтобы сделать летний отдых детей здоровым, насыщенным интересным содержанием, окрашенным яркими, радостными впечатлениями. Но одной общественной заботы недостаточно. Семья должна внести сюда и свой индивидуальный вклад.

Пожалуй, первое и главное, о чем следует подумать родителям: как обеспечить детям живое и активное общение с природой. Особенно это важно для миллионов юных горожан, которые три четверти года ведут преимущественно «комнатный» образ жизни. Природа нужна детям не только для оздоровления. Быть может, еще более ценен тот огромный заряд эмоциональных переживаний, которыми она насыщает юную душу. Проникновенно об этом сказал, вспоминая свои школьные годы, выдающийся русский педагог К. Д. Ушинский:

«А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень, разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога: что день, проведенный ребенком посреди рощ и полей, когда его головой овладевает какой-то упительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье».

Общение с природой становится особенно богатым, когда в него естественно влечется труд, творческая деятельность. Сколько здесь отличных возможностей! Дети работают в огороде, в саду, на пасеке, помогают на фермах. Участвуют в озеленении и благоустройстве. Составляют коллекции из минералов, растений, насекомых. Систематически наблюдают за погодой. Рисуют с натуры. Изготавливают забавные «лесные скульптуры». Изучают звездное небо. Собирают ягоды и грибы. Ловят рыбу. Участвуют в различных, полезных им, сельскохозяйственных работах.

Многообразие дел всесторонне развивает ребенка. Крепче становятся его мускулы. Зорче делается взгляд и острее слух. Богаче становится воображение и собраннее — внимание. С новым запасом сил вернется он в школу, готовый дальше овладевать основами наук.

Наилучшие условия для такой летней деятельности, конечно, создает пионерский лагерь. Но в нем пока еще отдыхают не все дети, да и проводят они здесь лишь часть лета. Поэтому хорошо, если родители дополнят этот отдых сообразно с возможностями семьи: путешествием с детьми по родному краю, по заповедным местам. Выездом на дачу. Поездом в деревню, к родственникам, к знакомым. Систематическими «вылазками» за город, на природу в выходные дни. Главное, чтобы в каждом случае это связывалось с какой-то увлекательной перспективой для детей, с активной и интересной деятельностью, в которую они включаются, с конкретными задачами, которые они должны будут решать. Надо позаботиться и об обеспечении детей нужными материалами, инструментами, пособиями для задуманного дела.

Второе, о чем хотелось, чтобы родители особо подумали, это — летнее чтение детей. Еще А. С. Пушкин утверждал: чтение — лучшее ученье! Эта мысль остается глубоко верной и в наш век — век радио, кино, телевидения, магнитофонов. Как бы ни были прекрасны и полезны технические средства культуры, они не могут сравниться с книгой по богатству впечатлений, размышлений и переживаний. К сожалению, «техника» порой выступает конкурентом книги, оттесняя ее на второй план в жизни учащихся, поглощая львиную долю их свободного времени. Такая однобокость отрицательно влияет на общую культуру школьника, ограничивает возможности его всестороннего развития. Это прямо сказывается и на качестве его школьного учения. Если вы хотите, чтобы ваши дети выросли по-настоящему культурными, интеллигентными людьми, с ран-

него детства и на всю жизнь внушите им горячую любовь к книге. Сделайте ее самым лучшим и близким, самым умным и душевным их другом!

Не станем выяснять здесь, почему другие средства культуры нередко оспаривают такую дружбу, вместо того чтобы стать «союзниками» книги и занять свое разумное место в кругу друзей подрастающего человека. Это — особая тема. Но если уж исправлять положение, то лучшего времени, чем лето, не найти. Именно в летние каникулы, когда голова не занята уроками, учебниками, открываются широкие возможности для чтения. В первую очередь, естественно, речь идет о круге классического чтения, рекомендуемого школой. Он отвечает возрасту ребят, помогает

закрепить достигнутый уровень развития и в то же время подготавливает к требованиям старшего класса. Привлеките детский интерес и предлагаемым книгам, вызовите горячее желание прочесть их. Однако учитите и разнообразие индивидуальных вкусов каждого. В конечном счете, посоветовавшись с педагогами и библиотечарем, вы сможете помочь своему сыну, дочери составить личный план летнего чтения.

В особом внимании нуждаются ребята, получившие переезжаемость на осень. Сам этот факт не очень приятен для школьника. Особенно для того, кто считает лето «противопоказанным» всякому учению. Невольно завидует он остальным товарищам, не имеющим никаких заданий на осень.

Подойдите тактично к такому школьнику. Не попрекайте его прошлыми грехами, за которые теперь он должен расплачиваться летним отдыхом. Это неразумно. Да и неверно по существу: чтобы к осени ликвидировать свои пробы по тому или иному предмету, вовсе не надо жертвовать летним отдыхом. Достаточно 2—3 раза в неделю по часу потратить на занятия. В «Консультационном пункте» этого номера журнала даются рекомендации, как помочь детям подготовиться к переезжаемости по математике. В общей форме они пригодны и для других предметов. Главное, посоветоваться с учителем: где «узкие места» в знаниях школьника? На что следует налегать в часы летних занятий?

Кстати, такие занятия полезны и для тех, кто имеет тройку по предмету. Не зря говорится: где тонко, там и рвется. Тройка напоминает, что связи в знаниях ученика хотя и есть, но слабоваты, тонки. А разрывы сильнее всего происходят именно летом, когда голова надолго «выключается» из повседневной школьной работы. Речь не идет о том, чтобы искусственно продолжить учебный год. Но сколько можно найти отличных поводов и интересных игровых приемов, чтобы «шевелить» прежние, приобретенные знания: вернуться к той или иной задаче, воспроизвести опыт, найти оригинальное применение усвоенной формуле, проверить знание исторических дат, поупражняться в правописании трудных слов и т. д. Вкрапленные в общий летний досуг школьника, такие короткие занятия нисколько не будут мешать отдыху. А польза — огромная!

Главное, помнить: отдых — не безделье. Пусть же лето наших детей расцветет великолепным букетом разнообразных дел, занятий, походов, игр, питающих ребячью умы и сердца!

ЧЕМ ДОРОГ НАМ ШАЦКИЙ

А. ОРЛОВ

С. Т. ШАЦКИЙ

Встречаются иногда люди, которые становятся признанными руководителями не потому, что их кто-то назначил или выбрал, а в силу своих личных качеств и дарований. Таким был, несомненно, и Станислав Теофилович Шацкий.

Вряд ли кто сейчас припомнит ту должность, которую занимал в свое время Станислав Теофилович, да и не очень вязалась с ним любая официальная должность. Зато неоспоримо, что этот человек был настоящим «властителем дум» учительства. Его умение пробуждать и развивать творческие начала в людях влекло к нему молодых учителей. Их он вдохновлял своими идеями и примером непосредственной работы с деть-

ми. Кто знает, может быть многие из нас потому и связали навсегда свою будущую судьбу с судьбою школы, что нам посчастливилось в молодые годы испытать на себе обаяние этого удивительно талантливого человека и педагога.

Никто из нас не видел его унылым или мрачным. Зато все хорошо помнят, как он часто говорил: «Мы живем в изумительную эпоху социального творчества. Жить и работать в эту эпоху — величайшее счастье». Пожалуй, это был лейтмотив всей его жизни и деятельности.

Основные труды Шацкого собраны в двух книгах: «Годы исканий» и «Бодрая жизнь». Эти названия символичны, они как бы определяют содержание всей жизни Станислава Теофиловича.

Люди порой припоминаются лишь по их речам. Так, во всяком случае, вспоминаются мне сейчас многие тогдашние деятели Наркомата просвещения. А С. Т. Шацкий речей не произносил. Я не помню этого. Он всегда беседовал. В беседах же были не красивые фразы, а большие мысли. Ими он и покорял слушателей, поэтому и вспоминается он не по речам, а по мыслям.

Первая опытно-показательная трудовая школа по Вадновскому переулку в Москве, возглавляемая К. В. Полтавской — страстной поборницей идей Шацкого, входила тогда в состав первой опытной станции. Это было ее московское отделение. Вот это отделение и являлось своеобразным «педагогическим университетом», в котором под руководством С. Т. Шацкого прошли замечательную школу многие учителя. Надо заметить при этом, что Станислав Теофилович ценил критические замечания, высказываемые учителями, не

боялся критики, казалось, сознательно вызывал ее, исходя из принципа, что только педагогический опыт дает действительно ценные реальные результаты.

Очень большое значение придавал он эмоциональному началу в занятиях с детьми. И сам вносил его в свои занятия с учителями. И так живо встают они и сейчас в памяти... Вечером, собравшись в уютном небольшом зале школы, мы докладывали К. В. Полтавской, в присутствии Станислава Теофиловича, о своих наблюдениях и о результатах работы с населением. Тогда это была излюбленная тема не только этой школы, но и всей опытной станции. Станислав Теофилович внимательно слушал нас. Старался подбодрить волнующихся, иногда задавал вопросы, что-то уточнял, потом высказывал свои душевные мысли и суждения, свои рекомендации. А в заключение — подходил к роялю, просил Валентину Николаевну Шацкую сопровождать его, и небольшой зал заполнялся удивительного звучания голосом. Обладая Станислав Теофилович редчайшим драматическим тенором, волновавшим и покорявшим любого слушателя — во всяком случае, так нам всем казалось в то время. «Я помню чудное мгновенье» и сейчас как будто звучит в моих ушах в его исполнении.

К слову надо заметить, что многие из нас в то время недоумевали, почему человек с таким исключительным музыкальным дарованием не избрал себе карьеру певца? Как-то на подобное недоумение, вспоминает А. А. Фортунатов, Станислав Теофилович ответил: «А вы думаете, это легко? Чтобы стать профессиональным певцом, надо немаленько поглотить, начать целыми неделями

расстраиваться из-за того, что, скажем, верхнее соль не выходит, а я этого не могу».

Всобще, Станислав Теофилович был многосторонне одаренным человеком. Он мог, пожалуй, стать и художником. Его рисунки, возможно, и грешили чем-то, с точки зрения профессионального мастерства, но были поэтичны и очень оригинально отражали то, что хотел он передать. Наверное, именно потому Станислав Теофилович удивительно легко мог читать и детские рисунки. Нас покоряла многогранность и щедрость его таланта. Но более всего Станислав Теофилович был дорог нам тем, что это был человек неустанныго поиска. И потому, мне думается, прав тот же А. А. Фортунатов, который находил какое-то внутреннее родство между величайшим деятелем искусства Станиславским и деятелем педагогики Шацким. Действительно, и тот и другой выступали прежде всего как искатели, и тот и другой не хотели повторять уже готовых форм и знакомых приемов, и тот и другой пускались в самую гущу исканий. И как Станиславский создал свою, покорившую всех систему в области театрального искусства, так и Шацкий сказал свое собственное слово в области педагогики. Его взгляд на педагогическую работу не просто как на определенную профессию или службу, а как на постоянное совместное творчество учащихся и учащихся не потерял своей значимости — и значительности — и в наши дни. Тезис: педагогическая наука может твориться только в контакте воспитателя и воспитуемого, придается еще доказывать и поныне, беря на вооружение парадоксальное, на первый взгляд, суждение Шацкого, что «педагог создается как таковой только в процессе непосредственной творческой работы и в известной степени ученик может быть назван его учителем».

Педагогика, как наука, — часто говорил Станислав Теофилович, — строится на основе непосредственного изучения самого педагогического процесса. Тот, кто действительно знает практически этот процесс, может теоретически рассуждать о педагогике. Иначе получается абстрактная игра теми или другими понятиями. Даже только эти положения, высказанные в свое время Шацким, дают основание не соглашаться с утверждением, что Шацкий занимался лишь практической стороной дела, как ошибочно считают иногда. Нет! Занимаясь практической деятельностью, он внес и большой вклад в педагогическую теорию. Говоря точнее, именно практика Шацкого и двигала вперед его педагогическую теорию. Может быть, он только не успел при

жизни достаточно обстоятельно высказать свои идеи.

Станислав Теофилович всегда ценил живую, постоянно идущую вперед педагогическую деятельность. Пусть, говорил он, она ошибается, ищет, пусть будет сложной и трудной, лишь бы жила и двигалась. Без этого все мертво. Тем и дорог нам Станислав Теофилович, что для него теория и практика были едины. Он подтвердил это всей своей жизнью. То, что он проповедовал, — делал сам. Именно этому надо прежде всего учиться у Шацкого.

Стремление к педагогической деятельности и начало ее вызваны размышлениями молодого Шацкого об отрицательных сторонах учения в старой дореволюционной школе, которые он испытал на себе, размышлениями о том, что «так не надо ни учиться, ни учить». Поиски новых путей, личный опыт работы с детьми привели Шацкого «к взгляду на педагогическое дело, как на организацию детской жизни». Если педагог хочет успешно воспитывать детей, он должен уметь организовывать их жизнь, а это, в свою очередь, означает организацию их деятельности.

Основным же началом организации деятельности детей Шацкий считал физический труд. «Отнимая физический труд от ребенка, мы лишаем его могучего жизненного приспособления». Иначе говоря — нарушаем процесс его нормального развития. С этой точки зрения становится понятной и логически оправданной вся последующая педагогическая деятельность Станислава Теофиловича, нашедшая свое практическое выражение в организации клубов для детей, летних колоний, школ-колоний, детских садов, где основой была трудовая деятельность детей в разных ее проявлениях.

Большой вклад внес Шацкий и в строительство новой, советской трудовой школы. Ему были особенно дороги ее принципы, так как к тому времени у Станислава Теофиловича был уже накоплен определенный опыт трудового воспитания детей, что особенно ценила Надежда Константиновна Крупская. В работе с детьми он ставил своей задачей организовать трудовое воспитание и детское самоуправление, стремился всемерно учитывать детские интересы, которые в старой школе не только не поощрялись, но и подавлялись. Этим, видимо, и объясняется такая любовь детей к Шацкому.

— Почему мы так льнули к нему в детские годы? — вспоминает один из его воспитанников, А. Лушин. — Мы чувствовали, что Шацкий признавал право ребенка на творчество, признавал личное мнение ребенка. Он считал, что до сознания детей надо

всегда доводить цель обучения. Дети должны знать, чему и для чего они учатся.

Разумеется, были в педагогической деятельности Шацкого и ошибки, да и не может быть иначе у человека в постоянном поиске. Но отдельные ошибочные представления его были искренними, честными и продиктованы были горячим стремлением строить действительно новую школу.

В первые годы ее строительства Шацкий сумел широко раскрыть и поднять на принципиальную высоту требование теснейшей связи учительской деятельности с политикой партии, с общественной жизнью народа. Это основа его общепедагогических воззрений. С. Т. Шацкий считал, что «советская дидактика будет прежде всего отличаться от дидактики старой своей жизненностью и широтой взглядов. Таким образом, советское искусство обучения, неразрывно связанное с задачами социалистического воспитания, будет искусством новым, требующим живого человека и живого мастера своего дела». Школе необходимо, по мнению Шацкого, тесно связать обучение с жизнью, удовлетворять разносторонние запросы учащихся, воспитывать умение работать.

Оставил Шацкий немало полезных советов и касательно возрастных и индивидуальных особенностей учащихся. Любопытно его пожелание учителям: выработать в себе способность представлять жизнь и ее отдельные моменты такими, какими они преломляются в сознании ребят определенного возраста, получше помнить себя маленькими.

Суммируя сказанное, можно утверждать, что связь обучения и воспитания с жизнью мыслилась Шацким как основа создания новой педагогической системы. «Надо работать над такой педагогической системой, — писал он, — которая являлась бы жизненно нужной для широких масс трудящихся, отрывающих с колоссальной силой новые пути в жизни человечества. Это есть одна из самых благородных и благодарных задач, которые только можно себе представить».

Еще в досоветский период Станислав Теофилович пытался развить культурно-просветительную работу среди взрослых, стремясь создать единую систему воспитания — школьного, внешкольного и семейного. Но в то время это была лишь попытка оказания педагогической помощи семьям рабочих и крестьян. Широкие возможности для этого возникли лишь в советских условиях. Естественно поэтому, что уже в ранний период строительства советской школы Станислав Теофилович через систему учреждений опытной станции

С. Т. ШАЦКИЙ

НА ПУТИ К ТРУДОВОЙ ШКОЛЕ

(1918)

развертывает самую широкую работу с населением, стремясь, как он говорил, к «педагогизации среды».

Школа, по мысли Шацкого, не может обойтись без совместной работы не только с отдельными семьями и объединенными вокруг школы родителями, но и со всей массой окружающего школу населения и теми учреждениями, которые ее организуют. Он рекомендовал школам «нащупать» правильный, деловой подход к совместной работе с общественными организациями деревни, а в городах — с заводскими комитетами, жилищными товариществами и т. д.

Понять и по-настоящему оценить эти стремления выдающегося педагогического деятеля мы можем только сейчас, когда то, о чем думал и мечтал Шацкий, его идея «педагогизации среды» стала делом государственного значения, когда вопросы педагогического просвещения народа, так называем мы сейчас эту деятельность, являются неотъемлемой частью работы каждой школы, каждого учителя, всех общественных организаций.

Так вот и осуществляется эта связь времен. Кто-то сказал: «Новое — это хорошо забытое старое». Это, пожалуй, верно, но вряд ли закономерно. Не можем мы не помнить родства и не ценить наследства. Потому и чтим мы память тех, кто сделал в свое время первые посевы на ниве народного просвещения, дающей сегодня столь изумительные всходы.

Не могу отказать себе в удовольствии закончить эти краткие воспоминания выдержкой из письма С. Т. Шацкого группе учащихся, совершивших длительную экскурсию по стране в 1929 году.

«Через небольшое количество лет вы вступите в широкую жизнь, вы вступите в сильную армию нашей молодежи, которая будет работать лучше, чем мы, которой на долю выпадут величайшие в мире победы и над старым строем жизни, и над природой, и над климатом, и над ветрами, и над водой, и над техникой. Вы увидите и будете управлять такими машинами, которые нам и не снились. Вы увидите гигантское развитие культурной жизни в нашей стране, и это произойдет благодаря вашим усилиям, усилиям новых людей. Для меня самый серьезный вопрос — это о воспитании в себе нового человека. Я жил в старом, и старый человек мне уже противен. Вы не жили так в старом, как я, вы легче укрепите в себе новое.

...Давайте ничего не бояться, давайте работать всюду, давайте разовьем в себе товарищеский дух, давайте помогать нашей великой партии в ее колоссальном деле перестройки всего мира. Его надо перестроить».

...Вся наша общая педагогика построена на идее подготовки. А между тем передовыми мыслителями-педагогами всегда, кого из них ни возьмете — Коменский, Руссо, Песталоцци, Герbart, Фребель, Толстой, Эллен Кей, Стэнли Холл, Дьюи, — утверждалось нечто другое — осуществление возможно полной детской жизни сейчас, без мысли о том, что даст будущее. Грозный призрак будущего устраняется, и перед нами развертывается реальная детская жизнь с ее неизмеримо богатым содержанием и целесообразностью.

Молодые человеческие существа должны в биологическом отношении пройти весь цикл своего развития. И еще развивающаяся, делающая свои первые шаги экспериментальная педагогика ясно стала на этот путь. Она толкает нас на изучение и наблюдение над детьми. Она ставит перед нами бесконечное число вопросов, намечает законы детского развития, тщательно стремясь определить границы возрастных ступеней ребенка. В самом деле, становится несносным работать и знать, что ты не понимаешь тех детей, которых так любишь, что забываешь самого себя, что у тебя нет никакой собственной истории, никаких корней, на которые ты мог бы опереться. А это все нужно, если только желать от своей работы разумного сознания.

Мне вспоминается ярко свое впечатление от давних лет учения в гимназии, когда на уроке математики учитель собирался поставить единицу моему товарищу, а тот рыдал, целовал его руки и просил пощады. «Неужели, — думал я с ужасом, — он забыл, как сам был маленьким?»

Да и теперь часто ловишь себя на том, что не понял совсем простых вещей.

Раз мне пришлось наблюдать, как в течение трех дней маленькие дети промывали в теплой воде песок из аквариума. Мне показалось неестественным, что дети так долго не могут достигнуть результата, и, отнеся это на счет недосмотра руководительницы, я посоветовал поставить банку с песком под кран, и там песок промоется в полчаса.

«А почему ты знаешь? — заметил мне один маленький философ, — может, нам приятно полоскаться в воде. Она теплая».

Да, я не понял простой вещи. Не понял, что в этом случае процесс играет большее значение, чем результат, что у детей была игра с водой и им нравилось зимой ощущение теплой воды.

Часто бывает, что случайные посетители детских учреждений (великое общественное зло, сказать открыто) считают себя в праве помогать детям, давать советы или даже самим делать за них — пилить, клеить, поднимать тяжелые вещи и т. д. Они проявляют ту воспитательную торопливость, которая свойственна всем нам, соединенную с очень малой сознательностью, своего рода манию воспитания, о которой с большим раздражением говорит знаменитый композитор Вагнер в своих воспоминаниях.

НЕ ПУГАЙТЕ ДЕТЕЙ

(1928)

...Причина наших ошибок и нашей нетактичности заключается в том, что мы не понимаем смысла детской работы. А для ребенка, чем он меньше, тем более его работа, рисунок, движение есть игра, в которую он должен играть; есть символ, в котором он видит целую цепь своих, сначала туманных, а после все более и более проясняющихся впечатлений.

* * *

Вернемся к принципу, который мы выдвинули: «Возвращение детям детства».

Это не так легко сделать, несмотря на всю необходимость. Казалось бы, нужно только любить детей, а все остальное приложится. Но не слепа ли в большинстве случаев наша любовь? Мы должны, кроме любви, присоединить к нашим руководящим принципам глубокий, разумный интерес к детям, исследование и изучение детской жизни.

Самый элементарный анализ детской жизни может нас привести к признанию существенной разницы между детьми и нами. Основное отличие состоит в том, что детство, отрочество и юность растут, развиваются — у нас же рост закончен. Неустойчивость является законом у детей и недостатком у взрослых. Мы имеем две психологии — организма растущего и остановившегося в росте. Поэтому для нас трудно понять детей. Отсюда наши ошибки.

...Если даже считать бесспорным, что коренными детскими свойствами являются стремление двигаться, играть и ярко выражать свои впечатления, то можно убедиться, что в области и умственной жизни, как будто главным образом приличествующей взрослым, дети могут заставить нас прийти к любопытным заключениям. В самом деле, дети с поразительной настойчивостью исследуют, рассматривают, подвергают всяким пробам и испытаниям все попадающие на глаза предметы.

В чем же корень этой настойчивости, равной неодолжимо их стремлению двигаться, играть и выражать себя разнообразными средствами? Очевидно, в духе исследования, в той способности, которая побуждает самых маленьких ребят к первым опытам приспособления своих органов внешних чувств к природе, той способности, которая, будучи сохранена, пронесена, часто с величайшими трудностями, сквозь семью, школу и общество, достигает могучего развития в ученом, и не компиляторе ученом, сборщике чужих знаний, а самостоятельном исследователе, настоящем ученом, которые не так-то часто и встречаются. Здесь мы видим оба конца одной и той же цепи.

Интересно прибавить, что к исследованию ребенка побуждает жизненная необходимость, могучий инстинкт, доставшийся ему по наследству от предыдущих поколений: если ребенок не будет всего ощупывать, осматривать, лизать, нюхать, то ведь он погибнет среди этих острых, твердых, горячих, высоких, тяжелых предметов, которые грозят ребенку ежеминутной опасностью. Но у него есть реальное оружие самозащиты и приспособления — это его инстинкт исследования.

Вывод я бы сделал такой: самая важная работа наша должна быть направлена на то, чтобы сохранить то, что есть в детях. И это, очевидно, невероятно трудно по самой природе своей. Мы же препятствуем этому сохранению полезных для человека свойств, обнаруживающихся в детях так рано, при помощи наших педагогических организаций и главным образом при помощи нашей школы.

Я нарочно выдвинул этот вывод несколько преждевременно и коснулся прежде всего умственной деятельности ребенка, чтобы указать, что в области, где должен царить взрослый человек, в области разума, ребенок завладел важным преимуществом неукротимого исследователя.

Мы, взрослые люди, часто не подозреваем, как много страха дети испытывают в своей жизни.

Я помню в детстве такую картину. Стою в комнате на коленях: я что-то сильно напроказил, и мать обещала меня выпороть. Я уже выслушал все то громкое и обидное, что она хотела мне сказать, теперь она ушла и придет скоро с розгами в руке.

Я жду. Так невыносимо страшно и мучительно стоять на коленях и ждать, что вот сейчас наступит этот невероятный ужас, стоять и думать про себя: «Хоть поскорей бы, что ли». Ждать — невыносимо, и у меня мелькает мысль: «Зачем она меня так мучает?» Если бы она знала, что со мною, она бы не стала меня так пугать. Открылась дверь, и мать пришла снова; розги в руках не было. Мне было приказано встать с колен и уйти. Но за это коротенькое время я испытал настоящее потрясение, которое было для меня гораздо более ужасным, чем сами розги.

...Мы сами того не замечаем, как часто наполняем детскую жизнь страхом. Это происходит потому, что мы весьма много детям угрожаем с самых маленьких лет; мы действуем на них при помощи страха. Темная комната населяется нами какими-то страшными пауками и буками; если говорим о собаке, то непременно прибавим: «Смотри, она тебя укусит»; если говорим о каком-нибудь дяде, то часто указываем нашим детям, что этот дядя возьмет тебя и унесет. Мы угрожаем детям болезнью, ранами, болью и в конце концов достигаем хороших результатов: дети начинают нервничать, пугаться, трястись от страха, вскрикивать ночью и постоянно искать защиты. Все это даром для них не проходит, они не всегда сознают, что часто мы пугаем их только словами. Они верят нашим угрозам всерьез, и это наполняет душу ребенка такими настроениями, которые в дальнейшем будут мешать ему жить и работать, которые сделают его нерешительным, робким и неуверенным в своих силах.

Казалось, нужно было бы поступать совершенно наоборот: приучать к темной комнате, внушать ребенку, что никакой чужой дядя не может быть страшен, приучать его к тому, что вообще ничего страшного нет.

Помню, как-то раз ночью мать стала нас всех будить. Она говорила страшным голосом, почти что в истерике: «Вставайте, сейчас горим». Я оглянулся, окно снаружи было освещено, где-то на деревне горело. Конечно, первое впечатление было самое страшное. Наш темный дом и зарево пламени, занявшее все небо и весь двор, действительно были страшной картиной, и самое страшное было как раз не там, где горело, где был огонь, а страшно было именно в комнате. Нужно было скорее одеться и выйти из этой комнаты. Когда же я побежал на пожарище, когда увидел массу людей, которые сильно суетились, когда увидел интересных пожарных, качавших воду и направляющих ее сильную струю на огонь, когда услышал треск пламени, крики и увидел яркое зрелище мощи огня, то мне совершенно не было страшно, мне только было чрезвычайно интересно, и я даже с большим удовольствием почувствовал, что, приблизившись слишком к огню, я вдруг весь стал мокрый — меня окатили водой...

Такие толчки, толчки страшные, были испытаны и мною, и всеми ребятами много раз, и надо сказать, что толчки эти никогда не проходят бесследно. От них жизнь становится робкой, полной опасностей, от них не получишь ни смелости, ни сил, ни бодрости в работе.

Нет, не надо пугать детей, это слишком дорого им обходится, нужно их воспитывать смелыми, жизнерадостными и бодрыми.

Дневник отца

1966

1—10 мая

Вале 4 года 7 месяцев

Гуляли втроем в городском парке. Говорит: «Я пойду туда, к каруселям» (хотя ее на каруселях уже покатали). Потом — к другому аттракциону. Вроде мы должны ходить за ней, куда она пожелает. Сказали с обидой: «Иди». И Валя пошла, думая, что мы обязательно отправимся за ней: нельзя же бросать ребенка в парке! («Родительскую» мораль дети усваивают очень быстро и умеют пользоваться ею, когда хотят добиться своего.) Так мы скрылись друг у друга из виду, и началось наше взаимное «испытание». Но она сразу же вернулась, как только увидела, что осталась одна. Все это без плача, без наприза. И так — дважды (первый случай ее, как видно, не убедил). Тогда мы сказали Вале: «А мы хотим идти туда» (в другую сторону). Пусть знает, что у нас тоже есть свои интересы, с которыми надо считаться. Когда ребенку во всем уступают, он к этому так привыкает, что потом ничего иного себе и представить не может.

Очень нравилось ей ходить к дяде Коле (наш сосед — этажом выше), привязалась к нему: в доме много книг, она их смотрит, конфетками ее угощают и т. д. Но вот она увидела у него Катю (невесту). Ушла в угол, села и с обидой сказала: «Ты теперь жених!» Убежала и вообще перестала к нему ходить. То, что это Колина невеста, — она не могла знать. Как быстро улавливает ребенок отношения между людьми!

Примерно с месяц назад Валя начала писать печатными буквами: мама, папа, Валя, Толя, Инна. Вначале она просто «перерисовывала» эти слова (мать писала их на листке крупными буквами), а сейчас выводит самостоятельно и «прочитывает». Сама стала перерисовывать названия книг. Впервые увидел Валин рисунок с натуры: точно воспроизвела сделанную ею пирамидку из 10 «кирпичиков». Дома стала рисовать многоэтажные. В рисовании появился первомайский сюжет: танк с флагом, летит самолет и надпись: «1 Мая» (единица и буква «я» написаны наоборот). Пишет и узнает также слово «мир».

10—20 мая

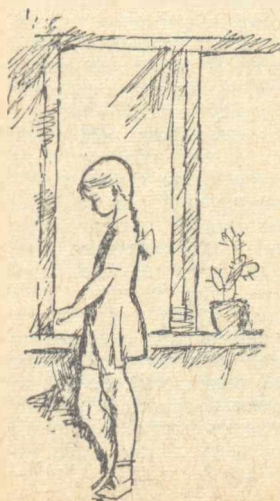
Благодаря нашим уговорам снова стала ходить к дяде Коле. Но все еще стесняется. Установился «контакт» и с тетей Катей, теперь Колиной женой. Говорит ей: «Тетя, ты знаешь, почему у меня в кармане конфет не убывает?» Та отвечает, что не знает. «Потому что я одну конфетку беру из кармана в рот и тоже одну беру из вазы в карман». Видимо, это было для нее важное открытие: вот как может быть! Когда Катя рассказала нам при Вале этот случай, то девочка, обидевшись, убежала и потом опять долго не ходила к соседям. Вале было почему-то очень стыдно. Наверное, потому, что она брала из вазы конфеты без разрешения. Но ведь она сказала сама! (Хотелось поделиться своим «открытием».) Тут очень ярко обнаруживается, как различно значение одного и того же факта в воспитании взрослого и ребенка. Мы совсем упустили из виду то, что вызвало у девочки чувство стыда.

Купил Вале «летающий пропеллер»: стоит дернуть за шнурок — и он взлетает вверх. У нее это не очень получается. Дала игрушку старшим ребятам, а те так наловчились, что пропеллер залетает на балконы. И Валя не стала больше с ним играть. «У меня так не получается!» Не хочет, значит, ударить в грязь лицом. Вроде бы правильно, а в то же время — плохо, что нет настойчивости. Чтобы добиться успеха в обучении, в воспитании, надо, как видно, позаботиться и о ребячем успехе. Слишком высокие образцы могут, оказывается, и угнетать ребенка, удручать его.

Написала: «бабуля». Но писала справа налево, буквы перевернулись не в ту сторону, а «б» к тому же стала еще и «вверх ногами». Написала и слово «Вера» (имя нашей второй девочки, новорожденной). Буква «е» «легла на бок». Меня очень интересует это явление: почему ребенок при письме, «путая стороны», не замечает такого очевидного факта? Ориентировки для него здесь вроде бы совсем не существует.

20—31 мая

Забегалась до вечера, не хочет идти ужинать, просится погулять (подружки стоят у дверей, ждут). Опять пришлось сказать: «Тогда иди, живи со своими подружками». В ответ: «Дай туфли!» (Как будто я их когда-нибудь беру или даю!) Спокойно, просто подал Вале туфли и закрыл за ней дверь. Через несколько минут — стучит. Подружек уже нет, плачет: «Не буду». После этого случая сразу идет домой с улицы, как позвем, или просит: «Еще одну минутку!» Обычно мы уступаем, и после «минуточки» приходит уже сама. При упоминании о подружках сказала с обидой: «Что подружки?

Продолжение. Начало см. в № 9 и 10 «Семьи и школы» за 1967 год и в № 1 и 2 за этот год.

Они ведь мне не жители, я с ними не живу». Наконец-то это «дошло» до ее сознания! А «Дай туфли!» Вале понадобилось, чтобы меня проверить: правда это или папа так говорит?

1—15 июня

Валя впервые увидела похороны. Состоялся такой разговор.

— Папа, привезли человека мертвого, в гробу.

— Ты не боялась?

— Нет, чего бояться!

А на другой день говорит: «На покойника нельзя глядеть, а то во сне увидишь, будет страшно». Это она от кого-то услышала — и стала бояться. Боязнь пришла не сама собой, а от людей. Нередко вот так сами что-нибудь внушили ребенку, а потом говорим: это от природы!

Валя видела, как выносили покойника из дома, как плакали люди. Играла музыка. Домой пришла — молчит. Потом легла на кровать и заплакала: «Папа, мне дядю жалко».

Сегодня вдруг захотела уйти с клубникой на улицу: кто-то за клубнику обещал показать ее на мотоцикле. Когда запретил, Валя стала прямо-таки рваться на улицу, голосит, дома есть отказывается. Кое-как усадил их с подружкой за стол. Неожиданно разыграл сцену, превратился в «официанта»: «Что вы заказали? Деньги платили? Чеки есть?» Дал им «чеки», принес ягоды. И вдруг: у Вали сразу, мгновенно, громкий плач перешел в громкий смех. Поразительным был этот переход — без какой-либо паузы. Весело поели ягоды, об улице было забыто. Валя все повторяла: «Как мы играли!» Попробуй разберись, почему так легко совершилось то, что вначале было таким трудным делом! Победитель — мотив игры.

Увидев молочницу, Валя попросила бидон и деньги: «Пойду сама за молоком». Ей дали без очереди. Принесла радостная. Интересно, что это была какая-то внутренняя радость, не иррациональная, «скромная».

Второй день огорчается, что проспала приход молочницы (молоко привозят теперь во двор очень рано). «Ну ничего, вырасту большая, буду еще ночью вставать и покупать молоко». Вот так: что взрослому в тягость, для ребенка — мечта.

16—30 июня

Валя умеет писать уже слов 10 — печатными буквами обычно под своими рисунками и в «письмах». Знает все входящие в них буквы, но новые слова из этих знакомых букв прочесть не может. Она запоминает слово целиком, а как складываются буквы в слова, как можно их читать по буквам — не понимает.

После болезни, во время карантина мать стала обучать Валу «грамоте» (чтобы занять ее дома). Делает она это играя. Выучили еще 8—10 букв. При этом каждая буква связывается с каким-то знакомым Вале образом: «ж» — жук, «в» — Вовина буква, «х» — смеется — ха-ха-ха и т. д. Знание закрепляется тоже в игре: угадаешь букву — она твоя, не угадаешь — моя. Или: угадай, в какой руке у меня такая-то буква. Это ее увлекает. Играя, Валя поняла, как из букв образуются слова. Мать сказала: «Каждая буква умеет говорить только один звук. Вот вышла на улицу девочка «А», а потом прибежал мальчик «Д». Их спросили: «Хотите кататься на велосипеде?» Какое слово они вместе сказали?» («Да».) Так же: два мальчика, «Т» и «У», играют в паровозики («Ту»); две девочки, «Н» и «О», играют в лошадку («Но») и т. д. Так Валя довольно быстро, за один раз, усвоила слоги с гласными А, О, У и вообще научилась их читать.

Вале 4 года 9 месяцев

6—13 июля

Сегодня состоялся серьезный, «взрослый» разговор, когда вместе с Валей шли в магазин. Никакого повода для него вроде бы не было. Вдруг спрашивает: «Доктора делают детей, а кто делает докторов?» (Считает так, видимо, оттого, что детей приносят из больницы, как нашу Верочку.) Говорю: «Нет, не доктора делают. Дети рождаются. Мама Веру родила. Помнишь, у мамы был большой живот? Там жила Верочка, когда была совсем-совсем маленькая». Возражает: «Это неправда. Ведь в больнице купили. Ты мне правду скажи, откуда появляются люди?» (Меня очень удивило, как хорошо она сформулировала последний вопрос.) Повторяю: «От мамы, из животика и, действительно, — в больнице». Это ей кажется убедительным: все же дело связано с больницей. Рассказал, как из яйца «получается» цыпленок.

Далее разговор получил новое направление: «А мама откуда?» — «От бабули». — «А бабуля?» — «От старенькой бабули». — «Ведь она старая!.. Но она, наверное, тогда была молодая. А она от кого?» — «От совсем старенькой бабули». — «Где она?» — «Она уже умерла». Потом разговор идет о том, как люди рождаются, растут и умирают. Такой была эта беседа о «первопричинах». Видно было, что Валя хочет рассуждать логически. Вопросы эти возникали у нее и раньше, но я старался на них не отвечать. Она зывается, что и на эту трудную тему с ребенком можно говорить. И нужно, раз он спрашивает.

Рисунки
А. Беслика

ДУША СЕМЬИ

Федор Сидорович встретил ее у Заболотского поля, где она вместе с другими колхозницами сажала картофель. Отозвав в сторонку, сказал, что хотел бы поговорить «по серьезному вопросу». Пошли рядом.

— ...Словом, будь мне женой, — закончил он не без некоторого замешательства, когда подходили к селу.

Смущенная и растерянная, остановилась Ксения Григорьевна у березки. Первый раз за весь их разговор она взглянула на Федора Сидоровича и улыбнулась своим мыслям. «Засмеют меня в Углах. Вот, скажут, бабе сорок, а она замуж надумала», — пронеслось в голове.

— Чего же ты молчишь? Или не согласна? Не бойся: ни я, ни дети мои тебя не обидят, не таковские мы...

— Завтра скажу, — нетвердо ответила Ксения Григорьевна, смутно чувствуя, что в этот миг уже решила ее дальнейшая судьба, но не то что Федору — самой себе она не смогла бы в этом признаться.

Многие женщины благосклонно поглядывали на Федора Сидоровича, отменного колхозного плотника, не молодого, но еще и не старого мужчину. Но, пожалуй, не каждая рискнула бы связать с ним, отцом шестерых детей, свою жизнь. Его дальняя родственница Наталья Васильевна Бабинич не раз говаривала: «Сватайся, Федор, к Ксюше Ломано. Она женщина душевная. Век спокойно доживешь с ней и детям от нее худого не будет...» Он и сам подумывал о Ксюше, но разговор с ней все как-то откладывался...

Во время войны Ксения Григорьевна похоронила отца и мать, не вернулся с фронта жених. Осталась она совсем одна. Долгими вечерами часто вынимала она из оклеенного открытками сундучка пачку фронтовых писем и перечитывала их. Постепенно свилась с мыслью, что не будет у нее семьи. И вот теперь хо- роший, уважаемый на селе человек

зовет ее к себе в дом. Она станет матерью шестерым сиротам, вырастит, воспитает их. Ксения Григорьевна и радовалась этому, и тревожилась. «А ну как не совладаю с ними, да не взлюбят они меня. Что тогда? Родная мать как ни поступит, все ладно. А с мачехи ведь спрос особый... Неужто не хватит у меня терпенья с Федоровыми детьми ладить? — рассуждала она. — Кажется, неплохие они, а, видно, заброшенные. Худенькие...»

В раздумьях провела женщина ночь, а когда на другой день Федор Сидорович пришел за ответом, только об одном попросила:

— Не надо, Федор, ни свадьбы, ни вечеров каких...

— Делай как знаешь. Ты теперь хозяйка. Я не буду упорствовать, — согласился он.

На том и порешили.

Она пришла в дом Деминкозцев под вечер с небольшим узелком в руках. Поздоровалась и, чувствуя на себе пристальные взгляды девочек, надела фартук — стала топить печь, готовить ужин.

— Надя, а где у нас соль? — спросила она у старшей. Та кивнула головой, указывая на полку в углу.

За четыре года отцовского вдовства Надя столько наслушалась от людей о всевозможных мачехиных кознях, что встретила Ксению Григорьевну подозрительно. Глядя на нее, и младшие настороженно присматривались к новой матери, как назвал Ксению Григорьевну их отец.

Дня через два четырнадцатилетняя Лидя услышала в сенях шепот.

— Поезжай сегодня же за Федей, не откладывай, — убеждала мачеха отца.

Лидя вся превратилась в слух.

— Да пусть еще поживет там с месяцком, пока ты осмотришься. В детдоме ему неплохо...

— Незачем ему там сиротой оставаться. Пусть домой едет, — стояла на своем жена.

Речь шла о самом младшем — семилетнем Феде, который был определен в детский дом, когда Федор Сидорович после смерти жены тяжело заболел.

Случайно услышанный разговор Лидя передала сестрам слово в слово. Те заметили и приготовления к приезду Феде — праздничный обед, пироги с картошкой и луком. А когда Ксения Григорьевна, испугав Федею и уложив спать, уселась шить ему рубашку, Надя тихо подошла к ней.

— Мама, — впервые сказала она. — Давай я начищу картошки.

— Чисть, доченька, садись. С полведра набери в погребке: дранички завтра будем печь, — не выдав своего волнения, ответила мать.

Так постепенно таял лед в сердцах дочерей.

Федя же, как только увидел Ксению Григорьевну, по-детски открыто взглянул на нее и сразу стал называть мамой. Родную мать он не помнил. К тому же очень рад был, что останется жить дома.

Но именно от Феде Ксения Григорьевна натерпелась больше всего. Был он страшным неслухом, что ни день — новые проказы. Однажды прибежал домой и бросился к матери. «Припал, как прилип», — вспоминает об этом случае Ксения Григорьевна. Рубашка на плече разорвана, а под ней кровоподтек. Оназывается, дед Архип «перетянул его кнутом по спине» за то, что с ребятами залез к нему в огород за огурцами.

Ксения Григорьевна сказала сыну, чтобы он умылся, надела на него чистую рубашку, и они вместе пошли к деду на другой конец села.

— Не срам тебе, Архип, так с дитем расправляйся? Это ж надо, такой рубец через всю спину!.. Вот тебе за убытки, — она протянула десяток яиц, — за огурцы, что он у тебя съел. А бить не смей!

Весь обратный путь мать убеждала сына, что некрасиво и нечестно брать чужое. Федя слушал молча, низко опустив голову. Но каково же было огорчение Ксении Григорьевны, когда через неделю она снова увидела, как сын тихонько вошел в хату и стал выкладывать из-за пазухи яблоки, пряча их под подушку.

— Где взял? — оклинула его мать. От неожиданности Федя вздрогнул. Долго не сознавался, но потом сказал, что «набирал анисовок у тетки Матрены».

— Но ведь рвал без спроса! — допытывалась Ксения Григорьевна. — А это значит воровал!

И она настояла, чтобы мальчик отнес яблоки обратно.

Наблюдавшая эту сцену Матрена Маламович, хозяйка сада, крикнула Феде из открытого окна:

— Бери, Федорна, бери яблоки. И другой раз приходи, я тебя всегда угощу...

В воскресные дни Ксения Григорьевна вместе с детьми отправлялась на речку. Или в Заградок, или Дубраву по ягоды, по грибы. В лесу она чувствовала себя особенно легко, и ребятишкам очень нравились песни матери, ее красивый грудной голос.

И хоть не велик был доход в семье Деменновцев, никогда не жалела Ксения Григорьевна денег ни на кино, ни на книги. Частенько посылала старшую Надю с детьми в город, чтобы сходили в цирк или в театр. Ботинки у детей могут быть и подешевле, и в платьях ситцевых прохоят, а кино, постановки пусть смотрят, чтобы знали, где и как люди живут, считала она.

Как только в Углы привозили кино, Федя первый узнавал об этом событии, бежал со всех ног домой и на ходу кричал: «Мама, кинщик приехал!»

И когда видели односельчане Ксению, шагающую со всей шестерной в клуб, шутили:

— Опять культпоход устроили.

Заходили и Деменновцам соседи.

— Как ты только с ними управляешься? — удивлялась Агриппина.

— Живем не тужим! — весело отвечала Ксения Григорьевна. — Теперь я богатая. Щебечут мои сиворушки. А раньше был дом, как лес без птиц. Пустой да холодный.

Кое-кто думал, что на людях бодрится Ксения, а сама небось уже не раз плакала с этой оравой. Но, посмотревшись к ней, прямо-таки расцветшей, поверили, что она действительно счастлива.

Так прошло лето. А осенью Деменновцев захлестнуло горе: Ксения Григорьевна заметила, что две девочки — Мотя и Ксения — стали нахляпать. Врач сказал, что у них туберкулез. Чего только не предпринимала мать, чтобы вылечить детей. Вместе с мужем она повезла девочек в Гомель, в больницу. Потом достала им путевки в санаторий. Но все старания были напрасны. Болезнь оказалась запущенной. Они умерли одна за другой в течение месяца.

Поседела от горя Ксения Григорьевна.

— Себя пожалей, видишь, на ного похожа стала. Кто они тебе, чтоб так убиваться, — утешала ее соседка.

— Они мне дети, — строго ответила мать и с той поры стала холоднее относиться к Фекле, с которой раньше дружила.

Время залечивает раны... Постепенно пришла в себя и Ксения Григорьевна.

С годами подросли дети и разлетелись из гнезда. Федя, окончив десятилетку, поступил учиться в Минское техническое училище. Нина пошла работать на мебельную фабрику. Лида стала швеей. Надя — дояркой в своем колхозе. За своих детей Ксении Григорьевне не приходится краснеть. Всюду их уважают за трудолюбие и скромность. В прошлом году гостила она у Феди. Стал он бузовым мастером в Речице.

Не проходит праздника, чтобы дети не приехали в гости или не прислали подарка Ксении Григорьевне.

Дружно живут в большой семье Деменновцев, душой которой по-прежнему остается мать.

Светлогорский район, Гомельская область

Рисунок Г. Калиновского

МОРЯКИ ИЗ ГОРЯЧЕЙ СТЕПИ

Очерк

Я хочу понять этого человека, мотивы, побудившие его взяться за дело; хочу понять само дело, его смысл и следствия, потому что, возникнув стихийно, оно обрело силу и приносит огромную пользу.

Я говорю о Захаре Григорьевиче Закирове, тридцатидвухлетнем жителе города Темиртау, создавшем в центре Казахстана «Клуб юных моряков». Энергия сотен подростков получила разумное и творческое направление. «Трудные подростки, проблема свободного времени, организация досуга молодежи» — мы часто об этом слышим, обсуждаем множество рецептов, примеров. Но пример Захара Закирова заслуживает особого внимания.

Вот он сидит передо мной в своем клубе, в маленькой, жарко натопленной комнате, среди сигнальных флагов, манетов кораблей, карт. Крепкий, подтянутый, во флотском свитере, с лицом, исполненным спокойного добродушия.

— Почему, говорите вы, море? Оттого, что после десятого класса я попал на Северный флот и служба на корабле стала для меня нравственной и жизненной школой, определила все мое дальнейшее существование.

...Он служил на корабле, испытал все тяготы плаваний в верхних широтах и жадно впитывал в себя дух флотских традиций, неписанных правил и предостережений, которыми флот всегда отличался от любой сухопутной службы.

— Корабль, когда он выходит в море, превращается в особый, самостоятельный мир. Между людьми, офицерами и командой, возникает единство, то, что зовется морской дружбой. Я жил среди геологов, лесорубов, там тоже дружба, артель, но тут нечто особое. Именно братство, ответственность каждого за всех. Особенно в бурю, в боевой обстановке. Я уж сколько лет не служу, а чувство этого товарищества храню в душе до сих пор. И стараюсь передать его, как могу, детям.

...Он вернулся на родину после четырехлетней службы, и, видимо, беспокойная натура его требовала движения и развития. По путевке комсомола уехал на восток, в Казахстан, где на карагандинских углях и балхашском железе возникла в те годы могучий металлургический центр — Казахстанская магнитка. Сейчас Темиртау — новый город, чистый и свежий. А тогда степной ветер трепал палатки, сыпал горячую пыль на крыши барнаков. Ревела земля сотнями моторов. Люди со всех концов страны подымали стройку. Вы знаете, что такое стройка? Лихорадочный темп, быт не устроен. Взрослые целый день на работе. Дети предоставлены сами себе. Еще не возник устойчивый ритм жизни, он еще только налаживается, а для детей, для их воспитания — сложное время.

Закиров уже не моряк, он строитель, слесарь-электрик. Но он ходит по улицам в стареньком флотском бушлате, а после работы, во дворе барана, мастерит лодку, благо водохранилище сразу за городом. Подростки, гонящиеся по улицам без призора, окружают его, и он, выгибая шлангоуты, рассказывает им о флоте, а иногда доверял стамеску или кисть с краской.

— Это был первый, любительский, персид мой работы. Но он преследовал никаких общественных целей, просто любил водную стихию, и дети невольно заражались моей любовью. Летом мы с дсоровыми ребятами,

моими соседями, ходили на лодке по водохранилищу, рыбачили. А зимой делали буера. Вы знаете, что такое казахстанские ветры? У буера шестиметровый парус. Я привязывал буер веревкой к столбу, мы садились, ветер гудел в огромном полотнище, и буер, как взнузданный конь, дрожал и бился. Я отсекал ножом веревку, и наш буер, с грохотом пролетев по улицам, выносился на лед. Полет по льду — зрелище фантастическое! Мы ловили ветер и казались себе огромными и могучими.

Как родилась у него идея случайное развлечение превратить в регулярное дело? Однажды он увидел фильм о крымских ребятах, которые подняли затонувший натер и сделали его своим плавучим штабом. А не повторить ли их опыт? Сколько подростков бродит по улицам, шалит, хулиганит. Не поставить ли перед ними интересную цель?

Закиров выступил на профсоюзной конференции со своим предложением. Его не поддержали: «Ты что, хочешь в суховейных степях флот строить? Чудачество это!» Равнодушие, с каким была встречена его затея, не охладило энтузиаста. Он рассказал о своих замыслах в школе.

— Я поделился своими планами с женой. Она огорчилась: «Вечно ты пропадаешь то на работе, то на собраниях. Все у тебя посторонние заботы и интересы. А ведь у тебя семья». Она была, конечно, права. Но ведь у меня была идея! Я начал вести морской кружок, сначала в одной школе, потом в двух, потом в пяти. В каждом дети занимались один раз в неделю, а у меня были заняты все дни. И кружил я по школам после работы...

Чем мы занимались? На флоте я изучил сигнальное дело, боцманскую практику. И это мне очень помогло теперь. Я начинал с беседы об истории русского флота, о Петре I, я рассказывал им о флотских традициях, о флотводцах, о морских сражениях и географических открытиях. Эта романтика их увлекала, и я незаметно вкрапывал в свой рассказ практические сведения об устройстве кораблей, о сигналах. Я начинал вырабатывать свои методы, доступные для детей формы преподавания. Это была все та же игра, но уже со смыслом, с пользой. Я исчерпал весь запас своих знаний и стал заниматься сам. Написал на Северный флот, просил помочь советами, они прислали книги. Это был второй этап в моей деятельности, кружковый.

Проходила зима, у детей кончались занятия. Шесть шлюпок, построенных детскими руками, лежали на снегу перед школой. Надо было думать о лете. Водохранилище длинной лентой огибало город, сопки высились на той стороне.

— Нам нужен был лагерь, чтобы на практике применить наши знания. Мы хотели плавать на шлюпках и заниматься спортом. И еще мы мечтали обзавестись флотской формой.

Родители были рады моему предложению. Чем детям болтаться по жаре в городе, пусть едут на природу. Они дали деньги на питание. Нужна была палатка. Раньше весь город был палаточный, а теперь выросли дома, и палатки не найти. Я чудом углядел одну на стройке и выспросил, вымолил, выкупил на свои деньги.

Мы охотились за флотской одеждой. Увидим, идет по городу демобилизованный матрос (я его сразу по походке узнаю). Подхожу:

- Здорово.
- Здорово.
- Где служил?
- На Балтийском.
- Форменка есть?
- Есть.
- Что, носить не надоело?
- А так, ношу.
- Отдай пацанам.
- А пускай берут.

Рисунок В. Долуды

И так мы набрали бескозырок, бушлатов, брюк. Когда была первомайская демонстрация, все ахнули. Мы прошли единой стройной колонной, чеканя шаг, ветер трепал ленточки на бескозырках. Такая гордость! А кругом раздавалось: «Откуда это в Темиртау школа моряков взялась?»

Они выехали в лагерь, пересекли на шести шлюпках водохранилище и первый раз в жизни разбили на берегу большую палатку. Первая палатка, первый костер, первая уха — многие запомнят это на всю жизнь. И когда град налетел и забарабанил по тугому брезенту, ему ответили дружной песней. В лагере они занимались парусным и шлюпочным спортом, стрельбой из малокалиберной винтовки, ходили в ветреную погоду бороться с волнами. После лагеря, с осени, уже 152 человека занимались у Закирова в клубе.

— И тут случилось то, чего я не ожидал. Вдруг звонок из Москвы. Звонит какой-то корреспондент: «Вы Закиров?» — «Я». — «Действительно есть такой клуб?» — «Есть». — «На общественных началах?» — «Да». — «Ну, до свидания».

Через несколько дней меня вызывают в Москву. Понимаете? Сначала не поддерживали на конференции, а через год вызвали в Москву!

Со мной беседовали, расспрашивали, интересовались, в чем нуждаюсь. А я и выпалил: «В форме хорошей. В настоящих шлюпках. В сигнальных флагах. И матере». Меня направили в разные инстанции. Я бегал, как заводной. Дошел до самого адмирала, главного интенданта, выложил ему все мои просьбы. А через месяц мы получили из Москвы сигнальные флаги, новые комплекты формы, настоящие шлюпки и обещание прислать матер. Подумайте — свой матер! В тот же год мы с ребятами ездили на Северный флот по приглашению адмирала.

Сорок ребят из центрального Казахстана вдруг оказались на Северном флоте, на грозном боевом корабле, окруженные вниманием и заботой моряков. Их поселили на эсминце, в матросских кубриках, приставили к боевым местам под надзор моряков. Они жили неделю жизнью современного судна, стояли у орудий, наблюдали работу локомотивов, навигационных приборов. Участвовали в тревогах и учениях. Все слышанное и читанное обрело вдруг реальный смысл, и это было венцом всей деятельности Закирова.

— Тогда счастливее меня не было на свете. Мы были в музее Северного флота, путешествовали по местам боевой славы. И тогда же решили просить командование флота присвоить нашему клубу имя Героя Советского Союза Магомета Гаджиева. Он плавал в войну на подлодке и принял надводный бой с тремя вражескими кораблями. Случай невероятный в истории морских сражений. Одна русская пушка против шести немецких. Два корабля были потоплены, а один бросился наутек. В конце войны лодка Гаджиева не вернулась на базу.

Командование удовлетворило нашу просьбу. Теперь мы носим имя Гаджиева, переписываемся с его семьей.

С тех пор мы еще два раза были в море. Нам прислали матер. Мы знакомимся на занятиях с устройством двигателя, электромоторов. У нас свое помещение, классы. Нас знают и ценят в городе. Теперь, как говорится, дело идет как по маслу. Если даже я уйду, оно не заглохнет, будет жить без меня. Многие ребята стали профессиональными моряками. Иные, отслужив на флоте, возвращаются на сушу. Но я знаю, если моряк из него и не получится, то человек хороший — обязательно. Сейчас цель моей работы уже совершенно ясна для меня. Это раньше она еще была не так очевидна. Клуб наш — это жизненная школа для подростков, он приобщает их к делу, прививает мужское, романтическое начало. Он же служит моральной подготовкой для службы в армии и для жизни вообще.

Я слушаю его и думаю. Что это? Счастливая случайность? Удача? Усилиями одного обыкновенного человека родилось такое дело, увлекло за собой множество других людей, влияет на их судьбы. У Закирова появились в городе последователи, подражатели.

Мне кажется, успех Закирова в счастливом совпадении общественного и личного интереса, причем личностность в этом случае действует только из нравственных побуждений, из желания служить обществу, из потребности творческого самовыражения.

Закиров сказал мне:

— Ко мне в клуб идут все больше трудные дети. Я задумывался, почему? Про кого говорят: он, дескать, хулиган. А какой он хулиган? Просто шалун. Но займите его интересным делом — и становится он самым трудолюбивым и понятливым учеником. Часто они к тому же люди романтического склада и у них вполне оправданная потребность действовать, двигаться. Вот тут его легко свихнуть и на дурное, вредное, и повернуть на доброе, хорошее. Нужно остро, неусыпно за ним наблюдать. Где, в чем его наклонность? В школе он на виду, в школе его легче заметить. А заметил, приложи любовь, старание, не беги сразу после уроков домой и его не отпусти. Я, конечно, поддерживаю контакт со школой. У своих «морячков» табели проверяю. Но я считаю: главная моя задача не в этом. Мы заняты с детьми осмысленной практикой. Мы учимся и тут же в жизни проверяем самих себя.

Он рассказал мне, как часто ему приходится принимать у себя общественность, отвечать на вопросы. В Мурманске в одной из школ его спросили: «А чем бы вы нам посоветовали заняться детей?»

— Это они меня спрашивают! Да у них там в порту ржавеют сотни списанных шхун. Одну бы взяли, отремонтировали своими силами и с детьми в море, за рыбой. Это такое дело! А они не знают, за что взяться. И вместо этого у них в городе заочный клуб моряков для детей. У моря — заочный!

Или алма-атинцы спрашивают: «А что бы вы у нас, в Алма-Ате, предложили?» А я сразу первое, что пришло в голову: «Взял бы да с детьми на велосипедах по Казахстану поехал. Сухо, дороги хорошие. Это целый месяц приключений, знакомств с природой. Да тысячи, тысячи способов! Руки приложи!»

И он смеется, волнуется. Он человек, которому дано огромное счастье выдумывать и творить, свободно действовать в этом мире.

Е. ВЕРШИННА

Е. Вершинна — общественный директор Псковского народного театра юного зрителя „Юность“. Ее доклад о становлении театра, о его десятилетнем пути — от небольших инсценировок до профессионально поставленных спектаклей — был с большим интересом встречен участниками Всесоюзных „Педагогических чтений“.

Мы предлагаем этот доклад — с небольшими сокращениями — вниманию наших читателей.

ТЕАТР

„ЮНОСТЬ“

В нашем театре нет ни одного профессионала. Между труппой и зрителем нет различия в возрасте: те и другие — дети и подростки. Тем не менее театр действует постоянно, он дал более 450 спектаклей и концертов, обслужив многотысячную аудиторию: в клубах, пионерских лагерях, школах, воинских частях, в Москве, Ленинграде, городах Латвии и Эстонии. В репертуаре нашего театра 45 пьес, начиная со сказки Маршана «Кошкин дом» и кончая пьесой Ф. Бондаренко «Как закалялась сталь» по роману Н. Островского.

Началось все с небольших инсценировок в семье, в красном уголке домоуправления № 3. К ним стали привлекать ребят, живущих поблизости. Им нечем было заняться, и они бесцельно слонялись по дворам, нередко дело доходило до серьезных правонарушений и призовов в милицию.

Возникла мысль во что бы то ни стало занять их делом, отвлекающим от «улицы», прививающим культурные навыки, создающим здоровый детский коллектив.

Ребята, вначале дичившиеся, принимавшие все в штыки и с издевкой встречавшие первые шаги самодеятельного театра, начинали постепенно проявлять к нему все больший интерес. Индивидуальный подход, доверие, си-

стема круглогодичной работы с ними сделали свое дело. В коллективе повышалась дисциплина и активность детей, появлялся неподдельный интерес ко всему новому.

Характерен пример с Валентином, одним из самых озорных мальчишек, атакующим трудных. Однажды он пришел на спектакль с целью сорвать его: свистел, громко разговаривал, дразнил и высмеивал кружковцев. Пришлось сделать вынужденный антракт. Валентина позвали за кулисы. После некоторого колебания он поднялся на сцену. К нему обратились с просьбой помочь открывать занавес, создавать шумовые эффекты.

После окончания спектакля Валентину было предложено стать руководителем вновь организованного фотокружка, ему был доверен фотоаппарат. Как-то впоследствии в откровенной беседе он сам признался, что велико было искушение не возвращать фотоаппарат, но чувство, что ему доверили, пересилило все. Чуть ли не впервые в жизни Валентину было оказано доверие со стороны взрослых. И это решило исход дела.

Больше всего Валентин удивил нас, когда однажды привел в кружок 15 своих товарищей, имевших весьма плачевный вид. Перед нами стояли неряшливо одетые, с изодранными руками мальчишки.

— Видите какие? — сказал Валя. — Придется подзаянаться с ними. Но мы их примем, да?

И мы их приняли. Они стали заниматься сначала в стеллярном, потом в драматическом кружке. Кружковцы радовались за Валентина, когда он получил свою первую роль в пьесе В. Любимовой «Снежок». На него и на его товарищей перестали поступать сигналы из милиции, а сам Валентин в последующем успешно окончил ремесленное училище и поступил работать на завод. Связи с ТЮЗом он не потерял, как не потеряли ее и многие из его товарищей, которые уже кончили школу, учатся в институтах, работают, служат в армии. Одни пишут письма, другие, приезжая в Псков, приходят в театр: ведь многие из них проработали в нем 5—6 лет.

Нередко можно слышать такие рассуждения:

— Как вы умудряетесь справляться с этой публикой? Ведь они шумят, недисциплинированы, несносны в общении!

Слов нет, острых углов в этой работе больше чем достаточно. Тот, кто полагает, что после двух-трех репетиций дети должны стать шелковыми, не способен к подобной деятельности. Здесь требуется систематическая, нередко изо дня в день повторяющаяся кропотливая индивидуальная работа. В ней не должно быть сентиментальности, сюсюканья. Она исключает окрик и оскорбительные эпитеты. Словом, требуется тот педагогический такт, который приобретает долгим и трудным опытом.

Можно было бы пойти по линии наименьшего сопротивления, образовать коллектив из заведомо смиренных, воспитанных, тихих ребят. Но общественность домоуправления не пошла по этому пути; основной курс был взят на трудных детей и подростков. Было важно найти индивидуальный подход к каждому из них, смириться на время с непослушанием, грубостью, срывами.

Потребовалось много терпения и выдержки, прежде чем из озорных подростков, слонявшихся без дела по дворам, подвалам и чердакам, удалось сколотить некое подобие коллектива.

Не стоит скрывать, у многих из нас, активистов, порой опускались руки, казалось, что нет надежды на лучшее. Требовалось большое усилие воли, чтобы перебороть это настроение и снова приниматься за то же самое дело, которое выполняли вчера и неделю назад, начинать все сызнова.

То, что воспитательная работа с детьми и трудными подростками была начата именно с драмкружка, мотивировалось рядом соображений. Игра на сцене пред-

ставлялась подросткам занятием привлекательным; никто из них раньше не пробовал себя в этом виде искусства. Пьесы, ставившиеся нами, проводили определенные воспитательные идеи, которые должны были воздействовать как на исполнителей, так, разумеется, и на аудиторию. Мы считали, что, требуя от исполнителей правильного произношения, понемногу улучшим культуру речи, которая у большинства была очень невысока. Ко всему этому частые, первое время ежедневные, репетиции, заучивание ролей и сами спектакли занимали почти все свободное время, вытесняя постепенно праздное времяпрепровождение.

Не малую, а может быть решающую, роль играет и сам коллектив, воспитание в нем. От индивидуальной работы к воспитанию в коллективе — так можно было бы вкратце представить наш путь от маленького кружка к театру, насчитывающему сегодня около 100 участников. Пусть не все в коллективе были настроены в духе товарищества, но совместная работа, интерес, который она представляла, постепенно нарастающее чувство ответственности («не провалить бы спектакль!») спланивали понемногу совсем разных — и по характеру, и по привычкам, и по культурному уровню — ребят в единое целое. Когда одни играли на сцене, другие кружковцы смотрели и оценивали их выступление, сидя в зрительном зале. Возникла товарищеская критика, немало помогавшая общему делу.

В процессе становления детского коллектива складывался и коллектив воспитателей. Сюда вошли активисты домоуправления, педагоги школ нашего микрорайона, наконец родители детей, участвующих в кружке. Большую помощь нам оказывала партийная организация домоуправления, его местный комитет профсоюза.

Первый спектакль кружковцев на маленькой сцене красного уголка домоуправления был без преувеличения большим событием. Готовили его все, кто только мог. Немудреные декорации нам помогли сделать участники кружка — учащиеся 12-й средней школы, костюмы и реквизит изготовляли общими силами.

Начав со скромной, почти домашней постановки сказки Маршана, мы постепенно усложняли и разнообразили работу с детьми. Наряду с драматическим возникли другие кружки: хоровой, хореографический, столлярного дела, фотографический, оркестр народных инструментов и другие. Были организованы спортивные занятия в секциях. Руководителями этих кружков были добровольцы-активисты, охотно отдававшие свой досуг работе с детьми.

Со вступающих в кружки мы брали обязательство учиться хорошо и быть дисциплинированными. Некоторым детям трудно было в силу тех или иных причин учиться; к ним прикрепляли студентов старших курсов пединститута, активистов домоуправления, проводили дополнительные занятия. При домоуправлении действовал детский совет, выпускалась стенная газета «Ранета», ставшая позже коллективным корреспондентом «Пионерской правды».

Разнообразился репертуар драматического кружка. После «Кошкиного дома» поставили «Два клена» Шварца, «В грозу» Владимировой, «Золотой огонек» Богомазова и Колосовой, и каждую из этих пьес сохраняли как можно дольше, ставили не менее 20 раз в домоуправлении, школах, клубах, выступали с концертами в Летнем саду, в пионерских лагерях, Детском парке.

За первые три года более восьми тысяч ребят побывали на спектаклях детского театра. На четвертом году существования нашего коллектива на областном смотре художественной самодеятельности кружок занял первое место и по решению горисполкома и облпрофсовета получил название театра юного зрителя «Юность».

Постепенно при помощи домоуправления и профсоюзных организаций росла материальная база театра, он приобрел костюмы и реквизит. Настало время выступления на большей сцене. Пьесу В. Любимовой «Снежок», хорошо принятую зрителем, поставили на сцене областного Драматического театра имени А. С. Пушкина. В ней участвовало 32 человека, и при помощи коллектива театра, взявшего шефство над юными товарищами по сцене, она была поставлена по всем правилам сценического искусства.

Коллектив театра рос, в нем уже насчитывалось 66 антеров разных возрастов из всех школ города. Стали под силу такие пьесы, как «Снежная королева» Шварца, «Друг мой, Колька!» Хмелика, «Два друга» Носова, «Звездный мальчик» О. Уайльда.

Летом ребят надо было объединить в более крупные организации и занять, в дополнение к театральной деятельности, еще чем-нибудь.

Решено было организовать свой дворцовый пионерский лагерь. Управляли им сами ученики. В первый год этот лагерь, помимо тюзовцев, сумел занять еще более 50 детей.

Ранним утром во дворе горнисты трубили сбор. Все остальное шло, как положено в настоящем загородном пионерском лагере: проводилась линейка, а затем весь день дети были заняты или в походе в ближайшие окрестности, или в спортивных дворцовых соревнованиях, ходили в кино, выезжали со спектаклями и концертами в загородные лагеря, выступали в домоуправлениях города. Питались и ночевали дома.

Лагерь существовал все лето и позволил охватить воспитательной работой тех детей, которые не находились в стационарных лагерях.

На следующий год организовали загородный палаточный лагерь в живописном месте, в лесу около поселка Торошино. Лагерь существовал на общественных началах, обслуживался детьми, родителями и учителями. Жили в палатках, обедали на свежем воздухе, трудились на полях совхоза, участвовали в спортивных соревнованиях, давали спектакли в клубе поселка, в де-

реане Звинковичи и в самом лагере. Ходили на экскурсии, купались, загорали, а вечерами, когда не было спектаклей, собирались на поляне, жгли костер, пели песни, рассказывали интересные истории.

Все это сплачивало и укрепляло коллектив. Лагерь просуществовал с 5 июня до 17 августа. В нем собралось более 150 ребят.

Первое время с таким количеством детей было трудновато, но крепкое ядро тюзовцев сумело преодолеть все трудности. Находчивость, инициатива детей были большим подспорьем нам, общественникам и активистам. Там, где не могли решить вопроса взрослые, на помощь приходили дети, и такое содружество позволило делать большие дела воспитательного характера.

Когда на следующий год мы снова организовали такой же лагерь, число его обитателей возросло до 100 человек в смену, почти вдвое больше, чем за весь предыдущий сезон.

Рос и укреплялся коллектив. Ребята очень добросовестно относились к своим обязанностям, подтянулись сами, подтягивали нерадивых. Этот порядок в ТЮЗе сохранился до сегодняшнего дня.

Каждую осень с началом «театрального сезона» проводится общее собрание тюзовцев, выбирается совет театра, который весной отчитывается о своей работе. Избираются службы ТЮЗа.

Мы старались и стараемся во всем развивать самостоятельность ребят, поддерживать их инициативу. Бывали случаи, когда во время болезни режиссера сами кружковцы проводили репетиции. Вообще одним из принципов всей нашей работы является доверие к детям. Опыт показал, что там, где им не доверяют, не принужденная товарищеская ответственность сменяется натянутостью, возникает настроение обиды и отчужденности, сводящее на нет всякое благое начинание.

Главной задачей детского самостоятельного театра было и остается воспитание средствами искусства возможно большего числа детей и подростков, которые в противном случае снова могли бы подпасть под влияние улицы.

Мы стараемся занять в спектаклях весь коллектив. Обычно репетируем сразу две пьесы: одну для ребят младшего возраста, другую для школьников старших классов, на многие роли готовим дублеров. Поэтому у нас нет «безработных».

Игра на сцене приохочивает ребят к театру вообще: тюзовцы — частые посетители спектаклей местного драматического и гастролирующих театров. Столь же часто они посещают концерты, бывают на встречах с артистами театра и кино, словом, в массе своей проявляют неподдельный интерес к искусству.

Постепенно у подростков воспитывается эстетическое чувство, что сказывается не только в их суждениях об искусстве, но и во многом другом: улучшаются речь, внешний вид. Уже не встретишь на репетициях неумных, вихрастых ребят — они под воздействием общей атмосферы театра подтягиваются, становятся требовательными к себе, более ровными в поведении. Через искусство прививаются и гражданские чувства, исчезают дурные манеры, воспитываются сознание долга, товарищество, трудолюбие. Многие вещи, необходимые для сцены, тюзовцы делают сами; почти все они умеют самостоятельно гримироваться. Воспитанию их вкуса способствует помощь художнику в изготовлении декораций.

За годы существования ТЮЗа через него прошли сотни детей. Из 87 ребят нынешнего состава только 16 — из семей инженеров, преподавателей, военнослужащих. У остальных родители — строительные рабочие, почтальоны, кондукторы, рабочие столовой и т. д.

Так называемыми трудными дети бывают только вначале. Вливаясь в коллектив тюзовцев, они становятся дисциплинированными, культурными, подтягиваются в учении, приобретают необходимые нравственные качества, привычки. За все время существования ТЮЗа не было ни одного рецидива скверного прошлого. С большим трудом, не сразу, но все шло вперед, становились трудолюбивыми, сознательными людьми.

Многосторонняя деятельность ТЮЗа не могла бы направляться только силами трех постоянных работников — общественного директора, режиссера и художника. Первым и верным их помощником является сам коллектив ТЮЗа — ребята, пришедшие чему-то научиться и полезно провести время. Большую помощь нашему коллективу оказывала и оказывает родительская общественность.

Псковский народный театр юного зрителя стремится вовлечь в свои ряды еще большее число детей и подростков, порадовать юных зрителей новыми полноценными спектаклями.

Трибуна общественника

МЕНЮ САМОЕ РАЗНООБРАЗНОЕ

В Засульской средней школе 472 ученика. И все до единого получают в школе бесплатное питание. А те, кто остается в группах продленного дня, — двухразовое. И тоже бесплатное.

Откуда школа берет продукты? С пришкольного участка. На трех гектарах ученики выращивают картофель, помидоры, огурцы, фасоль, укроп. Есть и своя небольшая животноводческая ферма. Так что покупать приходится только хлеб и изредка молоко.

Для столовой отведен большой зал. Дежурные все подготавливают к перемене, и обед проходит без задержки. Меню самое разнообразное, обед состоит из трех блюд. На третье обычно яблоки — тоже из пришкольного сада.

Бесплатное питание учеников введено в школе пять лет назад по инициативе директора Л. Устабашидзе.

Для тех, кто захочет перенять опыт этого доброго дела, сообщаем адрес: Белоруссия, Минская область, Столбнявский район, Засульская средняя школа.

г. Минск

ФАКУЛЬТЕТ

«СЕМЬЯ И ШКОЛА»

Один из факультетов народного университета, организованного при бакинском кинотеатре «Вэзэн», называется «Семья и школа». Родители получают здесь знания о психологии школьника, о семейном воспитании, о гигиене детей и подростков. Работает факультет по двухгодичной программе, составленной Министерством просвещения Азербайджанской ССР.

Преподают на факультете заслу-

Е. САДОВСКИЙ

Шефы и школа

По материалам местных газет

Всеобщее среднее образование — такая задача стоит перед народным просвещением. Это дело не далекого будущего, а нескольких ближайших лет.

Одно из неперемennых условий, без которого очень трудно, а то и невозможно выполнить эту грандиозную задачу, — неустанная забота о школе со стороны партийных, комсомольских, профсоюзных организаций заводов, фабрик, строительных предприятий. Шефство производственных коллективов над школой всегда давало хорошие результаты — конечно, когда это шефство не формальное, а творческое, действенное, имеющее в своей основе живую заинтересованность рабочих, служащих, инженеров, техников в правильном воспитании подрастающего поколения.

Примеров немало.

Одна из форм шефской работы — организация в школах различных кружков и спортивных секций. Причем некоторые заводские коллективы уже не довольствуются стандартным набором — фото, авиамодельный, танцевальный и т. д., — а придумывают что-то свое, новое. Например, Калининградский ремонтно-механический завод организовал в школе № 8 кружок «Юный конструктор». Занятия ведутся в техническом отделе завода. Ребята на первые же дни показали цехи, станки, механизмы, рассказали о всеоюзном и мировом значении продукции завода — подъемных кранах. Затем ребята сами изготовили чертежи и приступили к постройке действующей модели крана.

Многие делают шефствующие предприятия для организации летнего отдыха детей. Экскурсии, поездки в другие города, различные кружки. Работники Боринского сахарного завода (Липецкая область) прошлым летом организовали отряд из школьников, дали ему название «Чайка». Ребята ходили в походы, давали концерты самодеятельности в соседних селах, устраивали спортивные соревнования.

Но шефов обычно интересует не только воспитание ребят. Они следят и за тем, как дети учатся, а если нужно, занимаются с отстающими. Рижский завод «Автоэлектрприбор» осуществляет шефскую работу по принципу: «завод — школа, цех — класс, бригада —

звено». Такое распределение повышает ответственность заводского коллектива в целом и каждой бригады в отдельности за успехи своих подопечных.

Но особенно ощутимые результаты дает, конечно, индивидуальный шефство. Машинист электровоза Ф. Шишалов из города Кургана рассказывает о своей работе с бывшим «чемпионом двоечников», шестиклассником Витей. У Вити были двойки по всем предметам, кроме физкультуры и труда. Шишалов даже растерялся, когда ему поручили заниматься с Витей. Но ежедневные — именно ежедневные — занятия с Витей дали неплохие результаты. Уже через три месяца у него осталось только две двойки. А к концу года и их не стало. Труд, конечно, колоссальный, но разве не велика награда — сознать, что спас мальчишку от второгодничества.

Нельзя сказать, что в шефской работе — даже там, где она ведется по-настоящему, — все благополучно. Иногда дело доходит до откровенных перегибов. Например, на одном предприятии заведено: учиться подросток плохо — его отцу принудительно дается двухнедельный отпуск без сохранения зарплаты. Иди, мол, займись сыном. Распоряжение по цеху вывешивается для всеобщего обозрения. Но ведь чаще всего трудности в воспитании происходят не оттого, что отец не хочет воспитывать или не находит времени для этого, а просто потому, что не умеет. И тут, конечно, отпуск не поможет. Будет отец сидеть дома с сыном и не знать, что делать.

Часто шефы ограничиваются лишь материальной помощью, считая, что в этом и заключаются их шефские обязанности. Отремонтировали парты, подарили токарный станок, выделили деньги на поездку — и все. Ребята ждут не этого, хотя это тоже необходимо. Ребята нужны друзья, взрослые друзья, которые могут и научить чему-нибудь, и рассказать интересное, и познакомиться с ними, если надо.

Бывает, и школа становится не совсем достойным партнером в отношениях с шефами. Радующие шефов, их желание сделать для школы все возможное притупляет иногда ответственность педагогов, порождает индифферентность. Учителя и ученики в каждой мелочи ждут помощи от шефов — придут, мол, и сделают. Характерный пример: завод построил для школы хоккейный стадион. Через некоторое время рабочие видят: школьники гоняют шайбу прямо на улице. «Почему не на стадионе?» — «Да замело его снегом». — «Так расчистите!» — «Придут шефы, расчистят».

Иногда педагоги забывают, что шефство в основе своей — дело все-таки добросовестное, и начинают предъявлять и заводу или фабрике категорические требования вплоть до официальных писем, занавчивающихся так: «О принятых мерах сообщить».

Нет, при самой крепкой дружбе завода со школой основные обязанности распределяются так: школа учит и воспитывает, а завод выполняет производственный план.

Но это, так сказать, издержки производства. В общем шефская работа ширится, дружба производственных предприятий со школами крепнет. Да иначе и не может быть: воспитание подрастающего поколения — дело все-таки народное.

женные педагоги, профессора, мастера искусств. Методы преподавания самые разные — лекции, беседы, семинары, тематические вечера, диспуты, научно-популярные и художественные фильмы и даже демонстрация моделей одежды для школьников.

Всей этой большой работой руководит общественный ректорат, в который входят директора, завучи и учителя школ, представители партийных и комсомольских организаций, антеры Театра юного зрителя, директор кинотеатра «Вэтан» и его заместитель. Ректор университета — заслуженная учительница школы

республики директор 46-й бакинской школы В. Вакулова.

З. СЕМЕНОВА,
проректор народного университета
г. Баку

ДЕТСКАЯ ИГРОТЕКА

В Одессе, на улице Карла Маркса, открылась детская игротена. Это подарок маленьким одесситам от обкома профсоюза рабочих пищевой промышленности и областного совета профессиональных союзов.

Шахматы, шашки, настольный волейбол, баскетбол, детский бильярд,

игрушечный зоопарк, краски, цветные карандаши и бумага — вот далеко не полный перечень того, что здесь есть.

Над детской игротеной шефствуют мясокомбинат, колбасная и кондитерская фабрики, завод пищевых концентратов.

Каждый день в игротене дежурят пионеры. Они организуют массовые игры, судят шахматные турниры, ремонтируют игрушки.

За день здесь бывает около 250 ребят. Довольны ли они, спрашивать не приходится: это написано на их лицах.

г. Одесса

П. КАРАСЬ

А КОЛЯ ЖДАЛ...

Лето. Поезда, автобусы, теплоходы увозят ребят в пионерские лагеря. А мне вспоминается прошлое лето и мальчик Коля из моего отряда.

Коля Малышев был самым обыкновенным мальчишкой. Ничего примечательного, кроме глаз — они у него особенные: один — иссиня-серый, другой — зеленый. В остальном он ничем не отличался от своих сверстников; так же не хотел спать в тихий час, так же терпеть не мог ходить в строю. Вечно какая-то неведомая сила заносила его в сторону, вызывая возмущение в наших уже недетских сердцах.

Мы — это я и еще одна вожатая, Саша. Мы знали, что отца у Коли нет, а мать уже несколько месяцев лежит в больнице, что в лагере он живет третью смену. В начале первой смены к мальчику приехал дядя. В следующее воскресенье Коля снова ждал его. Но дядя не приехал. Не приехал он и в последующие воскресенья. Коля утешал себя надеждой, что вместо дяди к нему придет дедуся. Но и дедуся не приехал. Мальчик каждое воскресенье вертелся вблизи корпуса, чтобы быть неподалеку на случай, если к нему придут. Когда при нем кто-нибудь из ребят встречался с родителями, Коля отворачивался, чтобы никто не видел слез обиды, которые закипали в глазах. К другим ребятам приезжали почти каждое воскресенье и гостинцы присылали... А к нему... эх! Но он никогда не произносил это горькое «эх!».

Как-то в воскресенье, когда счастливики уходили со своими родителями, я спросила у Коли:

— Ты ждешь кого-нибудь?

Он ответил:

— Мне дедуся посылочку должен прислать.

Во время тихого часа я сходила в магазин. Мы с Сашей уложили пакет с гостинцами, подписали: «Малышеву Коле, 14 отряд». Зазвучал горн, Коля проснулся и вдруг увидел на тумбочке посылку. Радости его не было границ. Глядя на

нас блестящими глазами, прижимая к груди пакет, он восторженно выкрикнул:

— Наконец-то... дождался, мне дедуся посылочку прислал!

Ребята сочувствовали Коле и радовались за него. Он шел в столовую со счастливым, сияющим лицом, показывая всем засунутый под рубашку пакет.

— Меня всегда помнили. Просто они не могли раньше... — объяснял он товарищам.

За чаем Коля раздавал «дедушкины гостинцы» щедрой рукой че-

ловека, страстно желающего, чтобы все радовались вместе с ним. Долгожданное теплое успокоение окутывало его душу. Он сразу все простил родным, заставившим его так долго мучиться. А радость захлестывала его, поднимала на своей могучей волне.

Возвращаясь из столовой следом за стойкой мальчишек, мы с Сашей слышали звонкий голос Коли:

— А дедусины вафли вкуснее, чем нам дают, правда?!

Тамара КОЗАЧЕНКО
г. Егорьевск Московской области

От редакции.

Одних детей в лагере навещают родители, привозят им гостинцы (таких большинство). К другим (их мало) никто не приезжает, не шлет посылки. Эти дети страдают. Не оттого, что лакомятся меньше других, а от чувства одиночества и обиды. Как сделать, чтобы в родительские дни, в солнечные летние воскресенья, никто из ребят не томился напрасным ожиданием, не плакал в уединенном уголке? Нужны ли вообще гостинцы и родительские дни? Просим читателей высказать свое мнение.

„Брось, это — бяка!“

Земля оделась свежей зеленью. На городских газонах радуют глаз золотые россыпи одуванчиков. Но приглядитесь — и увидите, что в траве тут, то там уже протоптаны тропинки, а в иных местах — целые площадки. Время от времени их перекапывают, вновь засевают травой, ставят таблички с надписями «По газонам не ходить». Но ничего не помогает. Кто-то уже шагает рядом с перекопанными тропинками, протапывая новые. И не жаль этому человеку уничтоженной красоты, не стыдно перед окружающими. Ему важно одно — «срезать» угол, чтобы быстрее выйти к желаемому месту.

Хорошо было бы, чтобы нарядный, кто любит свой город, останавливал таких слишком нетерпеливых прохожих. Тогда серые проплешины не безобразили бы наши парки и скверы.

А как часто наблюдаешь по вечерам такую «мирную» картину: соберутся соседи на скамеечке у подъезда — воздухом подышать, поговорить, посмеяться. Очень хорошо. Худо только, что приятная беседа сопровождается лузганьем семечек и поминутными плевками. Разойдутся по домам добрые соседи, а перед подъездом остается замусоренная подсолнечной шелухой площадка.

Таких любителей семечек можно встретить на улицах, в автобусах, троллейбусах, электропоездах. А загляните в кинозал после сеанса — сколько шелухи, мусора остается от таких «любителей киноискусства».

Откуда такое пренебрежение к красоте, к чистоте в общественных местах?

Ответ нужно искать, по-моему, в недостатках воспитания. В детском саду и в начальной школе ребенку стараются привить культурные навыки — чистоплотность, аккуратность, вежливость. Но в старших классах о привитии ребятам навыков культурного поведения почему-то забывают. А уж о взрослых и говорить нечего: на работе, в общественных местах считают неудобным делать замечания взрослым за некультурное, незтичное поведение. А ведь взрослые, у которых нет элементарных представлений о культуре поведения, и детей воспитывают по своему подобию, иногда сводя на нет все усилия воспитателей.

Как-то мне пришлось наблюдать: молодая мать идет по улице с мальчиком лет трех. Малыш уронил яблоко. Поднял, хотел было подойти к урне, но мать его удержала, взяла из рук перепачканный огрызок, кинула на тротуар: «Брось, это — бяка!» И тщательно вытерла платком детскую ладошку.

По-моему, нельзя проходить мимо таких случаев. Мы должны воспитывать и себя и друг друга. Только замечания нужно делать тактично, доброжелательно, культурно.

Москва

С. ПОПОВ

ДУРНОЙ ПРИМЕР

Я хочу рассказать об одном случае: как-то в воскресенье мы поехали всей семьей за город. Во время прогулки наш малыш упал и сильно разрезал ногу. Ни больницы, ни медпункта поблизости не оказалось, и мы не знали, куда обратиться за помощью. Кто-то посоветовал пойти в пионерский лагерь, расположенный неподалеку в школе-интернате. Там есть медпункт.

Большой особняк в глубине двора, окруженного металлической сеткой, казался безлюдным. Но едва мы открыли калитку и зашли во двор, как путь нам преградила девочка лет десяти.

— Сюды невозможно заходить, — сказала она.

Я стал объяснять ей, что нам срочно надо в медпункт. Но девочка была непреклонна. Ее не трогали ни наш взволнованный вид, ни обильно струившаяся из раны ребенка кровь.

— Медпункта тут немає, сюды заходить невозможно, — твердила она.

Меня поразило бессердечие этой девочки с красным галстуком. Но раздумывать и уговаривать не было времени. Я отстранил ее и вошел в здание. И тут наш путь преградила воспитательница. Не дав сказать ни слова, она подняла крик, не особенно выбирая выражения, хотя вокруг были дети.

— Кто пустил?! Ничего не хочу знать!..

Я начал было объяснять в чем дело, но понял, что это бесполезно.

Теперь стало понятным поведение девочки, ее недетское равнодушие к чужой беде. А ведь она наверняка читала о Тимуре и его команде, знает и любит героев Маршак и Чуковского. Но, к сожалению, книжного влияния оказывается мало, если пример этих героев ничем не подкреплен, если у тебя перед глазами образец черствости, бессердечия, грубости.

Я все-таки прорвался сквозь заслон (жену воспитательницы так и не пустила) и нашел медпункт. Врач встретила нас очень вежливо, промыла рану, сделала перевязку, и через несколько минут мы ушли.

Однако случай этот продолжает волновать меня. Плохой специалист вреден в любой отрасли хозяйства. Но сломанную машину отремонтировать все же намного легче, чем вылечить искалеченную душу ребенка.

Вы скажете, что рассказанный мною случай нетипичен, что в большинстве своем воспитатели у нас умные, образованные, страстно любящие детей и свою благородную профессию. Но и те немногие, которые составляют исключения, наносят обществу огромный вред. И обходить молчанием это нельзя.

Евг. БУЛАВИН,
инженер

г. Львов

МАРИНА,

МАРИНА,

МАРИНА...

байн, Полус. Сегодня другая беда — эпидемия на определенные имена.

И вот нередко складывается ситуация, знакомая по итальянской песенке «Марина». Сочувствие вызывает судьба героя, попавшего в окружение Марин — тещи, жены, сестры, дочери.

Но это, как говорится, цветочки. Зайдем в любой детсад города и поглядим, что делается там.

— Саша, — зовет воспитательница, и на ее зов откликаются 6 вихрастых карапузов (а в группе их всего 18).

Поневоле будешь приспосабливаться. И теперь некоторые воспитатели зовут ребят не иначе как по фамилии. Другие воспитатели различают Саш по номерам: Саша первый, Саша второй и т. д.

Я поинтересовался в Горно-Алтайском бюро загса: каким именам отдается предпочтение? Получилась забавная статистика. На 100 мальчиков приходится 22 Сергея, 13 Андрея, 11 Евгения, 10 Владимиров, 10 Юриев, 9 Олегов. Девочки не отстают: у них на 100 — 18 Татьяна, 16 Ларис, 14 Елен, 12 Наталий и т. д.

В то же время за последние три месяца ни одного Ивана, Василия, Павла, Тамары, Юлии, Анны. Несправедливо забыты такие красивые

имена, как Всеволод, Георгий, Константин, Екатерина, Зинаида, Софья и другие.

Все это, может, было бы забавно, если б не создавало реальных неудобств. Представьте, что вы работаете в коллективе, где все мужчины — Евгении, а женщин зовут не иначе как Галя-маленькая, Галя-секретарша, Галя-рыжая, Галя-курящая и т. д. Бывает и хуже. В селах Каспа и Апшухта (Шебалинский район) очень много Тодошевых. При этом среди них немало тезок не только по имени, но одновременно и по отчеству. Конечно, сельчане знают их, и по всяким дополнительным прозвищам легко определяют, о ком идет речь. Но вот на почту пришло письмо, перевод или телеграмма. Кому доставить? Не будем говорить и о таких «мелочах», как путаница в финансовых ведомостях колхоза или совхоза.

Подобное неудобство испытывают и некоторые школы тех сел, где много однофамильцев. В классе одновременно учатся три-четыре ученика с одинаковыми фамилиями, именами и отчествами.

Конечно, выбор имени для ребенка — неоспоримое родительское право. Но и его нужно использовать с умом.

Л. БОБРОВНИКОВ

г. Горно-Алтайск

В семье родился новый человек, событие радостное, но в то же время хлопотное для родителей. И одна из первых забот — какое имя дать наследнику?

Выбор имен лишь на первый взгляд дело простое. Правда, прошло время смелых экспериментов, когда ребятам давали такие, например, имена, как Энергина, Электрон, Ком-

РОЖДАЕТСЯ ПРИВЫЧКА К ТРУДУ

Мы с самого раннего детства даем сыну посильные поручения: полить цветы, убрать свою и бабушкину комнату, вымыть посуду, купить хлеба, постирать носовой платок или прочую мелочь.

Вначале сын частенько забывал о своих обязанностях. Мы воздействовали на него по-разному: напоминали, стыдили, приводили в пример товарищей. Как-то забыл Коля купить хлеба. Конечно, можно было занять у соседей, но мы решили этого не делать. Пришлось ужинать без хлеба. Сын очень переживал этот случай, он потом признался бабушке: «Папа и мама весь день работали, а я оставил их голодными». В дальнейшем такие случаи не повторялись.

Впрочем, не обходилось и без осложнений. Однажды сын заявил, что больше он посуду мыть не будет и помогать готовить обед тоже. «Вот как! — сказала мать. — По какой же причине ты отказываешься от такого важного дела?» — «Дело? — пренебрежительно ухмыльнулся Коля. — Это бабская работа...» Так и сказал: «бабская». А сам искоса посмотрел на мать: какое впечатление произвели его слова?

Было ясно, что сыну кто-то внушил чувство ложного стыда по отношению к так называемой «женской» работе.

Пришлось мне, как отцу, вмешаться. Я повел мальчика в городскую столовую, где мы познакомились с молодым поваром. Он рассказал мальчику, что пятый год занимается кулинарией и это дело ему нравится. По дороге домой я объяснил сыну, что путешественники, полярники, моряки, туристы сами готовят себе обед. И в армии поварами работают солдаты. Коля слушал внимательно, поддакивал, а потом выпалил: «Это всё Саша мне наговорил. Обозвал меня кухаркой, сказал, что я делаю бабскую работу». — «Твой товарищ просто еще не понимает, что настоящий мужчина должен все уметь делать. Сможешь ли ты ему это объяснить?» — «Смогу, папа», — уверенно ответил сын, и с тех пор Коля не отказывал матери ни в какой помощи.

Но мы учим сына не только на домашних делах. Чтобы расширить круг его умений, оборудовали в комнате рабочий уголок. По совету преподавателя труда изготовили простейший

верстак. Приобрели мы и небольшой набор детского столярного инструмента (рубанок, пилку, молоток, нож, топорик, долото и сверло). Сравнительно быстро сын научился обращаться с инструментом. Новое занятие понравилось. Почти ежедневно он что-нибудь мастерил в своем рабочем уголке: сколачивал ящик для игрушек, сооружал «гараж» для заводного автомобиля, строил «избушку на курьих ножках». Потом все чаще стал выполнять общественные задания: счетный материал для ребят, рейки для крепления таблиц и других наглядных пособий, скворечник. В 3-м классе Коля научился пользоваться электровыжигателем и приготовил свое «пособие»: на фанере тщательно выжег несколько десятков слов, правильное написание которых школьникам надо было заучить. Новая таблица понравилась учительнице и классу.

Однажды соседи купили своему сыну городки. Коля нас попросил о том же. «А не лучше ли тебе с товарищами самим сделать город-

ки?» — спросил я. Сыну понравилось мое предложение, и он побежал звать своих друзей Сашу и Витю. Мы все вместе выписали из «Детской энциклопедии» сведения о размерах бит и городков. Ребята подобрали подходящий материал, и дело у них пошло на лад.

К концу работы Коля спросил меня шепотом: «Папа, а чьи это будут городки? Мои?» — «Как это твои? — ответил я ему так же тихо. — Делали вместе, значит, и городки ваши общие». Сыну пришлось согласиться. Дети с удовольствием играли в самодельные городки, а Коля получил еще один практический урок.

Наш квартал — один из самых благоустроенных в Бийске. И в этом небольшая заслуга жителей и их детей. Вместе с ними трудится и Коля. Летом поливает цветы, рыхлит почву вокруг стволов деревьев, присыпает землей обнажившиеся корни сосен. Так у него накапливается опыт общественно-полезной работы.

П. КОСТЕНКОВ
г. Бийск

М. Бандример (Москва). Я САМА

ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

БЕЗ ОПЛАТЫ

Если бы я организовала помощь детей в семье по методу автора статьи, то всю зарплату пришлось бы расходовать на призы для «победителей в добрых делах».

У меня пятеро детей. Муж погиб два года назад во время шторма в Белом море. Я работаю учительницей. Свободного времени очень мало. Но большую помощь в домашних делах мне оказывают дети. Старшему сыну Саше — 10 лет, Аленке — 9, Пете — 8, Андрюше — 5 и Коле — 3 года. Казалось бы, какой помощи можно ожидать от таких малышей?

См. № 2 «Семьи и школы» за этот год.

НЕ ХВАТАЕТ — ГЛАВНОГО

Часто приходится слышать, что некоторые родители не разрешают детям приглашать к себе в дом товарищей, не пускают своих детей в гости к друзьям, чтобы «не быть в долгу». И все это — ради идеального порядка в квартире, сияющей лаком мебели и навощенных полов. Поступать так — значит обкрадывать собственных детей, лишая их необходимых, обязательных для человека радостей.

Я знала семью, которая была в полном плену своей обстановки, хрустала, безделушен и ковров. В полированные понои не пускали даже собственных детей, не говоря о товарищах. Детский письменный стол стоял в коридоре. Дети играли, делали уроки при искусственном освещении, портя зрение.

Вспоминается и другой случай. В гости к знакомым, вот в такой же «вылощенный» дом, пришла мать с пятилетней девочкой. Но дружеской беседы между приятельницами так и не состоялось: хозяйка напряженно следила за ребенком, как бы та не схватилась ручонкой за полированный журнальный столик, и старалась предупредить каждое ее подозрительное движение. Наконец маленькую гостью усадили на табуреточку у порога и дали вазочку с мороженым. Увлечшись, девочка слишком наило-

Оказывается, они многое могут, а главное, хотят сделать — и не из-за подарков, просто понимают, что одной маме не справиться. У нас в семье каждый знает свои обязанности. Саша ходит за водой, колет и носит дрова, расчищает от снега крыльцо и дорожку, выносит грязную воду. Аленка убирает квартиру, и на ней лежит ответственность за малышей Андрюшу и Колю. Утром она помогает им одеться, отводит в детский сад, вечером приводит домой, следит за ними во время прогулок. Петя ходит в магазин за продуктами, готовит лучину для растопки печей. Кроме того, у нас есть график дежурств по кухне. Дежурный помогает готовить обед (чистит картошку, проверяет мясо или рыбу

для котлет, перебирает ягоды для киселя), моет посуду, прибирает кухню. Пятилетний Андрей следит за игрушками, книгами и играми, помогает старшим в дежурстве. И даже трехлетний Коля принимает посильное участие в труде — вытирает и складывает ложки в буфет и подает кусочки мяса или рыбы в мясорубку.

Весной я выделяю каждому грядку или клумбу, и все лето ребята усердно трудятся, выращивая овощи и цветы. Для полива водуносят все в бидонах и даже игрушечных ведерках. Прохожие останавливаются и улыбаются: «Семейство Перевозниковых за работой». Ребята трудятся хорошо и охотно. Их не надо принуждать; наоборот, если не разрешишь идти на огород, это воспринимается как наказание.

Прошлой весной Саша и Петя решили заготавливать дрова. Сначала я не придавала значения этой затее. Но вот пришла на берег и увидела, что они насобирали очень много дров, прибитых к берегу во время ледохода. Пилить выходили всей бригадой, а маленькому Николке поручили собирать щепки в корзину. Результат труда был заметный. Вместо тех дров, которые мы заготовили сами, я получила в школе деньги. И мы всем семейством отправились покупать новый стол. Дети гордились тем, что деньги на стол они заработали сами.

Летом и осенью в лесу было много грибов и ягод. В бригаду заготовителей вошли Саша, Аленка и Петя. Они вставали пораньше и отправлялись в лес. Не было случая, чтобы пришли пустыми. И каким же вкусным им казался обед, приготовленный из этих грибов и ягод!

В сентябре мы купили кое-что из необходимых в хозяйстве вещей. Я сказала ребятам, что, если бы не их труд, возможно, покупке пришлось бы отложить на неопределенное время.

Важно не то, сколько сделал ребенок, а то, что у него появилась

вила вазочку, и (о ужас!) одна капелька попала на ковровый половичок.

— Смотрите, смотрите, она капает на ковер! — воскликнула хозяйка почти в отчаянии.

Гостья сконфузилась и вскоре ушла. Больше она к своим знакомым в этот дом не заходила.

«Каково же их собственным детям?» — думала она дорогой.

Не имея пристанища для домашних игр, лишенные общества сверстников, дети убегают на улицу. Свежий воздух, конечно, вещь хорошая. Но что делать в дождь, в сильный мороз? К Петровым не пускают, к Сидоровым — тоже нельзя. Вот и сидят некоторые дети дома в тоскливом одиночестве. Другие находят выход: собираются в подъездах и от безделья либо новыряют гвоздем стены, либо пишут на них извечное «Лидя + Ваня = любовь», а то и еще что-нибудь похлеще.

А потом такие родители недоумевают:

— Не пойму, чего не хватает нашему Олегу? Ведь все у нас есть. Дом — полная чаша. А учится плохо, и с поведением неважно.

А не хватает — самого главного.

А. МАНУЙЛОВА

г. Брянск

уверенность, что он помогает, участвует в общем труде, что труд его необходим.

Еще с весны дети обсуждают, как помочь маме нынешним летом. Я не мешаю им — это хорошие планы. Не знаю, как сложится их дальнейшая жизнь, кем они будут, но твердо уверена, что они вырастут не белоручками, и если от них потребуется помощь, то они не будут требовать за нее платы.

А вот тетрадь добрых дел мы обязательноведем. Она будет нашим семейным дневником, но не ведомостью учета, кто что сделал и что ему за это полагается.

А. ПЕРЕВОЗНИКОВА

Поселок Пертоминск
Приморского района
Архангельской области

СКОРЕЕ ИСПРАВИТЬ ОШИБКУ

Стоит ли покупать подарки детям за оказанную по дому помощь?

Думаю, что если вы, т. Могильникова, и другие родители будете дарить детям подарки за помощь по дому, то вырастите эгоистов. Я уверена, что скоро такой сын или дочь уже не возьмет книжечку, а потребует большего.

Что делать? Во-первых, не дарить подарков. Второе — объяснить детям, что помощь по хозяйству — это их святая обязанность. Если вовремя спохватиться, можно обратить даже на пользу все, что сделано раньше. Ребята доказали и вам и себе, что умеют все делать по дому быстро и хорошо и безо всякого ущерба для школьных занятий. А теперь спросите-ка их самих: неужели, мол, вы все это можете только за призы делать? Поговорите с ними так, чтобы ребята сами от всякой платы за помощь отказались. У них должно быть одно вознаграждение — родительское одобрение, хорошее настроение у мамы, ее отдых и те интересные дела, которые она может затеять с детьми, освободившись от домашних занятий. Нужно научить ценить это больше, чем любой приз.

Мне кажется, в школе еще очень мало уделяют внимания бытовому воспитанию. Занимается ученик хорошо, тетради чистые, в дневнике пятерки, — значит, все в порядке. И не поинтересуются, вынес ли этот аккуратный мальчик когда-нибудь мусорное ведро, мыла ли эта девочка с наглаженными бантами пол? А ведь можно организовать соревнование между звеньями, между классами за лучшую помощь по дому. Комиссию создать, рейды проводить. Чтоб не бились над этими вопросами родители в одиночку.

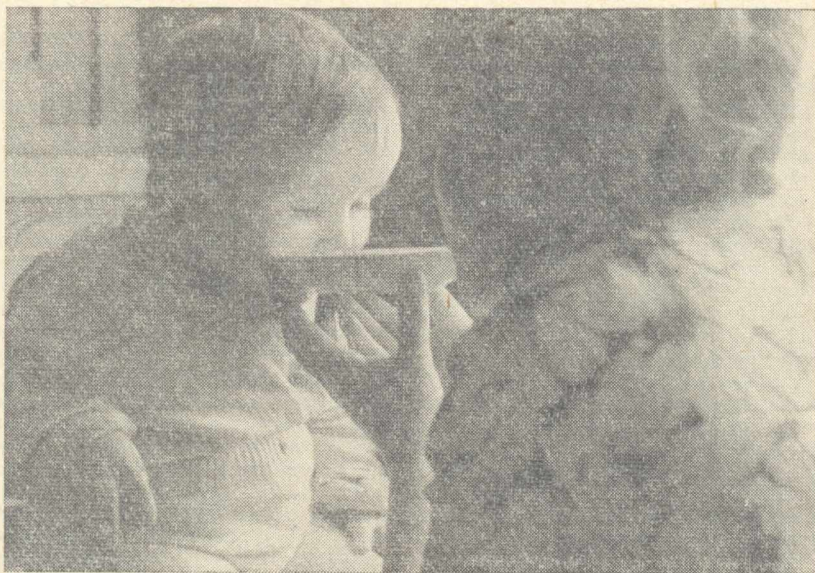
Сама я воспитываю сына с трех лет одна. С раннего детства приучала его к аккуратности. Теперь, придя из школы, он снимает пальто в коридоре, отряхнет, повесит, снимет валенки, обязательно положит сушить. Для улицы надевает старенькое пальтишко и старенькие валенки, дома — старый костюмчик. А школьную одежду обязательно аккуратно сложит. Выполнив домашнее задание, собирает книги в портфель, все, что на-

до для школы, приготовит с вечера. У него много обязанностей по дому. Он самостоятельно разогревает обед, моет посуду, вытряхивает половики, смочив веник, подметает пол, стелет половики. Потом моет руки и делает уроки. После этого идет гулять. Ну, а какая же за это награда? А вот какая: когда я собираюсь мыть пол, я обычно говорю: «Как хорошо, что ты вытряхнул половики и подмел, мне остается только подтереть». И он рад. Других подарков не требует. Мой мальчик понимает, что лишних денег у нас не бывает. Конечно, и ему хочется дорогую игрушку, но я это только по глазам замечу, когда в магазин придем, а сам он никогда не попросит.

Очень хочу, чтобы сын мой не вырос эгоистом. Я не огорчусь, если он не станет инженером или летчиком. Пусть будет рабочим, но только «человечным человеком», честным, добросовестным, чтобы труд любил и людей уважал.

Л. КАБАЛИНА
г. Дзержинск Горьковской области

ФОТО ПРИСЛАЛ ЧИТАТЕЛЬ

Х. Абдулов (Москва). ВКУСНЫЙ ЧАЙ

ШКОЛЕ — ВИШНЕВЫЙ САД

Недавно был я в старинном селе Велегаж, расположенном в очень живописном месте, на высоком берегу Оки. К удивлению и огорчению моему, я обнаружил, что красавец-сад при местной школе, заложенный еще до революции ученым-географом Барановым, исчез с лица земли. Его больше не существует. Забросили, забыли, и деревья без ухода погибли. И ведь школьники видели, как погибает сад...

Не губить, а создавать сады надо бы нашим детям. Любая школа имеет клочок земли. И что печально — очень часто это хорошо утоптаный пустырь, ни кустика, ни деревца.

Я не хочу сказать, что школьных садов вообще не существует. Речь идет о том, чтобы сад был в каждой школе, именно в каждой, даже если в нем всего будет два-три дерева.

О пользе говорить не приходится. Здесь и труд, и любовь к природе, и эстетическое воспитание. Да и деревянные фрукты в школьном буфете — отнюдь не лишнее.

Я думаю, что задача вполне разрешимая. Конечно, если за это возьмутся учителя и родительские комитеты.

Д. АЙЗЕНБЕРГ

Москва

Мы сердечно благодарим ее за нежную, материнскую любовь к детям, за широту души, за увлеченность.

РОДИТЕЛИ

г. Таганрог

Несколько лет назад ученики 47-й школы г. Ульяновска под руководством преподавателя биологии Н. П. Путятиной высадили на одной из городских улиц молодые осинки. Если бы ребята следили за посаженными деревьями, сейчас они могли бы уже давать тень, радовать шелестом листвы. Но, к сожалению, почти все деревья погибли. За ними никто не ухаживал. Выходит, ни детям, ни их руководителям не жалко собственного труда и безразлична судьба зеленых насаждений. Школьники, которые берутся за хорошее, доброе дело, должны доводить его до конца.

Г. ПЧЕЛКИН

г. Ульяновск

В нашем городе в школе № 20 работает молодая учительница Раиса Кузьминична Дидычун. Она всю душу отдает своей работе, детям. Она нашла путь к сердцу каждого ученика. Дети очень откровенны с ней, делятся всеми своими секретами, которых так много у подростков. Далеко не каждому из нас, родителей, удастся добиться такого доверия. Раиса Кузьминична помогает нам найти правильный подход к своим детям, сблизиться с ними.

По ее совету проводили вечера дружбы родителей и ребят. В концертах участвовали и дети и взрослые. Какие радостные и гордые лица были у ребят, когда выступали их мамы и папы! Теперь нам предстоит встреча в КВН. Команда учеников будет состязаться с командой родителей. Душа и организатор всех этих замечательных дел — наша Раиса Кузьминична.

ПОД-
СНЕЖ-
НИК

Мы с дочкой Таней пошли за подснежниками. Из лесу к нам вышел жеребенок. Меня он, видимо, боялся, а за Таней ходил все время, пока она собирала цветы. Я сфотографировал их вместе. Потом мы повернули домой. Жеребенок все шел за Таней. Казалось, он нюхает подснежники в ее корзинке. Только когда из лесу показалась его мать и тревожно заржала, Танин друг неохотно пошел назад и еще долго оглядывался, как бы прощаясь.

— Интересно, почему он к тебе так привязался? — спросил я Таню.

Она объяснила, улыбнувшись:

— Потому что мы оба любим подснежники.

Наверно, так оно и есть.

И. КОВАЛЕВ

Совхоз имени Менжинского
Сладковского района
Тюменской области

ТАНЯ СО СВОИМ ДРУГОМ.

Фото автора

ДРУЖЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Сначала поговорим о книгах, написанных, я бы сказал, на одном дыхании, выражающих всю страстность авторов в их прекрасном стремлении разобраться в собственном опыте, чтобы помочь другим взрослым правильно влиять на детей. Все ли бесспорно в педагогических рекомендациях авторов? Нет. Есть о чем и поспорить. Были ли ошибки? Наверное, были. На ошибках учатся.

Книга Л. С. Очаковской «Разговор на острую тему» прельщает нас фактической правдой, не претендующей на художественные обобщения.

Она пишет не понаслышке о чем-то, а лишь о том, что сама видела, пережила, обо что спотыкалась, чему радовалась.

Прежде всего ее волнует воспитание в детях нравственности. И тут неизбежно разговор заходит о самих «воспитателях», о тех взрослых, которые подают дурной пример молодежи. О них много писали. Нет учителя в школе, нет воспитателя в детском саду, который не начал бы разговор о воспитании с родителями с беседы об их «личном примере».

Иной раз, читая некоторые статьи на темы воспитания, думаешь, что автору больше не о чем говорить, как о пресловутом «примере взрослых». Но дети сами быстро начинают разбираться в том, какой дядя «плохой», а какой «хороший». Тут весь вопрос упирается иногда в желание мальчишки подражать именно «плохому», потому что он кажется «загадочнее», «сильнее», «романтичнее».

Продолжение. Начало см. в № 5 «Семья и школы» за этот год.

Гораздо интереснее и менее разработан в педагогике другой вопрос — о бестактности взрослых по отношению к юношам и подросткам. Очаковская, на мой взгляд, очень верно говорит об этой проблеме в своей книге. Автор рассказывает, например, о таком факте. Осенний, но теплый день. В автобус вошел юноша в пушистой меховой шапке с опущенными ушами и козырьком. Всякий знает, что носить такую шапку сейчас модно.

Но вот пожилой пассажир, один из тех, что любят напускать на себя излишнюю строгость, мнящих себя обязанными воспитывать всюду и везде, говорит:

— Чего это ты уши опустил? Холодно?..

Очаковская верно заметила: начинают «воспитывать» такие люди, обычно прикинувшись «простачками». И юноша еще не понял, что надо этому гражданину, может, он это просто так, от нечего делать, от внутреннего душевного восторга, вызванного рюмочкой, спрашивает.

— Нет, — отвечает юноша. — Не холодно.

— Так чего ж ты их опустил!

Уже не вопрос следует, а онрик. Очаковская как бы раскрывает перед читателем психологию подобного «воспитателя»: дай ему возможность только зацепиться, и он «заведется»...

— Так принято. Вот и опустил.

Видимо, этого только и ждал «воспитатель». Теперь он на своем коньке:

— Кем принято? Что за глупая мода! Да я в твои годы в одной рубашке по такой погоде бегал...

А «всего-то богатства у этого весьма скромно одетого студента и была эта пышная серая заячья шапка. И носил он ее действительно по последней моде. И был громкогласно высмеян чужим, втрое его старше человеком только за то, что тому не понравилась нынешняя мода, и еще потому, что был он, видимо, твердо убежден, что молодежь надо все время учить, воспитывать, воздействовать на нее, невзирая на место, и время, и степень знакомства...»

Может быть, кто-нибудь захочет поспорить с положениями, выдвинутыми Очаковской здесь, в этой главе.

Однако трудно подыскать какие-то веские аргументы в защиту бестактного гражданина.

Очаковская говорит с читателями страстно, заинтересованно, кажется даже, что слышишь ее взволнованный голос. Она смело заводит разговор о вопросах, которые принято называть острыми. Например, автор много рассуждает о любви в юности, этом обязательном для каждого прекрасном чувстве, которого так страшатся многие родители, да и учителя, полагая, что до совершеннолетия любви быть не может.

На убедительных примерах доказывает Очаковская, как глубоко они заблуждаются! Именно в юности, когда все чувства особенно ярки, нередко проявляется и настоящая любовь. Хотя бывает и другое — увлечение, подражание взрослым «влюбленным».

«Разговор на острую тему» затрагивает многие нравственные стороны воспитания: об отношении родителей и детей к бабушкам и дедушкам, о том, как можно «сломать характер», о пагубном влиянии на детей пьянства их родителей. Вопросы эти, конечно, не новые. Но книга никого не оставит и ним равнодушным, задевает за живое, заставит задуматься и многое по-новому осмыслить в своей семейной жизни и педагогической практике.

Где-то рядом по выбору темы стоит книга «Трудный возраст» Н. Аллахвердовой и С. Соловейчика. Авторы — журналисты. Это сказалось на качестве книги: она читается, пожалуй, лучше других. В ней четко поставлены педагогические вопросы. Я бы сказал, что и выражены они ярче. А когда педагогические проблемы излагаются по-макаренковски, средствами художественной литературы, их восприятие, их действенность увеличивается во сто крат. Достаточно вспомнить «Трудную книгу» Г. Медынского.

Авторы «Трудного возраста» проводят в своей книге верную мысль о том, что у каждого человека, кем бы он ни был, есть свой, совершенно особый источник информации о детях. «Этот источник — наши воспоминания о детстве, наше собственное, осознанное нами детство».

А часто ли задумываемся мы о нашем собственном детстве? Пробуем ли анализировать с позиций сегодняшнего дня свое детство? Умеем ли подняться до чувств и восприятий ребенка? Или мы идеализируем детство, не умеем объективно оценить то, что было в пору нашего утра с нами самими?..

Это глубочайшие философские вопросы, это и специально педагогические вопросы. Конечно, получить на них исчерпывающий ответ читатель не сможет. Не в этом была задача авторов. Они хотели лишь побеседовать, дружески обратить внимание на это. Ведь часто приходится слышать: «Вспомните, какими вы были сами!» или «Что вы — не озорничали в детстве-то?» Да, вспомнить, какими мы были сами, и оценить правильно свои собственные поступки бывает очень важно, чтобы лучше понять своих детей, чтобы правильно влиять на них, не обидеть, не оттолкнуть, а если потребуется — проявить суровость и даже непреклонность.

Сколько возникало в педагогической литературе споров вокруг вопроса — наказывать детей физически или нет.

Разбирая многие примеры, авторы «Трудного возраста» проводят мысль о том, что не строгость и не мягкость в обращении с детьми оказывает на них решающее влияние, а справедливость. Ценная мысль!

Наиболее подробно в книге рассказывается о подростках. Это понятие и по заглавию. Авторы хотят воссоздать в сознании читателя типический портрет подростка, некий обобщенный образ.

Сначала читатель сможет узнать, «как выглядят подростки» и «что они собой представляют». Может быть, узнать в этом «портрете» и своего сына или дочь. Но,

безусловно, каждого заинтересует дальнейшее рассмотрение этого собирательного образа: подросток в отношении со своими сверстниками, с родителями, особенно с матерью, со школой...

Собственно, на глазах у читателя проходит вся жизнь ребят «трудного возраста», многим знакомая, но увиденная цепкими глазами журналистов, толкующих об их жизни с педагогических позиций. Заслуга авторов именно в том, что они знают педагогику, любят ее, ценят как практику и как научную мысль.

Интересны «лирические антракты», где вкраплены дневниковые записи «матери», ее наблюдения, раздумья. Здесь всякий раз как бы подытоживается сказанное в главе и дается анонс на следующие страницы книги.

В одном из таких «антрактов» читаем: «Заметили ли вы, как радуются дети, когда слушают наши воспоминания о себе, когда мы рассказываем им о своем детстве? Я знаю, в чем тут дело. В эти минуты они видят в нас своих союзников. В эти минуты мы устаиваемся чести быть сообщниками наших детей...» Несомненно, здесь слышится мудрый материнский голос, он дойдет до каждого молодого родителя.

А книга, на мой взгляд, адресуется прежде всего им. И заключая разговор о «трудном времени» в развитии человека, авторы пишут: «Но — еще и еще раз! — главные ваши советчики — это ваша любовь к людям и ваше желание сделать детей счастливыми уже сегодня».

Замечательные, полные гражданской страстности строки Некрасова «Поэтом можешь ты не быть...» составляют название и выражают главную идею книги М. Б. Ценципера. Она посвящена вопросам чести, любви и уважения к Родине.

Раньше всего автор говорит о том, что мешает иногда подростку и юноше быть достойным гражданином своей великой страны. Конечно, это наши упущения, это недостатки воспитания. Опытный педагог рассматривает многие примеры, из которых становится ясно, откуда происходит нежелание многих подростков участвовать в общественной жизни.

Самое ценное в этой книге — опыт. Автор дает верные советы. Рассказывает, как сам он помогал молодежи избавиться от вредного налета эгоцентричности, нигилизма, бесшабашности — этих недугов, которые в будущем могут вызвать серьезное заболевание.

И конечно, с особым интересом будет прочитана глава «Ваше представление о чести? Борьба!». Здесь выступает известная революционерка и друг Владимира Ильича Ленина Инесса Арманд со своими мыслями о воспитании. Бесценна сохранившаяся и опубликованная переписка Ленина с Инессой Арманд. Как известно, в ней затрагивались и некоторые педагогические проблемы: воспитание нравственности, попытка взглянуть на чувства людей при коммунизме, на любовь, на взаимоотношения полов.

Девиз Инессы Арманд, который она пронесла через всю жизнь, был такой: «Звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию». В книге приведены интересные примеры того, как Инесса Арманд воспитывала собственных детей. Она прежде всего учила их действовать, быть активными, отказаться раз и навсегда от пассивности, созерцательности.

Небольшая брошюра «Поэтом можешь ты не быть...» призывает родителей и педагогов держаться как можно ближе друг к другу, совместно решать все педагогические вопросы. В заключение автор пишет: «Родителей и педагогов можно сравнить с электрической цепью. Только надежный контакт всех ее звеньев обеспечивает ток высокого накала...»

Разговор о педагогических книгах издательства «Знание» мы закончим в следующем номере.

Г. САВЧЕНКО

КВН, как он есть

Интерес к КВН не случаен, потому что он родился в свое время, как поиск специфической формы телевидения. В последнее время Клубу стало явно «тесно» на голубом экране. Сейчас соревнования веселых и находчивых можно увидеть в клубах и Дворцах культуры многих заводов и фабрик. Полюбился КВН и школьникам, потому что стал для них новой интересной формой внеклассной работы. Уже в течение нескольких лет в ряде школ действуют клубы веселых и находчивых химиков, биологов, физиков и т. д. Здесь юные кавэзновцы не только развивают свой интеллект, но и учатся находчивости, остроумию, умению понимать шутку.

40 миллионов телезрителей — такова примерно аудитория Клуба веселых и находчивых. Подсчитано, что если всех телезрителей (и зрителей), посмотревших передачи КВН за три года со дня его создания, «положить вдоль экватора, то Земля онажится 9,25 раза опоясанной живой лентой».

Передачи Клуба веселых и находчивых, бесспорно, популярны. За семь лет существования КВН подарил нам не один веселый, интересный вечер, вечер хорошего настроения. Он воспитал умных, самобытных актеров, открыл новые молодые таланты.

КВН не только развлекает. Он порой и удачно критикует, высмеивает обывательскую пошлость, недостатки в работе отдельных учреждений.

За эти годы КВН сохранил стремление к высокой гражданственности и мягкому, тонкому юмору. Правда, за время, прошедшее с момента создания Клуба веселых и находчивых, «багаж» его оригинальных конкурсов несколько уменьшился. Но тем не менее его передачи по-прежнему собирают рекордное число зрителей.

Цель сборника — раскрыть секреты Клуба веселых и находчивых. Замысел, безусловно, интересный и вызовет лишь одобрение у читателей. Ведь познание секретов КВН — надежный залог успеха стать самым находчивым, самым остроумным, самым веселым и вообще самым-самым... Посмотрим, поможет ли в этом читателю вышедшая книга.

Уже в начале сборника ему определенно повезло в осуществлении своей мечты. Читателя сразу же принимают в члены команды КВН. А это — лучший путь

познания заветных секретов. С этого момента страницы книги становятся своеобразной «ареной», на которой разгорается столь знакомая нам захватывающая борьба между командами: одна из них — читатели, другая — авторы сценариев КВН.

Остроумные вопросы, которые задают читателю авторы, дают ему возможность хотя бы частично ощутить сложность борьбы за первенство в Клубе веселых и находчивых. Умело направляют борьбу необычных по своему составу команд ведущие КВН — Светлана Жильцова и Александр Маслянов, выступающие гидами на страницах книги.

В главе «13 вопросов Придумки ведущим КВН» (Придумка — это веселый человечек, который задает остроумные и вместе с тем намерзлые вопросы) удачно показано, какими знаниями, навыками и чертами характера должны обладать ведущие, чтобы успешно справляться со своими обязанностями. Им необходимо не только уметь держать определенный ритм соревнования, импровизировать, осуществлять контакт между зрителями и участниками соревнований, но и многое знать.

Ядро сборника — четыре рассказа, объединенные общим названием «Идем за синей птицей...» (так образно названы конкурсы КВН). Их авторы — Игорь Ватель, Иосиф Рабинович, Юрий Спаржин, Александр Шустер — те, кто создавал сценарии телевизионного Клуба веселых и находчивых.

Все четыре рассказа имеют ярко выраженную общую основу — творческий поиск оригинальных, интересных конкурсов, неотъемлемой частью которого являются удачи и неудачи, споры и размышления. Именно в необычных и непредвиденных трудностях этого поиска и состоит главный секрет КВН. В роли неутомимых исполнителей «синей птицы» выступают авторы — главные «герои» книги, а сопровождает их в этом походе читатель.

В разделе сборника «Идем за синей птицей...» собрано многое из «сокровищницы» КВН, остроумные вопросы, оригинальные конкурсы, которые дадут возможность проверить свою эрудицию, остроумие и находчивость.

Конкурсы Клуба веселых и находчивых разнообразны. В книге дана их подробная классификация. И вот когда знакомимся с ней, невольно возникает вопрос — какое отношение имеет домашнее задание (один из видов конкурса) к КВН. Этот же вопрос, очевидно, встает и перед телезрителями, когда они смотрят передачи Клуба веселых и находчивых. Ведь КВН — импровизированная игра, и ее успех — в непосредственности происходящего. В книге делаются попытки дать ответ на этот вопрос, но они слишком робки и сбивчивы.

Подкупает своей искренностью, высокой гражданственностью рассказ «На следующий день, или горький вкус поражения». В нем дан анализ причин, из-за которых потерпела поражение команда химико-технологического института имени Д. И. Менделеева.

Казалось бы, горечь поражения и неизбежный после этого выход команды менделеевцев из соревнований в Клубе веселых и находчивых сделают ее членов равнодушными созерцателями дальнейших баталий. Но как раз эта неудача и раскрывает перед читателем большую силу воли и, главное, гражданственность менделеевцев. Их волнует не только дальнейшая судьба своей команды, но и судьба самого Клуба.

Размышляя о будущем КВН, хочется надеяться, что он и впредь будет веселить и радовать нас своими передачами. Возможно, у него появятся соперники — другие формы телевизионных соревнований, основанные на конкурсах. От этого выиграют все, и прежде всего телезрители, аудитория которых станет более широкой. Кан, несомненно, вырастет она и после знакомства читателя с новой, оригинальной по замыслу и содержательной книгой.

**Глеб Горбовский. ЧУДЕСА ПОД
НОГАМИ. Стихи. Рисунки М. Беломли-
ского. Л., «Детская литература», 1967.**

Пуговица. Консервная банка. Спичечный коробок. Гвоздь. Что это? Разные разности, которыми набиты ребячьи карманы? «Ерунда» по мнению взрослых, а для мальчишек — сокровища? На сей раз — это темы книжки «Чудеса под ногами». Даже не темы — герои. Мальчишки этому не удивятся. Ведь это излюбленные их игрушки, увиденные вблизи их любопытным глазом. И они охотно включают в игру, которую предлагает им поэт Глеб Горбовский:

Шире уши и глаза,
перед вами — чудеса!
Спотыкается сапог
о какой-то черепок.
Знать ужасно интересно,
кем он был, пока не треснул?
.....
Вот лежит железка,
ржавая, без блеска.
А ведь это был замок.
Что он делал?
Что он мог?

Поэт играет в эту игру легко и весело. Задорной скороговоркой звучат воспоминания старого башмака, который когда-то гулял вместе с братом:

Зимой под ними — лыжи,
весной под ними — лужи,
то — в непролазной жиже,
то — в нестерпимой стуже.

В забавную картинку вплетается порой чуть элегическая нота:

В домине фанерном — чистота.
В домине фанерном — пустота.

Так неожиданно увиден спичечный коробок, где «когда-то — день назад» жили спички. Все нашли себе дело. Кто зажег газ, кто свечку, кто костер... Очень уважительно рассказано о спичках-работягах. О, нет, никаких выводов, назиданий. Но эта уважительная интонация отложится в воображении ребят. Так — начиная с простых и знакомых мелочей — книжка незаметно приращивает малую толику и душевному опыту ребят. Почти неувлочно растворена в живописной зарисовке мысль стихотворения «Кулек»:

Кулек из-под черники,
страницы бывшей книги.
В ней рассказывал писатель,
как работал носом дятел...
Как возводят муравьи
замки хвойные свои...
А еще про то, как звери
не боялись старика,
как они стучались в двери...

Как будто просто оживает интересная картинка. И только рамка-рефрен, возвращаясь, еще усиливаясь, —

пробуждает почти неосознанную жалость к книге, вместе с которой погибло, оказывается, столько хорошего, о чем хороший человек так хотел рассказать всем.

Тонкий, ненавязчивый стиль этой миниатюры чутко передал и художник М. Беломлинский. Ее подтекст звучит в контрасте двух соседних страниц. На размытом сером фоне смутные очертания бумажного кулика, холмовато-сизые ягоды черники — и яркий мир соседней страницы, мир ожившей книги; на белом снегу среди черных деревьев оранжево-солнечными пятнами олени, лиса, труба лесной сторожки...

Поэт и художник дружно и согласо растят в ребенке чутье к прекрасному в окружающем мире.

Как близка ребятам эта способность увидеть в повседневности сказку, оттолкнувшись от привычного, унести мечтами далеко-далеко. Вот в пыли медная пуговица. Потри ее — на ней засветится январь, и замелькают яркие картины, страны, где побывала эта пуговица с бушлата моряка:

Значит, видела она
лопоухого слона.
Посещала, значит, страны,
где на ветках — обезьяны.
На краю огромной льдины
танцевали ей пингвины.

Воображение, поэтическое видение мира тоже воспитывается с малого, по крупице. А как нужен человеку этот волшебный дар — об этом давно сказали прекрасные, хотя и разные, разделенные веками и странами поэты. Помните, у Блока:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Занутанным в цветной туман...

А Блоку издавна откликается Блейк глубоким и всеобъемлющим девизом:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо в чашечке цветка.

Вы скажете — зачем тревожить великих ради маленькой детской книжки! Но путь к вершинам начинается с первого шага. Пусть с детства откроются глаза души. Потом может оказаться поздно. И равнодушному сердцу не помогут ни Блок, ни Блейк.

Э. КУЗЬМИНА

**Вадим Нечаев. ПАТ И ПИЛАГАН. Л.,
«Детская литература», 1967.**

Мальчик из племени нивхов в дни каникул покинул родное стойбище и отправился искать свою собаку: она сбежала. Это случилось после того, как на собачью упряжку напала волчья стая и собака Пата — он подобрал ее умирающую, выкормил и приучил к делу — не вступила в общую схватку с серыми хищниками, не выполнила свой долг перед человеком и собратьями по крови. Суров закон нивхов; старейшина племени выно-

сит приговор: собаку принести в жертву медведю, племя она может принести несчастье.

У мальчика хватает смелости не согласиться со старшими. Он верит в силу доверия, доброты. С его собакой приключилось несчастье, надо помочь ей, а не судить и наказывать ее.

Не всякий бы, конечно, на месте Пата «пустился в дальнее путешествие за бедной собакой, всецело полагаясь лишь на свои силы». Но он мальчик необыкновенный — последний из рода Хыбегнунг.

Мальчику не приходится преодолевать горные хребты, переправляться через рени, вступать в схватку с медведем или рысью. Он живет во времена реактивных лайнеров, буровых вышек, радио и газет. Он путешествует среди людей, и это путешествие захватывающе интересно. Преодолеть же душевную отупелость порой намного труднее, чем пройти десятки километров по глубокому снегу.

Начальник геологической партии Иван Коротков — человек дела. Мальчик Пат ищет собаку, он — нефть. Жизнь устроена просто и надежно, считает Коротков, каждый должен заниматься своим делом и не мешать другому. Из маленьких работ складывается одна большая — государственная. «И представь», — говорит геолог, — но всем людям, занятым на службе, приходит мальчик и говорит: «Кончайте свою работу и помогите мне найти мою собаку».

Нелегко объяснить взрослому человеку, что он не прав. Начальник партии забыл, что люди работают не просто так, он забыл истину, без которой жизнь превращается в исполнение служебных обязанностей и получение соответствующей зарплаты. У бульдозериста и ученого, у повара и врача есть одна цель — делать жизнь каждого человека лучше, приносить радость и бороться со страданиями. Это составляет душу любого дела, без нее работа становится лишь формальностью. С человеком случилось несчастье — значит, есть повод для «работы»; и мальчик Пат говорит:

— Я знаю, что такое работа. И на охоту ходил, и продукты возил на оленях... но если я приду к столетнему старику Древнему Глазу и скажу, что у меня произошло несчастье, тот не посмотрит на свою работу и свой возраст, а скажет просто: «Чем я тебе буду полезен, Пат?»

Коротков помогает мальчику, хотя про себя размышляет: «Подумаешь, собака!» Но ночью он не спит, зажигает спичку и смотрит в зеркало. «Есть ли у него душа?» Мальчик-них возвращает его, как и некоторых других персонажей повести, в мир простых истин. Их может понять и мальчик и взрослый, них и француз — все человечество, но от этого они не становятся менее ценными.

Мальчик Пат — удача молодого писателя. В книгах для детей можно встретить юных героев, которые рассуждают самостоятельно, поступают находчиво и ловко, но лишены обаяния, детской первозданности, а именно этим отмечены книги, которые читаются в детстве, но не забываются никогда, — Марка Твена, Арнажда Гайдара... Герой повести В. Нецаева мудр, как знаменитый охотник Дерсу Узала, и обаятелен, как нанаяц Фильна из повести Р. Фаермана «Дикая собака Динго».

Попробуем приоткрыть секрет этого обаяния. Пат — последний из рода Хыбегнунг — верит в истины, которые ему перешли по наследству от отца и племени.

В этом его очаровывающая всех цельность и независимость. Да, детей нужно учить, как поступать в той или иной ситуации, но важны для воспитания и догмы человеческого поведения, которые не ставятся под сомнение ни в каком положении, — заповеди и догмы чести. Без этих правил и заповедей мораль практически легко теряет границы и в конце концов может исчезнуть всякое понимание, что нравственно, что безнравственно.

Труднейшая педагогическая проблема — проблема искренности. Кто из родителей не мечтает о доверии подрастающих детей. Но не учат ли сами родители детей скрывать свои несчастья и неудачи во имя легкомысленного оптимизма — до свадьбы все заживет — или во имя молчаливого мужества. Между тем от молчаливого мужества до скрытого эгоизма один шаг. Искреннее признание своих неудач устанавливает более ценные отношения, чем отвага скрытых усилий.

— Я хорошо знаю тех людей, которые послужили прототипами героев моей повести, — сказал мне автор книги. — И все-таки это сказка. Но так, мне кажется, могло бы быть...

Дети должны знать, как может быть. Это и позволяет книгу писателя рекомендовать с полным основанием. В конце концов все возможно, если только очень захотеть.

Б. ИЗАНОВ

Всеволод Привальский. БУНТАРЬ. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1967.

Основной герой этой повести — Шурна Паратов, по кличке Бунтарь, — не вымышленное лицо. Об удивительной судьбе старого большевика И. И. Панкратова, действительно попавшего в молодости прямо из сибирских ссылки в каприйскую партийную школу, а оттуда — после «бунта» против богдановцев — к Ленину в Париж, рассказывает в предисловии и книге старейший коммунист Ф. Н. Петров.

«Молодая гвардия» выпустила эту книгу по отделу «Ровесник», издающему литературу для тех, кому от 14 до 19 лет. Повесть о молодом человеке эпохи первой русской революции, она мало выходит за рамки документального. Домысел автора касается не исторических событий, а связи их с личной судьбой героя. И если можно говорить о научно-художественном жанре применительно к истории русского революционного движения, то именно к такому жанру следует отнести повесть Привальского.

Бунтарь на протяжении всей повести — от мастерских на Казанке до ленинской школы на Авеню д'Орлеан — всегда, везде учится, непрерывно задавая себе и другим беспоянные вопросы. И не случайно одна из

Книжные новинки

Антонова Л. В. Когда и как построен Эрмитаж. Изд. 4-е. Л., «Сов. художник», 1968. 88 с. с илл. (Путешествия в прошлое по залам Эрмитажа). 50 000 экз. 32 к. (Для детей среднего и старшего школьного возраста).

Белов В. За тремя волоками. Худ. Е. Ф. Капустин. М., «Сов. писатель», 1968. 352 с. с илл. 30 000 экз. 56 к. (Повесть о жизни деревни «Привычное дело» и рассказы).

Гайдар А. Мои товарищи. Рис. Д. Дубинского. М., «Дет. лит.», 1968. 287 с. с илл. 100 000 экз. 2 р. 13 к. (В книгу вошли: «Р. В. С.»,

«Четвертый блиндаж», «Чук и Гек», «Дым в лесу», «Дальние страны». Для младших школьников).

Жизнь и творчество Виталия Бианки. Сост. В. Н. Бианки. Рис. Е. Бианки. Л., «Дет. лит.», 1967. 348 с. с илл.; 2 л. илл. 10 000 экз. 91 к. (Воспоминания о писателе, его статьи и письма. Библиография произведений и статьи о творчестве В. Бианки).

Корчак Я. Как любить детей. Пер. с польск. Предисл. Н. Атарова. М., «Знание», 1968. 96 с. 124 000 экз. 18 к.

Лубоцкая-Россельс Е. М.

Алкоголь и дети. 2-е изд., доп. М., «Медицина», 1968. 80 с. (Науч.-попул. мед. литература). 200 000 экз. 13 к.

Островская Л. Ф. Надо ли наказывать детей. М., «Просвещение», 1967. 167 с. 350 000 экз. 18 к. Семин Л. Была война... Рис. В. Орлова. Л., «Дет. лит.», 1968. 255 с. с илл. 100 000 экз. 59 к. (Рассказы и повесть для детей среднего и старшего возраста).

Славская К. А. Мысль в действии. (Психология мышления). М., Политиздат, 1968. 208 с. (Над чем работают, о чем спорят философы). 70 000 экз. 20 к.

наиболее ярких фигур повести — бывший учитель словесности, профессиональный революционер Самгорский. Усмотрев в молодом рабочем незаурядные способности, Самгорский ожил и обогатил ссылку юного Паратова в глухую холодную Тугуру занятиями по строгому расписанию. В этом мы видим и чувствуем жизненную правду.

Разумеется, в еще большей мере наставник Бунтаря — сама жизнь.

Молодые герои повести также учатся владеть собой, не унывать в самых тяжелых и сложных обстоятельствах. Повесть, рассказывающая преимущественно о событиях драматических, далеко не чужда юмора — и в характерах, и в эпизодах.

Даже невооруженным взглядом видно, как велик документальный материал, использованный автором. Молодой читатель, взявший в руки книгу, сразу оказывается в атмосфере рабочих митингов, подпольных кружков, собраний и забастовок, в атмосфере напряженной борьбы рабочих за подлинно человеческую жизнь, за подготовку социалистической революции.

В эпизодах, пусть коротких, мы встречаем на страницах книги больших людей нашего революционного

прошлого — Баумана, Шанцера-Марата, встречаемся на Капри с Горьким и Луначарским. Нельзя пройти мимо возникающих в повести забавных и трогательных фигур мальчишек — русских Гаврошей, усердно, в меру своих сил помогающих взрослым в баррикадных боях.

Все характеристики действующих лиц, независимо от того, идет ли речь о лицах вымышленных или подлинных, преломляются через восприятие Шурки-Бунтаря, сообщая убедительность повествованию в целом. Убедительность эта ослабляется там, где чрезмерное обилие материала вынуждает автора заменять художественный показ лиц и событий публицистической скороговоркой.

Книга В. Привальского поможет юношеству не только понять, но и почувствовать, какой дорогой ценой была завоевана в нашей стране власть трудовым народом. Такому эмоциональному воздействию книги, несомненно, в наибольшей мере будет способствовать привлекательность облика самого Бунтаря — Шурки Паратова, его выработанная с детства негнбаемая честность, неистощимая любознательность, постоянное стремление постичь правду революции, верность в дружбе и в любви.

Борис БЕГАК

А что в других журналах?

«ЮНОСТЬ» № 3, 1968

«Юность» ввела новую рубрику — «Сочинение на вольную тему». Появилась она так. Однажды в редакцию пришел десятиклассник и задал резонный вопрос: почему о делах школьных пишут журналисты и специалисты, педагоги и ученые, разве мы, старшеклассники, не способны на нечто большее, чем письма в редакцию? Действительно, почему?

И вот первая статья Н. Булгакова, которой открывается новый раздел. Она искренняя и свежая по мысли, острая и актуальная по поднятым вопросам. Небольшая — «От дома до школы» — много ли можно передумать, спеша утром в школу! Но емкая. О чем? О школе, о «жизнелюбии», о жизнелюбии и бесполезности знаний, полученных на уроках, и, конечно же, об учителях, потому что «тут наука сквозь человека проходит, и на нее ложится печать человека, и становится она такой же яркой, как он, или такой же бледной, как он».

житься письма с призывом: «Декамерона» — запретить! «Цыган» — запретить! Вы, наверное догадались, что Наталия Ильина снова воюет с теми ревнителями нравственности, которые в любом произведении искусства могут увидеть «похабство», а самое искусство предлагают понимать по такому нехитрому рецепту: «Стоит человеку увидеть картину, на которой изображена стройка, как он тут же побежит строить. А увидит он, скажем, натюрморт Кончаловского «Зеленая рюмка», как тут же побежит выпивать».

И еще одну небольшую статью хочется отметить в этом номере. Капитан Немо известен каждому школьнику. А вот о человеке не менее романтичном и интересном, с которого Жюль Верн писал своего героя, рассказывает статья В. Безруковой «Индийский принц или... коммунар?»

«НАУКА И ЖИЗНЬ» № 2, 1968

В этом же номере «Юности» с фельетоном «Демоническая сила» выступила Н. Ильина. Автор хорошо известен читателям, да и тема не очень нова, но возвращаться к ней нужно и, наверное, до тех пор, пока на редакционные столы будут ло-

Мы постоянно призываем детей любить животных, а родителей — покровительствовать этой любви. Чаще всего родителям советуют завести домашнее животное, чтобы ребенок совершенствовался, заботясь и ухаживая за меньшим нашим братом.

Во втором номере журнала состоялся конкретный разговор о домашнем животном, одинаково интересный и родителям, и детям. Прочтите статью А. Мазовера «Щенок» и, если вы согласны со всеми ее положениями, смело покупайте себе четвероногого друга. За уход и заботу о нем он одарит вас такой бескорыстной любовью, на которую вряд ли способно другое домашнее животное.

«ЗНАНИЕ — СИЛА» № 3, 1968

Здесь тоже любопытная статья о прототипе — на этот раз об известной героине повести Пушкина. Эта самая старая графиня из «Пиковой дамы» — подруга небезызвестного графа Сен-Жермена, которая была, оказывается, и современницей поэта и под именем княгини Н. П. Голицыной кружила в молодости головы в Петербурге и Париже и поигрывала в картишки.

Все это, а заодно и многое другое из жизни талантливого, но малоизвестного русского живописца Рокотова можно узнать из статьи А. С. Варшавского «Пиковая дама».

Другая интересная статья называется «Портрет для профессии». Сейчас много говорят о правильном выборе профессии, о предпосылках

этого выбора. Но что надо для того, чтобы стать хорошим портным или парикмахером, шофером или кузнецом? Оказывается, такую ориентировочную профессиональную рекомендацию можно получить после выявления наших двигательных способностей и слабостей, зная, так сказать, наш «двигательный портрет».

«КРЕСТЬЯНКА» № 3, 1968

Тут вы найдете статью кандидата медицинских наук детского психоневропатолога А. Чеховой о воспитании малыша и особенностях его

нервной системы. Вопрос не новый, но, несомненно, интересующий молодых родителей. Автор отвечает на вопрос, почему при самом внимательном уходе и доброжелательном отношении к ребенку он иногда вырастает все-таки нервным, эгоистичным, легковесным.

«ВОКРУГ СВЕТА» № 3, 1968

Любителям физики хочется порекомендовать статью кандидата технических наук С. Хабарова «Странности огненного гостя». Практически все явления на Земле, видимые не-

вооруженным глазом, для нас уже не загадка. Дождь, заря, град, иней, туман, огни святого Эльма? Понятно, понятно, понятно... Все, кроме шаровой молнии. Много наблюдений, иногда курьезных, иногда трагических, хранят книги об этом странном явлении.

Любителям биологии рекомендуем прелестную переводную статью «Коллючий индивидуалист». Уже по заглавию можно догадаться, что речь идет о хорошо знакомом нам ежике, в повадках и физиологии которого, однако, не меньше неожиданно-стей, чем иголок на его шкурке.

Говорят дети

■ Марина, 3 года.

Увидела ночью луну:

— Мама, посмотри — солнышко!

Мама объяснила, что это луна. Она светит ночью, а днем спит. А солнышко днем светит, а ночью спит. Через несколько дней увидела утром одновременно и солнце и луну.

В восторге хлопает в ладоши:

— Выспались, выспались! И я тоже выспалась!

■ Саша, 4 года.

Листает сборник сказок:

— Мама, дай-ка мне ружье — сейчас страшная картинка будет.

Лезет на подоконник. Мама останавливает его, говоря:

— Вот упадешь, будешь горбатым.

— А вот верблюд два раза падал — у него два горба.

■ Юра, 5 лет.

Мама:

— Юра, сегодня Первое мая, пойдем на демонстрацию.

— Нет, мама, это уже второе мая; первое мая было в прошлом году.

■ Ира, 4 года.

Болеет ангиной.

— Ира, почему ты грустная?

— У меня в горле плохое настроение.

■ Инна, 2,5 года.

Папа:

— Надо спать! А то скоро волн будет проверять, все ли спят... Придет к нам и скажет: «Уже 9 часов, а Инночка не спит...»

Инна:

— А у волка и часов-то нет!

■ Коля, 5 лет.

Купили ему новые сапожки. Вечером мама спрашивает:

— Коля, не жарко тебе было в сапожках?

— Нет, не жарко, не холодно, а как-то пасмурно.

■

Мама ушла на заводской вечер самодеятельности. Коля рассуждает:

— Мама ушла на взрослый утренник, а я ни в коем случае не обязан реветь.

■

Вова, 5 лет.

— Когда я вырасту большой, я построю дом без углов.

— Какой?!

— Круглый.

— А почему?

— Углы мне и в детстве надоели.

■

Толя, 5 лет.

Разговаривает с мамой:

— Волк плохой! Он цаплю ест!

— Ну и что? А цапля ест лягушек, а лягушки — комаров. Их тебе тоже жалко.

Задумался. Через несколько мгновений:

— Нет... Надо же им что-то есть!

■

Алла, 2,5 года.

— Алла, причешись!

— А где причешонок?

— Мама, я нашла огур.

— Почему огур?

— Потому что огурчин — это маленький, а это — большой, это — огур.

■

Лена, 7 лет.

— Мама, наша бабушка была барыня?

— Почему?!

— Да ведь у нее веер есты!

Записали наши читатели: А. КУЗЬМИНА (Псковская обл.), А. КОЛУПАЕВА (Коми АССР), ПЕТРОВЫ (г. Владимир), Э. СХИРТЛАДЗЕ (г. Рустави, Грузинская ССР), М. ПЕШЕХОНОВА (Кустанайская обл.), Л. ДЕНИСЕНКО (г. Симферополь), Н. ПОДБЕРЕЗИН (г. Свердловск), И. ЛИГМАН (Днепропетровская обл.), А. ЛЫСЕНКО (Молдавская ССР), Е. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ (г. Уфа).

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА КОВАЛЕВА ВЕДЕТ УРОК.

Фото Я. Бриллианта

ТРОЙКА. 1866 г.

ПРИЕЗД ГУВЕРНАНТКИ В КУПЕЧЕСКИЙ ДОМ. 1866 г.

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕРОВ

(1833—1882)

...Трое детей из последних сил тащат на пригорок салазки, на которых стоит огромная обледенелая бочка с водой. Ветер задует под обтрепанную одежду ребяташек, кружатся снежные вихри.

...Широко расставив ноги, дождливый купец в лиловом халате нетерпеливо ждет, когда девушка достанет из сумочки рекомендательное письмо. В раскрытую дверь высунулись любопытные слуги. А за спиной купца — члены его семейства: тупая, забитая девочка — дочь купца, купчиха, не одобряющая затею мужа нанять гувернантку, и купеческий сынок, цинично разглядывающий молодую девушку.

Картины замечательного русского художника Василия Григорьевича Перова поражают глубоким и пронзительным взглядом на жизнь, умением показать то «обычное», мимо чего порой проходили многие его современники. Перов родился в Тобольске 23 декабря 1833 года в семье прокурора Криденера. Он рано обучился грамоте, очень красиво писал. Его учитель, восхищавшийся почерком своего ученика, прозвал его Перовым; впоследствии прозвище стало официальной фамилией художника.

Художническое дарование Перова проявилось очень рано. В 1846 году он поступает в художественную школу А. В. Ступина в Арзамасе, куда переехала семья Криденеров. А осенью 1853 года начинающий художник был принят в Московское училище живописи и ваяния. Семья к этому времени обеднела. В 1855 году Перов даже хотел оставить учебу и поехать в провинцию преподавать рисование. И только материальная помощь преподавателя Васильева позволила Перову закончить училище.

Молодой художник избирает область бытовой живописи. Социальная сатира получила в творчестве Перова широкое развитие, и в этом он идет от основоположника критического реализма П. А. Федотова.

Взяточничество и самоуправство сельских властей обличает художник в картине «Приезд станового на следствие» (1857). Еще сильнее влияние Федотова сказалось на более зрелой картине «Первый чин» (1859), за которую Перов был награжден Второй золотой медалью. Осенью 1861 года он закончил картину «Проповедь в селе», которая получила Первую золотую медаль и принесла художнику громкую славу.

Одновременно с «Проповедью в селе» Перов завершает картину «Сельский крестный ход на пасхе». Картина сразу же привлекла внимание публики. Впервые русское общество увидело такое беспощадное обличение духовенства. Но очень скоро картину запретили выставлять для широкой публики и воспроизводить в печати. Она была под запретом до революции 1905 года.

...Из избы вывалила пьяная процессия богомольцев с хоругвями, иконами и распятиями. Спотыкаясь, бредет старик, ослабевший от вина. Он несет перевернутую икону. Нетвердо ступает по лужам баба с иконой Богоматери. Осторожно спускается по ступенькам пьяный священник, придерживаясь за столб крыльца. Он тупо смотрит перед собой, волосы и борода висколены. Споткнувшись у порога, упал на крыльце седой дьякон, выронив молитвенник и приношения прихожан. Около крыльца валяется пьяный мужик. Хозяйка дома обливает холодной водой мужа, напившегося до полного бесчувствия.

Вот наков «светлый праздник» в темной России! «Сельский крестный ход на пасхе» — одно из самых значительных произведений Перова. За резкой критикой духовенства чувствуется обличение всего строя тогдашней России. К этим антицерковным произведениям близка картина «Чаепитие в Мытищах» (1862).

В январе 1862 года Перов отправился за границу. Он побывал в Берлине, Дрездене, Париже.

По возвращении из-за границы художник создает произведения, в которых отображает тяжелую

безрадостную жизнь простого народа. К лучшим работам этого периода относятся «Проводы покойника» (1865), «Утопленница» (1867), «Последний набак у заставы» (1868).

«Проводы покойника» — одна из самых волнующих картин Перова. Эта картина, как отметил В. В. Стасов, окончательно упрочила известность Перова. С этого времени Перов делается любимцем всей интеллигентной и художественной России.

...По снежной дороге бредет тоская лошадейка. На передне саней горестно согнулась вдова. Рядом с гробом примостились девочка и мальчик. Никто, кроме собаки, не сопровождает осиротевшую семью. Глубокой печалью веет от этой картины.

Наряду с крестьянской темой во второй половине 60-х годов в творчестве Перова появляются темы, связанные с жизнью города. Это «Тройка» (1866), «Утопленница» (1867), «Приезд гувернантки в купеческий дом» (1866).

За картины «Тройка» и «Приезд гувернантки в купеческий дом» Перов получил звание академика.

В 1869 году Перов организовал московскую группу передвижников. Он стал одним из деятельных членов Товарищества художественных передвижных выставок и семь лет был членом Правления. На первой передвижной выставке экспонировались картины Перова — «Охотники на привале» (1871), «Рыболов» (1871) и несколько портретов.

На рубеже 60—70-х годов Перов пишет портреты А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, поэта А. Н. Майкова, историка М. П. Погодина.

Ранняя смерть обрвала творчество Перова в самом его расцвете.

Перов один из первых среди художников выступил против бесправия и угнетения, в котором находился народ России.

Художник Нестеров назвал Перова, человека широкого, свободного ума и нежной, чуткой души, «истинным поэтом скорби».

Т. КЕДРИНА

Джонатан КОЗЕЛЬ

В ШКОЛАХ ГЕТТО

«Вероятно, когда-нибудь наступит такое время, — писал Эрик Эринсон, — когда люди поймут, что самый тяжкий из всех смертных грехов, — это налечить детскую душу». Если когда-нибудь наступит такой день, то работники американского образования с ужасом будут взирать на положение многих городских государственных школ.

Я увидел, как налечат детей в Бостоне, в четвертом классе сегрегационной школы. Школьная система этого города, возможно не самая худшая, является примером того, какое образование дают детям учебные заведения такого типа.

Стивену — ученику государственной школы в Бостоне — восемь лет. Он небольшого роста. На вид Стивен нездоров и несчастлив. Иногда мальчик разговаривает сам с собой или громко смеется на уроке без всякой видимой причины. Учится он в четвертом классе, но знания у него едва на уровне второго. Это никого не тревожит, потому что у Стивена нет родителей. Он находится на попечении штата Массачусетс, власти которого отдали его в очень бедную негритянскую семью. Часто Стивен приходит в школу избитым. Как-то я спросил, отчего у него синяк под глазом? Он сказал, что просто ушибся. Позже Стивен признался, что его приемная мать вышвырнула его на крыльцо.

Хотя Стивен плохо учился, он отлично рисовал. Это была не та аккуратная, прилизанная мазня, где все на своем месте. В его рисунках все было неожиданно. За свое «творчество» Стивену постоянно попадало от учительницы. У нее — уже немолодой дамы — имелось несколько прочно укоренившихся взглядов на детей и преподавание. Обычно она раздавала готовые картинки, а дети должны были раскрасить их по ее вкусу. Иногда учительница прикрепляла на доску прошлогодние рисунки белых учеников. Их работы служили образцом для черных. Самые точные копии получали максимум одобрения.

Стивен не выполнял требования учительницы. Когда она давала ему задание, он не слушал ее. Мальчик брал бумагу, краски и очень свободно писал картины, выражающие его настроение.

— Дай это мне! Что ты намазал! — сердилась учительница, подбегая к нему. — Посмотрите, что он сделал! Он смешал краски! Не знаю, зачем мы только трачим на него хорошую бумагу.

Основное в жизни Стивена — это постоянная, безуспешная борьба за существование. Этому мальчику уделялось так мало внимания, что, перестав он существовать, этого никто бы не заметил. Поэтому, я думаю, чтобы напомнить о себе, он навлекал на себя иногда нарекания и даже побои. Стивен мог нажать рычаг пожарного сигнала и получил бы, наверное, удов-

летворение, услышав рев сирены: это было делом его рук, и хотя бы таким образом он доказывал себе, что способен сделать что-то осязаемое в мире.

Однажды, застав Стивена скорчившимся в углу, я попытался заставить его взглянуть на меня, улыбнуться и заговорить. Я сказал ему:

— Стивен, если ты будешь так сидеть и даже не посмотришь на меня, я подумаю, что ты хочешь быть похожим на маленькую крысу.

Он оглядел себя, потом посмотрел на меня, хмыкнул и ответил:

— Я знаю, что не могу быть крысой, мистер Козель. Крыса должна иметь хвост.

Когда я повторил его слова детскому психиатру, он высказал предположение, что отсутствие хвоста было единственным, что, по мнению Стивена, не позволяло ему превратиться в крысу. Хотя это объяснение и отдает немного догматизмом психиатров, я думаю, что доктор не очень далек от истины. Бостонские учителя уже много лет называют своих учеников-негров животными, а школу, в которой работают, не иначе, как зоопарком. Такое отношение повлияло на Стивена, возможно, больше, чем на других ребят. В конечном же счете расплавиться будет каждый ребенок, а по большому счету, я уверен, и каждый учитель.

Стивен регулярно подвергался телесным наказаниям. Побои до сих пор разрешены в государственных школах Бостона. Детей бьют по рукам бамбуковым прутом. Я не знаю точно, сколько раз Стивен подвергался этим бичеваниям, но они случались по меньшей мере раз или два в неделю. Особенно часто его наказывали на уроках математики. Я уверен, что это связано с той недоброжелательностью, которую питала и Стивену преподаватель математики. Она не раз говорила:

— Этот ребенок не в своем уме.

Когда я спросил, считает ли она нужным показать мальчика врачу, она ответила, что это бесполезно.

— Он будет утверждать, что все учителя предвзяты к нему относятся.

Через несколько дней после этой беседы Стивен был послан в подвал на очередную порку.

Мальчик стоял около курительной комнаты. Его локти, казалось, приросли к бокам. Глаза были полны ужаса и безнадежности. Учитель приказал вытянуть руки вперед. Стивен не послушался. Учитель повторил приказание. Мальчик покачал головой. Потеряв терпение, учитель предупредил, что он получит в два раза больше ударов, чем ему полагалось. Стивен расплакался и сдался.

В остальном этот учитель был, как мне казалось, вполне приличным человеком. Даже в данном случае он наказывал с уверенностью в том, что выполняет свой долг. Однако, какими бы ни были его намерения,

на лице мальчика появились слезы, а на смуглых руках — рубцы.

Почему учитель бьет ребенка за поступки, от которых тот не может удержаться. Ведь он знает, что это жестокость. Возможно, некоторые учителя считают, что в сегрегационных школах необходимо поддерживать дисциплину такими мерами. Но они не могут не знать, что в детском сознании их учеников растут гнев и обида.

Белые учителя-бостонцы приводят в качестве аргумента утверждение, что телесные наказания существовали еще задолго до того, как негры получили возможность учиться в школах. Однако это не очень убедительно. Телесные наказания применяются белыми слишком часто. Они пользуются всяким удобным случаем, чтобы дать выход глубоко укоренившейся расовой ненависти. Тот учитель, который наказывал Стивена, однажды начал спокойно рассказывать о ниггерах на Юге и о маленьких ублюдках, безобразничающих в четвертом классе.

Я преподавал в большом зале. Когда я впервые вошел в него, то увидел огромный разорванный театральный занавес, два разбитых окна, у которых сидели 35 забитых детей, в большинстве своем негров. В другом конце зала был еще один такой класс.

Иногда дети моего или другого класса должны были читать наизусть хором. Тогда один из двух классов в течение всего урока должен был находиться в состоянии неестественного молчания. Мы не могли к этому часто прибегать. Единственным выходом было стараться перекричать друг друга. В такие дни мы уходили домой охрипшими или совсем без голоса.

Кроме двух четвертых классов, в зале находились: драматический кружок и ученики, занимающиеся дополнительно по арифметике и чтению. Однажды я стал считать учеников по головам: семьдесят пять из двух четвертых классов плюс девяносто, занимающихся дополнительно арифметикой, и сто семь человек, репетирующих пьесу. В один прекрасный день пришел класс со швейными машинами и с тех пор стал постоянно заниматься в нашем зале. Все они говорили, пели, смеялись, кричали, декламировали. Конечно, в такой обстановке нельзя было сделать и доли того, что полагалось по программе.

На одном из уроков сильный порыв ветра сорвал окно, рама которого уже давно сгнила. Совершенно случайно я оказался рядом и смог поймать ее. Так шесть или семь детей избежали увечий.

Конечно, в школе было много неполадок. Мы не могли до конца воспротивиться всем безобразиям. Гораздо легче было притворяться, что все обстоит отлично. Некоторые учителя с таким блеском выдерживали эту роль, что, защищая школу, начинали хвалебным гимном: «Вы, дети, должны благодарить бога за все, что имеете. В мире так много маленьких детей, которым дано гораздо меньше».

Наша школа была не исключением. В других было еще хуже. Одна из них, школа Эндикот, была так пере-

полнена, что в некоторых классах учеников было больше, чем столов. Лишние сидели на стульях позади учителя. Если школьник один день отсутствовал, он терял свое место и пересаживался на стул.

Когда родители оказали давление на школьный отдел, последовала цепь событий, хорошо иллюстрирующих сегрегацию в школе. Проще было бы направить детей в находящуюся поблизости школу белых, где были места. Это обошлось бы всего в 40 000 долларов. Но школьный отдел предложил купить старую заброшенную школу, что стоило 180 000 долларов. Было ассигновано семь тысяч долларов на столы и стулья. Оплата учителей и приобретение оборудования потребовали бы дополнительно 100 000 долларов каждый год. Школьный отдел шел на то, чтобы потратить лишних 240 000 долларов, лишь бы негритянские дети обучались в отдельной школе. Комитет так долго и всесторонне обсуждал этот вопрос, что прошла большая часть учебного года, пока было принято окончательное решение. А дети потеряли еще один год своей жизни.

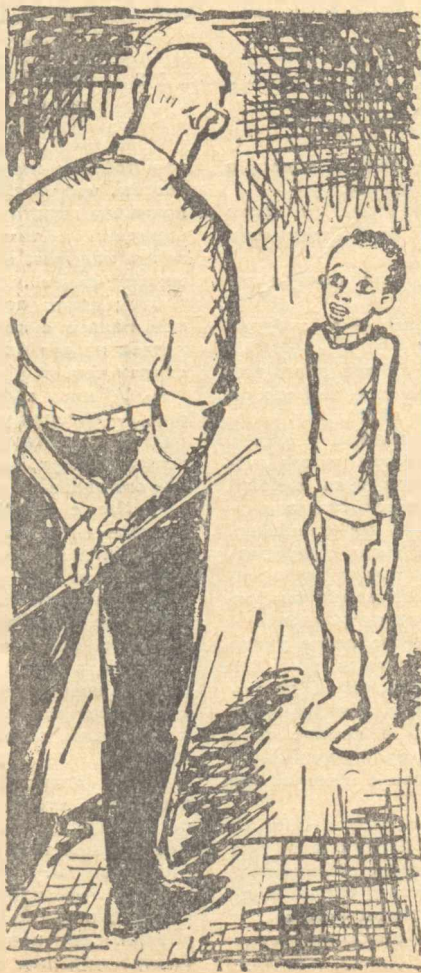
В нашей школе сложилось трудное положение в одном из четвертых классов. Почти весь учебный год его вел очень неуравновешенный человек. Это был преподаватель, который после серьезной психической болезни был уволен из колледжа. После его ухода потянулась полоса случайных учителей. Мне часто казалось, что наставников хватало прямо на улице, вру-

чали им двадцатидолларовую бумажку и подкатывали к нашей школе на такси. Результатом всего этого было стопроцентное отставание всего класса. По основным предметам, как бы плохо их ни преподавали, у детей была какая-то система в изучении материала. Хуже обстояло дело с географией и историей. В одно утро учитель, ища, как бы убить время, заставлял детей читать ему вслух про Индию. На следующий день, другой педагог, не зная, что класс проходил до него, и питая особую любовь, например, к Голландии, заставлял ребят перелистать назад сто страниц и читать ему о плотинах и деревянных башмаках. Потом школьники перескакивали в Лиму, столицу Перу, затем неожиданно начинали изучать производство хлопка в Америке. Неудивительно, что после всей этой чехарды дети не могли отличить город от штата или континент от острова. В их умах перемешались такие слова, как река Янцзы, полушарие, Гималаи, пирамиды.

Среди учителей иногда можно заметить проблески понимания. Я вспоминаю разговор с одним учителем.

— Они говорят, что негры культурно отсталые, — сказал он, улыбаясь без тени смущения, — это я, черт возьми, культурно отсталый. Я и сам это отлично понимаю. Я ничего абсолютно не узнал и не прочел с той поры, как пришел в школу. Я пытался все скрыть от самого себя. Теперь я бы хотел это изменить, но боюсь, что уже слишком поздно.

Рисунок Н. Борисовой

Перевел с английского О. ЗИНС

ШХУНА ПОД ПАРУСАМИ

Р а с с к а з

Сергей Васильевич, как обычно, не зашел в дом, а позвонил по телефону из ближнего автомата.

— Позови Сергуньку, Вера, — сказал он, и было слышно в трубке, как бывшая жена Вера Георгиевна крикнула: «Сереза, тебя!»

Мальчик, которому было двенадцать лет, быстро подошел к телефону.

— Спустиись, Сергунька, — сказал отец, — я в будке автомата.

Сын уже знал, в какой будке отец, он все знал, ему было лишь двенадцать лет, но он знал уже так много, что этого с излишком хватило бы и взрослому человеку. Он знал, что мать не только разошлась с отцом, но и требует, чтобы сын признал в качестве нового своего отца Андрея Францевича, нервного и чуть напизного, с его длинными пальцами виолончелиста; а виолончель в огромном футляре, похожем на сарнофаг, властно стояла в той комнате, откуда ушел отец, расположилась в нем по-хозяйски, и мать всегда восхищалась, когда Андрей Францевич играл на своей виолончели, а сыну звони назались такими же напизными и неверными, как и все, что стало в доме после ухода отца. Он слышал раз, как тот сказал: «Что ж, если так обстоит, Вера, не стану ни в чем мешать тебе... делать здесь мне нечего, буду пока жить у Лизы, а квартиру и что в ней есть, кроме книг, оставляю в полное твое распоряжение». Мать ответила: «Очень великодушно», — и нельзя было понять, сказала ли она это с иронией или с внутренним облегчением.

Отцу никогда не было ничего нужно, кроме книг, а собаку Лобзика он оставил сыну, и Лобзик вот уже почти два года и шести часам вечера, когда обычно возвращался отец, идет в переднюю, ложится у входа, ждет хозяина, и мать сказала как-то: «Дурацкая собака... и всегда ее шерсти полно» — и брезгливо выметала клоки шерсти, а сын думал совсем иначе. Он думал, что вер-

нее Лобзика нет собани на свете, но матери не понять совсем, что тот чувствует, а когда Андрей Францевич начинает играть на виолончели, Лобзик уходит в конец коридора и там лежит, положив голову на передние лапы, наверно, о чем-то думает, а может быть, и вспоминает что-то...

Отец стоял возле будки автомата, высокий, в осеннем пальто с поднятым воротником, курил, и сын, поглядев на его бледное лицо, сразу понял, что отец расстроен чем-то.

— У нас с тобой несчастье, Сергунька, — сказал отец. — Сегодня утром умер дедушка.

Отец полуотвернулся, делая вид, что защищает папирсу от ветра, но он просто не хотел, чтобы сын увидел его глаза.

— Мы с тобой мужчины, Сергунька, — сказал отец затем, — надо любую беду принимать мужественно.

Мальчик ни о чем не спросил его, они торопливо шли рядом, они шли так, будто можно было еще спасти дедушку, задержать его уход, и нельзя было представить себе, что все идет и движется своим путем, и в этом широком осеннем мире уже нет того, к кому привык он, внук, с кем они ехали вместе на птичий рынок, выбирали щегла или живородящих рыбок для аквариума, и пещилии медленно плавали в аквариуме и шевелили плавниками, розовые и голубые, похожие на цветы или бабочек.

Утром Василий Евграфович спустился, как обычно, в подъезд, чтобы достать газеты из почтового ящика, а когда вернулся и положил газеты на стол, сел на диван и сидел так, пока Сергей Васильевич стоя просматривал газеты.

— Ты что, папа? — спросил Сергей Васильевич вдруг, обернувшись, но отец сидел, откинувшись на спинку дивана. Сын испуганно повторил: «Ты что, папа?» — и быстро подошел к нему. Отец трудно смотрел на него,

смотрел так, словно прислушивался к чему-то очень страшному в себе, и сын успел только обнять его за плечи, положить на диван, кинуться к аптечке, висевшей в коридоре, за валидом, насильно просунул таблетку сивозы стиснутые зубы отца, но и валидол был, видимо, уже не нужен...

Это так страшно, когда в один миг обрушивается то, что было основой жизни и без чего жизнь казалась невыносимой, а несколько минут спустя это уже становится случившимся, становится переменной жизни, началом нового ее хода... Потом приехала «скорая помощь», отца увезли, в отцовской комнате плакала сестра Лиза, а Сергей Васильевич поехал следом за «скорой помощью», и водитель такси старался не отставать от

идущей впереди машины с красным крестом на кузове. А потом была огромная, шумная Садовая-Спасская, огромная, пустынная Садовая-Спасская, по которой уже никогда не пройдет отец, и кого в этом широком мире может опечалить, что из него ушел еще один старик, в чье сердце может войти жало скорби... И Сергей Васильевич шел по Садовой-Спасской сначала, дошел до Новой Басманной и там из знакомой будочки телефона-автомата позвонил сыну...

Они шли быстро, словно от них зависело удержать еще на миг жизнь Василия Евграфовича, и если не удержат, то хоть успеть сказать ему напоследок, что он навсегда останется с ними, и только возле дома, в котором отец жил теперь, он замедлил шаг.

— Надо маме сообщить, а то будет беспокоиться о тебе, Сергунька... ведь я только на минутку вызвал тебя.

Они зашли в угловую аптеку, в дверях которой был телефон-автомат, и мальчик позвонил матери:

— Ты не беспокойся, мама, — сказал он, — я сегодня уроков готовить не буду. Умер дедушка.

— Как умер? — воскликнула мать. — Василий Евграфович умер?

Мальчик передал трубку отцу, и отец сказал:

— Папа умер сегодня утром. А Сергунька побудет у нас пока. Не беспокойся, Вера.

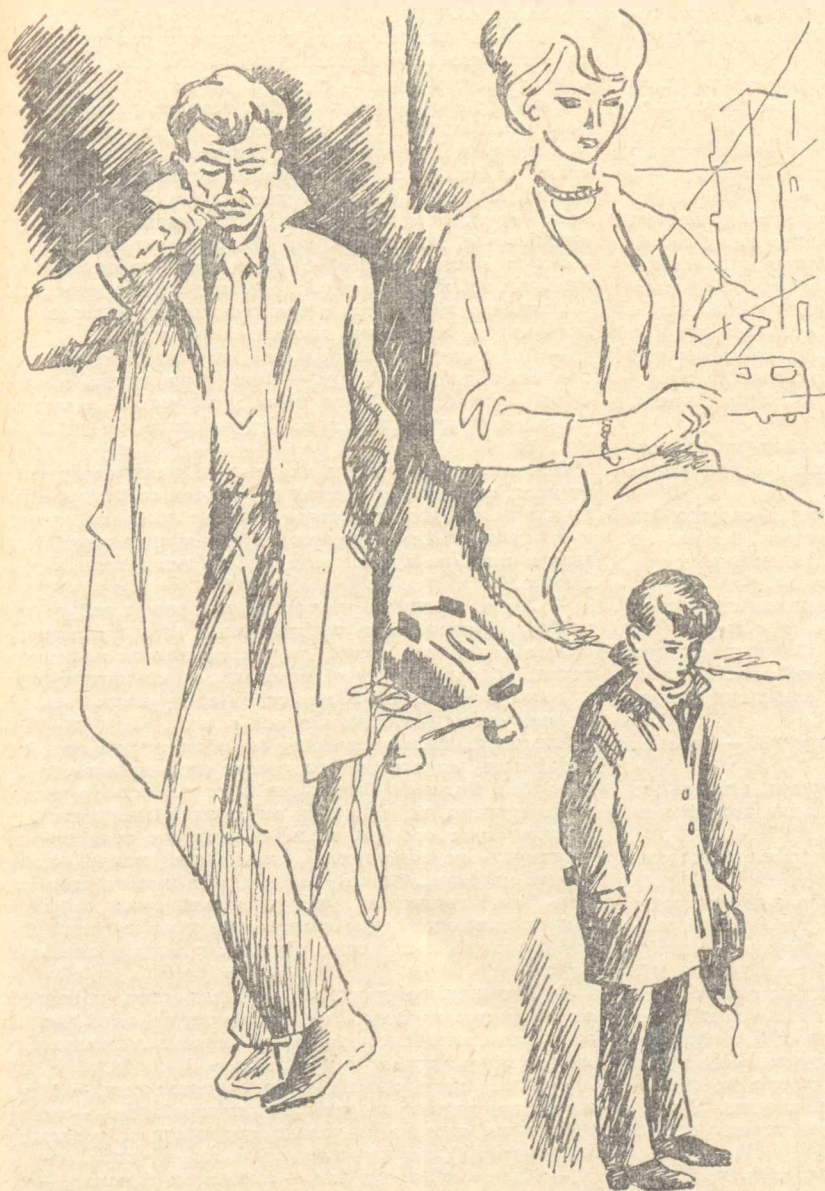
— Боже мой, как это печально, — отозвалась Вера Георгиевна, видимо, с искренним чувством. — Всегда Василий Евграфович забывал о своих годах и не берегся. Конечно, пусть Сережа побудет у вас пока. А к вечеру я зайду за ним. Передай Лизе мое сочувствие.

— Спасибо, Вера, — сказал отец. — Приходи.

Они вышли из аптеки, Елизавета Васильевна встретила их плача, смотрела вопрошающе, словно они еще могли принести с собой добрую весть, но на Садовой-Спасской шумно неслись в обе стороны автомашины, и уже темнело над ней. Щегол беспокойно прыгал в клетке с жердочки на жердочку, наверно, ему забыли насыпать корма, это делал всегда Василий Евграфович, и мальчик подошел и клетке и насыпал в кормушку проса из лулечка, а за кормом Василий Евграфович ездил обычно сам в зоологический магазин или на птичий рынок, он любил птиц и собак, и Лобзин знал это и, наверно, скучал и по нему: Василий Евграфович прежде часто приходил к ним, а когда отец оставил все своей бывшей жене и переехал сюда, ни дедушка, ни Елизавета Васильевна уже не приходили, и Лобзин иногда подолгу лежал в дальнем углу коридора, положив голову на передние лапы и думал о чем-то или вспоминал что-то...

— Садись, Сереженька, — сказала Елизавета Васильевна, — вот горе-то какое у нас с тобой. Садись, поешь все-таки, жить-то нужно тем, кто остается.

— Вера зайдет за ним и вечеру, —

Рисунки Е. Соколовой

сказал отец. — А завтра сообщим в школу, что день-другой ты пропустишь занятия.

Отец постоял, не снимая пальто, потом сказал:

— Где паспорт папы и все его документы?

И сестра достала из ящика то, что осталось от Василия Евграфовича: его паспорт, трудовую книжку, две красные коробочки с орденами и несколько медалей, а одна медаль была за оборону Москвы. Отец положил в боковой карман паспорт, постоял еще, все в жизни изменилось, и казалось, он не знал, с чего начать теперь. Потом отец ушел, и Елизавета Васильевна, похожая на брата, похожая и на Василия Евграфовича, выходящая и тоже совсем бледная сегодня, поставила на стол тарелки, а макароны она сварила с утра, когда еще ничего не случилось.

— Поешь, Сереженька, — сказала она. — Живым нужно жить... ради тех, кто ушел, нужно жить.

Мальчику не хотелось есть, но он съел, однако, немного макарон, чтобы не огорчить Елизавету Васильевну.

— Я теперь буду часто приходить сюда, — сказал он вдруг. — А на птичий рынок стану ездить сам за кормом для Ефимки.

Елизавета Васильевна ничего не ответила, только вздохнула и быстро ушла на кухню, должно быть, заплакала и не хотела, чтобы он увидел это. Мальчик тербел макаронину вилкой, когда Елизавета Васильевна вернулась из кухни, сидел, глядя в тарелку перед собой, и тербел макаронину, и Елизавета Васильевна не поудила его съесть, сказала только: «Сегодня обед готовить не буду», — должно быть, она не хотела, чтобы впервые в жизни сели за обеденный стол без отца, а ложка у бабушки была особая, округлая, со старинной монограммой, и теперь ложка потерянно лежала в стороне. Елизавета Васильевна заметила взгляд мальчика, сказала:

— Теперь это будет твоя ложка... вообще многое отдадим тебе, будешь вспоминать бабушку, когда вырастешь.

И мальчик подумал о том, что вырастет он уже без деда, окончит школу уже без деда, и никогда больше не будет деда, столько умевшего в жизни, с такими руками, которые могли сделать все — и клетку для щегла смастерил дед, красивую клетку, с медными прутьями, кормушкой и ванночкой для купанья, и с жердочкой под изогнутым куполом, на которой Ефимка обычно спит; и елку и Новому году дед всегда покупал сам, выбирал пушистую, веточка и веточке, и они вместе наряжали ее, и все было всегда вместе...

— Может быть, что-нибудь купить нужно? — спросил мальчик.

Ему хотелось сегодня же стать нужным, сегодня же помогать, и Елизавета Васильевна поняла это и сказала:

— Правда, пойди купи хлеба, Сереженька... возьми два батона и половину бородинского.

Она дала ему денег, и мальчик пошел купить хлеба. Булочная была на углу, возле аптеки, из которой звонила матери по телефону-автомату. В булочной нужно было самому выбрать хлеб, и мальчик взял два батона и половину бородинского хлеба, потыкал их вилкой, как это делали другие, проверяя, не черствый ли хлеб, а на обратном пути зашел в молочную и купил бутылку молока, хотя Елизавета Васильевна не поручала ему этого. Но он сам должен понимать, что отец с утра ухаживает за ногами, у Елизаветы Васильевны больные ноги, а хлеб и молоко покупал прежде бабушка, и теперь кто-то должен заменить его.

— Умник, — сказала Елизавета Васильевна, когда он вернулся. — Я просто забыла про молоко... а черный кофе я папе не даю, ему вредно для сердца.

И мальчик подумал в эту минуту, что и с отцом мо-

жет когда-нибудь случиться так, как случилось с бабушкой, он должен быть всегда рядом с ним, сын, всегда только рядом с ним, и неужели мать не понимает, что Андрей Францевич совсем чужой для него человек и никогда не станет близким...

Отец вернулся только к вечеру, он был весь день на ногах, ездил куда-то представлять справки, заказывал необходимое, сказал сестре: «Послезавтра в четыре часа», — и мальчик понял, что послезавтра в четыре часа бабушку навсегда закопают в землю, он еще не мог представить себе, что бабушку сожгут...

Щегол прыгал в клетке, отец посмотрел вдруг в его сторону, сказал: «Насыпь корму Ефимке», — он подумал о том, что сегодня Василий Евграфович, наверно, не успел с утра насыпать корма, и мальчик поспешно ответил: «Я уже насыпал, папа... а корм теперь буду покупать я, на втором номере трамвая до самого рынка, я уже знаю».

Он хотел сказать отцу, что заменит теперь бабушку со всеми его заботами по дому и что отец не остался один, если сын рядом.

Стало уже темнеть, в ноябре темнеет рано, и на Садовой-Спасской зажглись огни, автомашины шли взад и вперед, целые вереницы красных, словно влажных огоньков, тянулись и площади Лермонтова или к Колхозной площади, и где-то, уже совсем уйдя в себя, совсем один, впервые в таком холодном и пустынном одиночестве, лежал Василий Евграфович и костенел и каменел постепенно... Это были, конечно, мысли отца, мальчик не мог думать так, он мог только угадывать по выражению лица отца, о чем тот думает, и хотел выразить ему то новое, что пришло в это утро.

— Ты только не говори ни о чем маме, папа, — сказал он, подойдя к отцу. — Если ты начнешь говорить с ней, она опять будет только сердиться и плакать. А Андрея Францевича я не буду любить, не думай, пожалуйста.

Он хотел сказать отцу, что никуда и никогда не уйдет от него, он будет всегда с ним, теперь особенно, а мать лучше не сердить, он всегда может сказать ей, что идет к товарищу: Митя Аршинов по математике первый ученик, и мать не против того, чтобы они готовили уроки вместе.

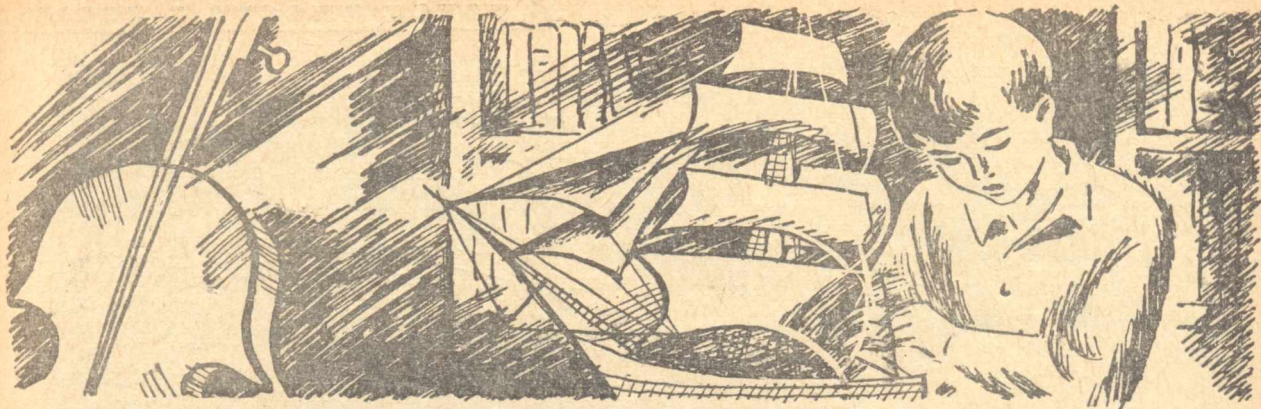
— А ты сможешь помогать мне по алгебре, когда я буду приходить, я теперь часто буду приходить, — сказал он, и отец как-то смутно посмотрел на него, ответил: «С алгеброй у меня неважно, но поднатужимся как-нибудь», — и им обоим стало сразу легко и спокойно, они сразу договорились обо всем.

Елизавета Васильевна обед не готовила, но отец и не хотел есть, он оставил макароны нетронутыми, в комнате без Василия Евграфовича стало совсем пусто, а возле дивана, на котором он спал обычно, висел на спинке стула его старенький свитер, и отец старался не глядеть на этот свитер, словно ожидающий, что его сейчас наденут... Потом отец подошел к окну, стал смотреть на вечернюю улицу, автомашины проходили с красными огоньками позади, как и на широкой Садовой-Спасской, и сын тоже подошел к окну, и они стояли рядом.

— Нет нашего бабушки, — сказал отец, и казалось, он не представлял себе, как будет теперь жить без него, а у Елизаветы Васильевны он поселился временно, но когда-нибудь устроится и его жизнь.

— Давай жить вместе, папа, — сказал сын. — А к маме я могу ведь приходить хоть каждый день, — но отец ничего не ответил и только отдувался, и тогда седел цветинка его усов поднималась к самому носу.

— Хуже нет, когда так, — сказал он наконец, — хуже нет, — и нельзя было понять, относится ли это к уходу деда или к тому, что случилось в жизни отца, а вернее в жизни их троих — отца и матери, и его, сына...

А дедушки не было, и все уже шло без него, его не было пока целый день, а потом его не будет целую жизнь.

Мать пришла перед вечером, сразу же еще в прихожей обняла Елизавету Васильевну, сказала:

— Никогда он не берег себя, Василий Евграфович... очень, очень жалею его!

Мать говорила, наверно, искренне, но мальчик думал, что она никогда не сможет понять, чем для него и для отца был Василий Евграфович, никогда она не поймет этого со своей новой жизнью. Мать сказала еще: «Я очень сочувствую тебе, Сережа», — и отец ответил: «Спасибо», — а потом мать спросила что-то, чего мальчик не услышал, и отец сказал: «Во вторник в четыре часа», — и мальчик снова не услышал, о чем еще сказала мать, но отец ответил ей с твердостью: «Нет, Сережа поедет. Ему уже двенадцать лет, нечего прятать его от жизни, я не хочу, чтобы он рос себялюбцем»; потом оба подумали, наверно, что мальчик может услышать их, замолчали, а он стоял в соседней комнате у окна, смотрел на синюю улицу, уши у него горели, он это чувствовал, и следовало подойти к матери и сказать ей, что он теперь особенно нужен отцу, он должен быть с ним, как же она сама не поймет этого?

Мать посидела еще, но говорить было не о чем, она томилась, и отец, и Елизавета Васильевна тоже томилась, и мать сказала наконец:

— Ну, что же, пойдем, Сереженьна, а завтра сообразим как и что.

Она надела ему на голову меховую шапку, а отец и Елизавета Васильевна стояли в дверях, и мальчик подошел к отцу, уже в пальто и меховой шапке, и когда отец наклонился, чтобы поцеловать его, сын сказал: «Я завтра с утра приду», — но этого никто, кроме отца, не услышал, и оба понимающе посмотрели друг на друга.

Они вышли на улицу, мать взяла сына за руку, в другое время он, наверно, отнял бы руку, чтобы не походить на маленького, но сейчас мать хотела выразить свою заботу и ласку, и он шел с ней, держась за руку.

— Дедушка уже совсем старенький был, — сказала мать, — когда-нибудь это должно было произойти. А ты в его память должен хорошо учиться, ведь дедушка прежде судостроителем был, большие корабли строил.

На шкафу у дедушки всегда стояла модель шхуны под парусами, и Василий Евграфович сказал раз внуку:

— Помру — возьмешь себе эту модельку. Я на такой шхуне в кругосветном плавании был, здесь все, как в натуре: и якоря, и полный такелаж.

Но теперь в комнате, где следовало бы поставить на полку эту шхуну, располагалась виолончель, и когда Андрея Францевича не было дома, она стояла по-хозяй-

ски, и рядом с ней по-хозяйски стоял пюпитр для нот.

— Василий Евграфович был ученый человек, — продолжала мать между тем. — У него и книги по кораблестроению есть, он сам их писал, и большие ледоколы он строил.

Но мать говорила о том, о чем мальчик знал, всегда гордился за деда, гордился и за отца.

— Уподобим жизнь кругосветному плаванию... штили редни, почаще бури да рифы, надо всегда быть готовым к этому. Вот и твой корабль насочил на риф... что ж — тонуть, что ли? — печально и строго сказал Василий Евграфович сыну в свое время.

— Я и не собираюсь, — ответил отец. — Судно покину, а до берега доберусь как-нибудь, плаваю я неплохо.

— Ну и правильно, — сказал дед, и они по-мужски поняли друг друга, но дед не знал, что и внук слышит их и тоже по-мужски соглашается с ними.

Мать была в этот вечер нежной и заботливой, она подождала, пока сын умоется в ванной, потом зашла в его комнату, он уже лежал в постели, смотрел перед собой, и ей стало жаль его, она, наверно, прочла его мысли.

— Люди должны уважать друг друга во всех случаях, — сказала она, — мало ли как случается в жизни, однако прежде всего нужно уважать друг друга.

Она говорила это через его голову отцу, и мальчик понимал, кому она говорит и что думает при этом.

— Я завтра в школу не пойду, — сказал он вдруг. — И послезавтра тоже не пойду. Послезавтра в четыре часа это будет, — и он опять думал о том, что дедушку закопают в землю, он не представлял себе, что его могут сжечь, как сжигают доску или дерево.

— Хорошо, хорошо, — сказала мать поспешно, чтобы он поменьше размышлял об этом и поскорее заснул. — Утро вечера мудренее.

Она поцеловала его в лоб и ушла, а он лежал с открытыми глазами, думал о том, о чем сказал отцу, прощаясь с ним, и тот сразу понял его... Потом мальчик услышал, как отперли дверь в передней, вернулся с концерта Андрей Францевич, и по его несильно тяжелым шагам можно было понять, что он несет виолончель, ставит ее уже на обычное место, а потом мать, наверно, расскажет ему, что умер дедушка, но он был уже совсем старый, и всему приходит конец. Она еще не знала всего происшедшего в жизни сына, который за один день стал взрослым и уже твердо решил для себя, что не уйдет от отца, и никто и никогда не заменит его. А потом, когда отец получит квартиру, они перевезут туда его книги, поставят на шкаф шхуну под парусами, и это будет значить, что и дед всегда с ними и они втроем останутся вместе всегда,

ЧУВСТВО РОДНОЙ ЗЕМЛИ

У каждого — своя голубая мечта детства. Моя — родилась на пороге, кажется, шестого класса. На все наинулы я оказался в плену нашей сельской библиотеки. Обручев, Купер, Жюль Верн, Миклуха-Маклай, я читал их запоем, до одури. Снились мне львы, мирно шествующие рядом с антилопами, рыжие, как пламень, собаки Динго, бегавшие наперегонки с полосатыми зебрами, огромные страусы, доверчиво протягивавшие мне свои маленькие головки.

Но как далеки были эти грезы от реальных возможностей сельского мальчишки, давно вышедшего из мальшешего возраста, когда, не страшась нинаних Бармалеев, отправлялся в «Африку пешком».

Тем сильнее поразила меня тоненькая книжечка со странным певучим названием: «Аскания-Нова». Недостигаемое оказалось... совсем рядом, на землях моей республики! И туманная мечта приобрела сразу осязаемые формы — побывать в Аскании-Нова.

Однако и ее удалось осуществить не сразу. Шли годы, мирные, военные и снова мирные. Я уже успел солдатом побывать в некоторых зарубежных странах. Немало колесил по родной стране и навсегда впитал

в себя радость, рождаемую неброской красотой степей и неповторимыми пьянящими запахами свежежесеного сена, костром на берегу известной речушки и зовущим голосом иволги. А загадочная и такая близкая Аскания-Нова все также оставалась вне моих маршрутов.

Но, как нередко случается, мечта сбылась неожиданно...

И вот я уже в Херсоне, откуда на рейсовом автобусе отправляюсь в Асканию-Нова. Мои попутчики — асканийцы, люди разного возраста, профессии, но все — патриоты своего замечательного заповедника. На меня посыпались вопросы, советы, пожелания. «Как, вы до сих пор еще не побывали в нашей Аскании?»; «Надо было весной приехать, когда степь цветет — играет»; «Сначала поезжайте в степь»; «Нет, лучше начинать с ферм, лабораторий»; «А я советую — с ботанического парка, с водонапорной башни. Вода здесь — начало всему живому».

Вот и дорожный щит — олень, распластанный в стремительном беге — герб Аскании. И тут, забыв о всех советах «придерживаться последовательности», я ринулся в степной, унікальный у нас в стране Асканийский зоопарк.

Мне посоветовали найти кандидата биологических наук старшего научного сотрудника Андриевского: он тут все живое знает, покажет, расскажет. Но легко сказать «найти». «Не видели Андриевского?»; «Пошел к страусам»; «Нет, вроде направлялся к бизонам»; «Только что был у

антилоп», «А вы на вышку лезьте, оттуда скорее найдете».

Вышка старая, деревянная, поднимаюсь на небольшой помост и... попадаю в сны далекого моего детства. Желтеющая знойная степь, местами покрытая колючим нустарником, расстилается передо мной. И вдруг «нустарник» рывком поднимается оленьим стадом. Что-то встревожило вождя. Он мчится впереди, низко опустив могучую голову. А следом летят пятнистые лани и лани-альбиносы, знаменитые асканийские гибриды, и гости тундры — северные олени, сибирские косули, и могучие африканцы — вапити, — крупнейшие среди благородных оленей.

Другие животные спокойно пасутся поодаль, образуя живописные группы.

В Асканийском зоопарке акклиматизируются, размножаются и отправляются во многие зоопарки мира сотни экзотических животных. У себя на родине дикие животные, за километр учуяв человека, бросаются в паническое бегство. А здесь, когда мы вместе с Сергеем Коваленко, служителем по уходу за дикими копытными, отправились в высокой тряской телеге, нагруженной мешками с нормом по загону, они встречали нас по-другому. Зебры приветствовали появление подводы радостным ржанием. Канн охотно отыскивались на знакомый голос Коваленко, подходили к нему и не менее охотно «позирировали» перед аппаратом. И трепетные лани бежали за подвой, словно домашние телята.

**В ЧАСЫ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**

Нашел я, наконец, и Андриевского. Он был в лаборатории, если можно так назвать маленькую клетушку при антилопнике.

— Здесь зимуют канны, — объяснил он мне, — гордость зоопарка. Сегодня в Аскании, пожалуй, единственная в мире молочно-товарная ферма. А через два-три десятка лет колхозные антилопы фермы станут в степях Таврии такими же обычными, как и коровы. Канны отлично акклиматизируются, дают здоровое потомство. Мясо — деликатес. Молоко надаиваем до 4—6 литров с головы. По жирности и целебным свойствам антилопье молоко не знает себе равных. Ну, а вкус? Впрочем, продегустируйте сами.

Пью из мензурки густую вязкую жидкость. Что-то вроде наших сливок, но куда ароматнее и нежнее.

Потом знакомимся с асканийским орнитопарком. Тут пернатые объясняются на всех существующих птичьих наречиях и диалектах. Дикая крыква и огарь, серый гусь, белый гусь, грациозный лебедь-шилуи и австралийские черные лебеди. Индийские горные гуси неплохо чувствуют себя в компании краснозобых арктических казарок, с ближайшей ветки распустил свои золотистые перья китайский фазан. Навстречу нудрявому неуклюжему пеликану гордо вышагивают длинноногие фламинго, отбрасывая на воду розовые тени. Привольно и спокойно здесь дикий птице, и она слетается отовсюду. На густо населенных прудах Аскании царит мир, дружба и... любовь. Последняя, и радости сотрудников, чаше всего за-

вершается редчайшим гибридным потомством.

Заповедник Аскании-Нова пользуется всемирной славой. Едут сюда со всех концов Советского Союза. С каждым годом все больше зарубежных гостей — из Польши, Венгрии, ГДР, Англии, Америки, Канады, Австралии и многих других стран.

«Впервые была в Аскании-Нова и получила массу впечатлений», — пишет преподаватель биологии из Улан-Удэ. «Ценность Аскании-Нова, — отмечает народный художник РСФСР В. Ватагин, — измеряется масштабами мировыми, а не только Советского Союза. Безмерно рады, что эта жемчужина выдержала все посягательства на ее существование. Аскания-Нова — это наша гордость. Для нас, художников, Аскания всегда была и остается источником вдохновения». «Прочитав книгу Перовской «Остров в степи», — записала одна харьковская учительница, — все годы мечтала посетить ваш зоопарк. Нет слов, чтобы выразить благодарность тем, кто сохранил жемчужину степи».

Я хорошо понимаю чувства, которые пережили авторы записей, я сама чувствую то же. Посещение Аскании-Нова пробудило во мне желание говорить о туризме. И не вообще, а — по замечательным заповедникам нашей страны. И не только с друзьями-взрослыми, но еще лучше — со своим сыном, с дочерью, с детьми. Пусть они учатся различать запахи и краски степи, голоса марала и выпи, тревожный крик водяного илынастого оленя и трубное мычание антилопы. Умение понимать, любить, каждой

жилкой чувствовать природу делает человека добрее, лучше, обогащает его физически и духовно.

Всегда ли мы, педагоги, родители, помним об этом? Всегда ли осознаем, насколько важны эти первые родительские уроки понимания природы, они же — уроки патриотизма? Ибо живая любовь к родной стране растет и крепнет, когда становятся понятными и близкими

Ее степей холодное молчание,
Ее лесов безбрежных нолыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Работа, сутолока будней, напряженный ритм городской жизни отдаляет нас и от природы и от наших детей. Что еще может так сблизить, как совместное путешествие, пешие походы по родному краю, беседы у костра, ночевка в степи, под открытым небом, когда видишь, слышишь, как «звезда с звездою говорит»?

Я еще раз убедился в этом в свой последний асканийский день, в заповедной степи. Повез меня туда на неутраченном своем «нозлине» шофер М. Кузьменко. По дороге встретил нас орел. Он спокойно кружил над нами, даже дал себя сфотографировать. Степные колючики, нахохлившись, взирали на нас с таким равнодушием, как и скифская баба, бог весть когда и кем врытая в седой ковыльный холмик.

— Ни колесного, ни конского следа. Абсолютно целинная! — восторженно заговорил шофер. — Вот было ведь: заставляли наших трактористов пахать заповедную. Пахали и плакали. По ней, может, войско Игореево проходило. Может, топтали тут копыла да типчак кони Богдана Хмельницкого. Водили по степи здешней свои полки Фрунзе и Буденный. Да и на наш век хватило тут и крови, и пота. «Степь да степь кругом»... От нее, может, пошла, началась наша земля. Сколько песен о матери-степи сложено! Как ее не любить, не беречь?

Я мечтаю о том дне, когда рядом со мной на асканийской смотровой площадке встанет и мой сын.

Рисунки Г. Козлова

НА РЕЧКЕ

Рисунок А. Шкрябо

В воображении моем создавалась картина нашей драки: мы с Васькой катаемся по земле, вцепившись друг в друга, он меня царапает, а я его. Никто пощады не просит, бесконечно долгое время катаемся, царапаемся и кусаемся...

Глупость, конечно, если рассудить: отправляемся после уроков драться, вместо того чтобы пойти домой obedать.

Спор был, кому на последней парте возле окна сидеть. Место незаметное и обзорное. Хочешь всю улицу обозревай, а хочешь — весь класс. К доске раз в месяц вызовут, а то и того меньше. Опустить голову, тебя и не видеть. Вроде бы ты и в классе, а вроде бы тебя нет. Замечательное, в общем, место. Сашна там раньше сидел, одни пятерки получал. Сашна конклюшем заболел, и место освободилось. Васька взял туда и сел. А я давно на это место метил. Можно сказать, мечтал туда уединиться.

Пишу Васье записку: «Освобождай место, я его раньше приметил». Он мне отвечает: «Кто раньше сел, тот и сидит». Он раньше сел, но я раньше приметил. Я ему пишу: «Кто раньше приметил, тот и должен сидеть, а не тот, кто сразу сел». Он мне отвечает: «Сначала докажи, что ты раньше приметил, а потом садись». Как же я докажу, вот хитрец! Я ему кулаком погрозил, а он смеется.

На перемене подхожу, заявляю свои законные требования, а он их законными не признает. Неужели не

понимает, что я давно мечтал на последней парте сидеть! Хватаю его за рукав и тяну. А он не поддается. Тянул его, тянул, разозлился и — щелк ему в нос!

В это время звонок. Я на место. Попробую его на следующей перемене вытащить.

Он мне записку пишет: «Ты за это получишь!» Я ему кулак показал, чтобы он знал, кто получит. Тем более мне получать не за что, а ему есть. Он на мое место сел, а не я на его.

На следующей перемене я его тащить начал, так он мне в нос щелкнул.

И вот теперь отправляемся мы на речку драться.

Школа у нас на горе помещается. А внизу речка. Полянна. Знаменитый русский художник Левитан, говорят, писал здесь свои пейзажи. Уютное местечко. Лучшего места для драки не сыскать.

Спустились по тропинке на полянку. Трава всяюгу зеленеет. Птицы галдят на деревьях. А рядом речка журчит. И лошади воду пьют.

Стоим мы с Васькой среди настоящей весны. Замечаем в небе самолет и глядим на него с удовольствием. Потом с удовольствием гоняем по траве чей-то старый ботинок, мочим в речке ноги, загораем без маек, болтаем обо всем на свете и договариваемся сидеть на той парте по очереди до тех пор, пока Сашна не выздоровеет.

Виктор ГОЛЯВКИН

СКОРОГОВОРКИ

На досуге можно сыграть в скороговорки. Кто правильно, без запинки три раза скажет предложенную скороговорку, тот получает приз.

Вот некоторые из скороговорок.

Веселей, Савелий, сено пошевеливай.

Ткет ткач ткани на платки Тане.

От топота копыт пыль по полю летит.

Полпогреба репы, полкопны гороха.

Во дворе — трава, на траве — дрова.

Сшит колпак не по-колпаковски, надо его переколпаковать, да переколпаковать.

Рапортовал, да не дорапортовал, а стал дорапортовывать — зарапортовался.

Подумай!

На аптекарском пузырьке написаны буквы. Сверху и слева от них стоят знаки. Пользуясь этими знаками как ключами к отгадке, прочтите фразу. Буквы вписывайте в клетки, под знаками, изображенными на цветке.

Лепка

Многие дети любят лепить. У ребенка вырабатывается эстетический вкус, чувство пропорции. Лепка развивает мышцы пальцев, укрепляет кисти. Как правило, свои незамысловатые фигурки ребята делают из пластилина. Но есть более доступный материал — глина.

Самая лучшая для лепки жирная глина встречается по берегам рек и в низких местах. Прежде чем приступить к работе, ее надо соответственно подготовить. Здесь детям должны помочь взрослые.

Напопанную глину просушите на воздухе. Затем оберните ее в плотную ткань, разбейте и удалите все посторонние примеси (камешки, кусочки стекла, щепки). Полученные комочки разделите на две части. Большую положите в ящик, обитый оцинкованным железом, или в бочку и залейте водой. Часов через пять невпитавшуюся воду слейте, и пусть материал постоит еще около суток. Теперь тщательно перемешайте глину и пальцем проведите по ней линию. Если она получится четкой и не будет расплываться — можно приступать к лепке. В противном случае добавьте до нужной вязкости остатки сухих комочков.

Проверьте глину на жирность: вылепите столбик длиной в 8—10 см, толщиной в палец и поставьте его. Столбик сразу начнет килониться — значит, глина слишком жирна и необходимо добавить сухие комочки.

Для работы возьмите заранее сделанные фанерные подкладки размером 25 × 25 см, оббитые округленными деревянными бортиками сечением 1,5 × 1,5 см, блюдечко с бойковой тряпочкой, смоченной в воде, но неотжатой. Воду давать младшим детям не следует, они не умеют ею пользоваться: разжижают глину, пачкают стол, одежду. К слову сказать, лучше, когда ребенок работает в халатике или фартуке.

Теперь подготовьте глину окончательно: сделайте большой цилиндр и сплющите его сверху деревянным бруском. Тонкой стальной проволокой разрежьте глину на мелкие части по размерам, близким к брикетам пластилина (примерно 10 × 3 × 2 см).

С первых же занятий приучайте ребенка и правильной позе: лепить, положив обе руки до локтей на стол, не прижиматься к нему грудью, сидеть без напряжения.

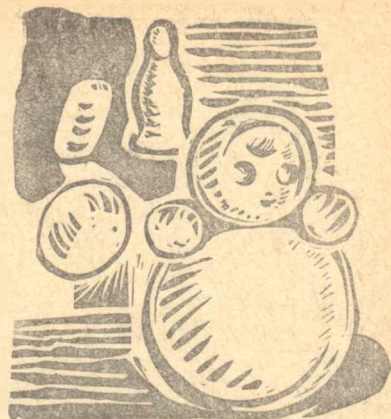
Помогите ребенку освоить движения рук и пальцев. Покажите кругообразные движения ладонями (скачивание шарика), продольные (изготовление цилиндрика), сплющивание и т. д. Овладев этими приемами, дети захотят перейти к лепке знакомых предметов. Направьте внимание ребенка на простой, но обязательно пластичный по форме предмет. Совместно вы выбрали куклу. Сделать ее можно двояко: из целого куска или из отдельных частей. Но ни то, ни другое недоступно ребятам, только начинающим лепить. Найдите среднее решение: подберите куклу — матрешку или неваляшку, формы которых пластичны и доступны для воспроизведения.

Первую можно вылепить из целого куска, вторую — методом конструктивной лепки. При соединении отдельных частей их необходимо смачивать увлажненной тряпочкой.

Готовую скульптуру можно покрасить гуашью. Делать это нужно осторожно: не водить кистью по одному и тому же месту. Положите быстро первую полоску краски, рядом с ней — другую и т. д.

Если глину нужно сохранить в готовности для следующего занятия, то скатайте ее в комок, заверните в мокрую тряпку и положите на тарелку или в полиэтиленовый мешок. Нельзя оставлять материал на фанерных подставках, так как они деформируются, а глина сохнет и становится непригодной к работе.

Н. ЛИТВИНОВА

ЖИВОТНЫЕ — НАШИ ДРУЗЬЯ, НО...

Домашние животные — друзья человека. Однако общаться с ними нужно осторожно.

Собаки, кошки могут заразить человека глистами, стригущим лишаем. Нельзя позволять животным лизать ваше лицо, руки, спать на одной с вами постели, диване, есть из той же посуды, которой пользуются люди.

Возьмите себе за правило после каждой встречи с животными обязательно мыть руки!

На ногтях собак и кошек всегда есть грязь, которая зачастую содержит микробы столбняка или газовой гангрены. Поэтому, если вас оцарапали, ранку надо смазать йодом, а при серьезной травме сделать противостолбнячную прививку.

Бешенство собак, кошек, сви-

ней, крупного рогатого скота и лошадей смертельно опасно для людей. Опасен не только укус больного животного, но и попавшая на ранку или трещинку на теле человека слюна или молоко. При малейшем подозрении на заражение немедленно надо обратиться на пастеровскую станцию, а животное доставить в ветлечебницу или изолировать.

Систематически делайте собакам профилактические прививки от бешенства.

Опасны для человека животные, имеющие рога. Берегайте детей от общения с ними.

Остерегайтесь и домашних птиц, в особенности драчливых петухов. Они могут повредить глаз, поранить.

В. ЗАМАЛИН

Раз, два — и в дамки!

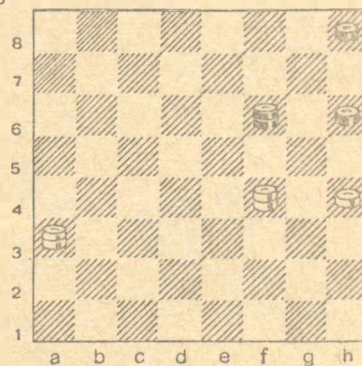
Отдел ведет заслуженный тренер СССР
Ю. БАРСКИЙ

НОВИЧКИ, ДЛЯ ВАС!

Вы, конечно, знаете, что дамку, занявшую большую дорогу, тремя дамками не поймать...

А в данном случае она ловится. Причем нужны всего два точных хода.

Найдите их.

Рисунки
Л. Филипповой

счастливая натка

Ольга СМЕРНОВА

В соседнем доме у Славки Шилова была собака Пальма, а у Пальмы был щенок.

Соседские ребята гордились своим «зверинцем». Но зря они задирали перед нами нос, потому что Славка обещал подарить нам щенка, как только тот подрастет.

Мы с нетерпением ждали этого дня и часто бегали смотреть на пушистого Славкиного питомца.

И вот однажды Славка пришел к нам во двор со щенком на руках.

Мы никак не могли договориться, у кого же он будет жить.

Тогда Славка сказал:

— Я знал, что вы будете спорить, поэтому не сказал вам, как зовут щенка. А ну-ка, кто отгадает? Ребята молчали.

— Тому, кто отгадает его кличку, — продолжал Славка, — он и достанется...

Все загалдели, сгрудились у скамейки, на которую Славка усадил щенка.

— Не все сразу, начинайте по очереди.

Каких только собачьих кличек мы не перебрали: «Тузик! Бобик! Джек! Дружок!»

Славка только улыбался и отрицательно качал головой.

Наконец, самой младшей из нас, четырехлетней Натке, видимо, надоело это пустое занятие. Она отошла к другой скамейке и стала складывать на земле башню из картонных кубиков. Сначала самый большой кубик, потом поменьше, еще меньше... Башня росла.

А остальные не желали сдаваться и все еще, хотя реже, выкрикивали клички.

— Бишка, Бишка, Бишка! — пятась назад, говорил Вовка и даже похлопывал по годой коленке ладонью. Но щенок сидел на месте. А Вовка не отступался и все пятился назад, маня к себе щенка. И вдруг во дворе раздался звонкий Наткин голос:

— Кубик, кубик! Ты наступишь на кубик!

Но было поздно: самый маленький кубик, который должен был украсить верхушку башни, сплюснулся под каблук Вовкиной сандали.

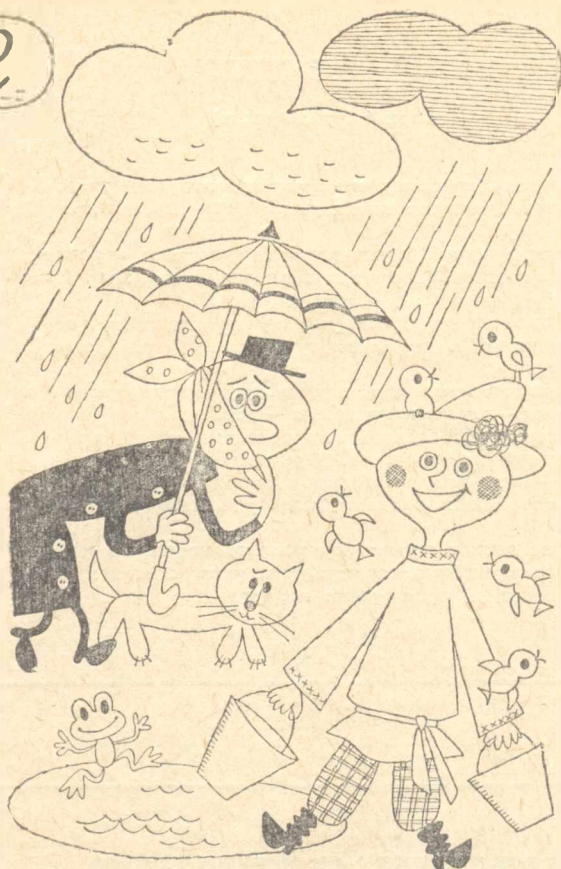
Готовая разреваться, Натка от обиды оцепенела. Но в это время щенок с гавканьем подлетел к ней и, подпрыгнув, лизнул прямо в лицо.

— Поздравляю, Натка! Теперь это твой щенок. Его зовут Кубиком, — сказал Славка.

Ох и Ах

Людмила ЗУБКОВА

Жили рядом ОХ и АХ
 Друг от друга в двух шагах.
 АХ — шутник и хохотун,
 ОХ — отчаянный ворчун.
 Хлынул дождь,
 Ударил гром...
 АХ
 Бежит с пустым ведром.
 АХ
 Прищурился хитро:
 — Туча!
 Лезь в мое ведро!
 Хлынул дождь,
 Ударил гром...
 ОХ
 Нырнул под крышу, в дом.
 ОХ
 Ворчит-ворчит-ворчит:
 — Этот гром,
 Как зверь рычит!
 Ноет ОХ:
 — Ох! Ох!
 Я от грохота оглох!
 АХ
 С улыбкой ахнул:
 — Хорошо ба-бахнул!

Владимир ФАИНИН

Тара-тара-тарабан!
 Сели мыши в шарабан!
 Кучер-крот...
 А рысаки —
 Рыжий кот
 И гусаки.
 Крикнул кучер:
 — Берегись!
 Рыжий кот услышал:
 «Брысь!»
 Прыг со страху
 Через ров —
 Опрокинул седоков!..
 При-е-хали!..

КУКЛЫ ИЗ НИТОК

(Смотри 4 стр. обложки)

Из ниток (ирис, мулине, цветная штокпа) телесного цвета делается виток длиной 10—12 сантиметров.

Середина пучка перетягивается узлом и перегибается пополам. Узлом завязывается место шеи. Из витка 4—5 сантиметров делают руки.

Их вкладывают в середину пучка, под шею, перпендикулярно, и под ними туго завязывается узлом место талии.

Из ниток синего или коричневого цвета делают две точки — глаза, из красных — рот.

Волосы лучше сделать из шерстяных ниток, предварительно их расчесав. Прическу выбирают «к лицу» — косы или короткую стрижку. Волосы пришивают тонкими нитками, подобранными под цвет волос.

Мелкие детали можно подправлять клеем. На кончик иголки набирается чуть-чуть клея и наносится на то место, которое нужно подправить.

Одевают куклу тоже сверху.

Нитки, ровно уложенные в 5—7 рядов, крест-накрест перебросить через плечи и в талии перетянуть и завязать узлом ниткой того же цвета. Это кофта.

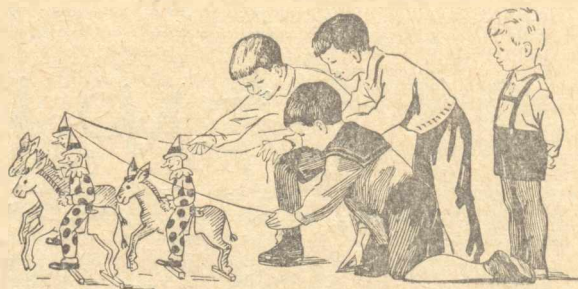
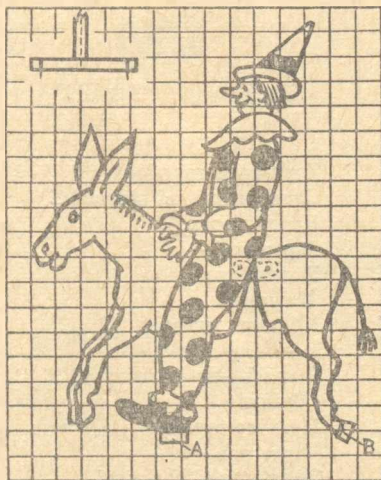
Юбку нужно связать. Сначала вяжут шнурок из 9 петель и замыкают его в кружок. Первый ряд вяжется столбиками с одним накидом и одной воздушной петлей. Второй ряд вяжется кустиком, то есть в одну петлю вяжут два столбика с одной воздушной петлей между ними. Между кустиками воздушные петли делать не надо. Четвертый и пятый ряды провязываются так же, только в каждом кустике прибавляется по столбику. Юбку можно и сшить. Прямой лоскуток из накрахмаленного материала сшивается по бокам и потом собирается на нитку в талии.

Делают юбку и из бумаги. Для этого трубочку обертывают нитками, подправив их клеем.

Нижние нитки фигурки обернуть фунтином из бумаги, протащить фигурку в круг — отверстие юбки — и закрепить юбку на талии. Для фартучка можно использовать и кружева и собранные нитки.

В. МАРТЫНОВА

СКАЧКИ ОСЛИКОВ

Выпилите из фанеры фигурки, как показано на рисунке. Переднюю и заднюю часть ослика скрепите жестью или резиной. К голове всадника прикрепите суровую нитку или тонкую бечевку. При натяжении нитки ослик будет передвигаться.

Чтобы фигурка не соскальзывала назад и была более устойчивой, на опорных копытах ослика и ногах всадника гвоздиками крепятся маленькие брусочки.

В зависимости от натяжения нитки и качества изготовления фигурки, вашей ловности зависит, придет ли ваш всадник к финишу первым.

Г. БОВЫКИНА, С. ГЛАЗЕР

КУПАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ

ОСНОВА ЦЕЛЬНОКРОЕНОГО КУПАЛЬНОГО КОСТЮМА

Для построения чертежа выкройки купального костюма необходимо снять следующие мерки:

Полуобхват шеи	18
» груди	44
» талии	35
» бедер	50
Длина спины до линии талии	33
Ширина спины	18
Высота сидения	27
Ширина плеча	13,5
Центр груди	9

ПОСТРОЕНИЕ ЧЕРТЕЖА ВЫКРОЙКИ

Длина купального костюма. С левой стороны листа бумаги, сантиметрах в 8 от верхнего среза, проводят вертикальную линию, на которой откладывают мерку длины спины плюс мерку высоты сидения, плюс 10 см и ставят точки А и Н ($АН = 38 + 27 + 10 = 75$ см). Из точек А и Н вправо проводят горизонтальные линии.

Ширина купального костюма. От точки А вправо по горизонтальной линии откладывают мерку полуобхвата груди плюс 2 см и ставят точку В ($АВ = 44 + 2 = 46$ см). Из точки В опускают перпендикуляр до пересечения с нижней линией, точку пересечения обозначают H_1 .

Длина до линии талии. От точки А вниз откладывают мерку длины до линии талии и ставят точку Т ($АТ = 38$ см). Из точки Т вправо проводят горизонтальную линию. Точку пересечения с линией $ВН_1$ обозначают T_1 .

Линия бедер. От точки Т вниз по линии АН откладывают $1/2$ длины спины до линии талии и ставят точку Б ($ТБ = 38 : 2 = 19$ см). Из точки Б вправо проводят горизонтальную линию. Точку пересечения с линией $ВН_1$ обозначают B_1 .

ПОСТРОЕНИЕ ЧЕРТЕЖА ВЫКРОЙКИ ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ КУПАЛЬНОГО КОСТЮМА

Ширина спинки. От точки А вправо по линии АВ откладывают мерку ширины спины (18 см) и ставят точку A_1 .

Ширина проймы. От точки A_1 вправо по линии АВ откладывают $1/4$ мерки полуобхвата груди минус 1 см и ставят точку A_2 ($A_1A_2 = 44 : 4 - 1 = 10$ см). Из точек A_1A_2 опускают перпендикуляры.

Срез горловины. От точки А вправо по линии АВ откладывают $1/3$ мерки полуобхвата шеи плюс 0,5 см и ставят точку A_3 ($AA_3 = 18 : 3 + 0,5 = 6,5$ см). Из

точки A_3 восставляют перпендикуляр, на котором от точки A_3 вверх откладывают $1/10$ мерки полуобхвата шеи плюс 0,8 см и ставят точку A_4 . Точки A_4 и А соединяют плавной линией.

Плечевой срез спинки. От точки A_1 вниз по вертикальной линии откладывают 3 см и ставят точку П. Точки A_1 и П соединяют прямой линией, на которой от точки A_1 откладывают мерку ширины плеча и ставят точку P_1 .

Глубина проймы. От точки П вниз по вертикальной линии откладывают $1/4$ мерки полуобхвата груди плюс 7 см и ставят точку Г ($ПГ = 44 : 4 + 7 = 18$ см). Через точку Г вправо и влево проводят горизонтальную линию до пересечения с линиями АН и $ВН_1$. Точку пересечения с линией АН обозначают G_1 , точку пересечения с линией $ВН_1$ обозначают G_3 .

Срез проймы спинки. От точки Г вверх по линии откладывают $1/10$ мерки полуобхвата груди плюс 2,5 см и ставят точку P_2 ($ГР_2 = 44 : 10 + 2,5 = 6,9$ см). Угол в точке Г делят пополам, от точки Г по линии деления угла откладывают $1/10$ мерки ширины проймы плюс 1,3 см и ставят точку P_3 ($ГР_3 = 10 : 10 + 1,3 = 2,3$ см). Линию $ГР_2$ делят пополам и ставят точку G_4 . Точки P_1, P_2, P_3, G_4 соединяют плавной вогнутой линией.

Срез проймы полочки. От точки G_2 вверх по вертикальной линии откладывают $1/4$ мерки полуобхвата груди плюс 5 см и ставят точку P_4 ($Г_2P_4 = 44 : 4 + 5 = 16$ см). Из точки P_4 влево проводят горизонтальную линию, на которой

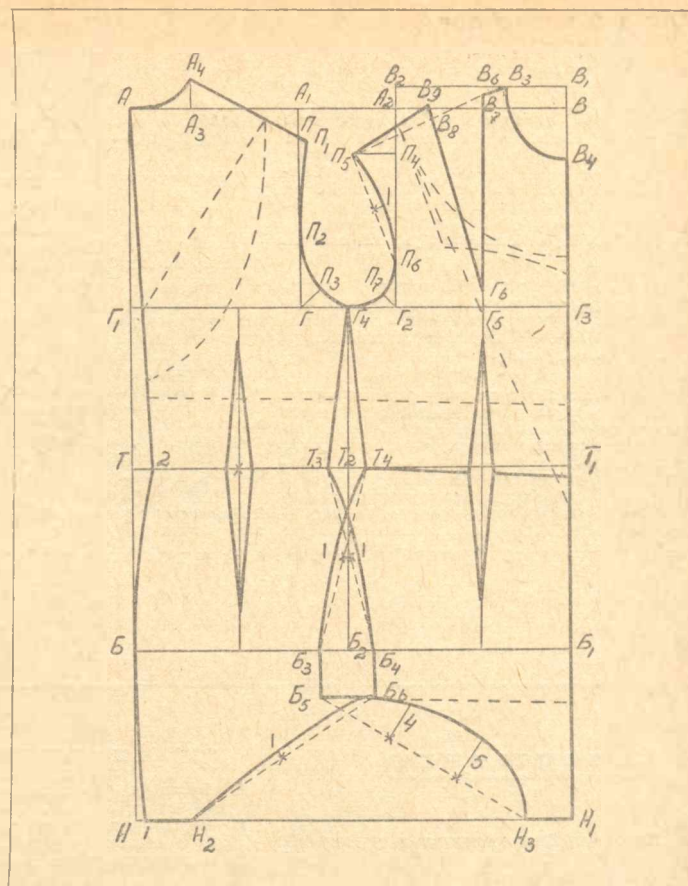
откладывают $1/10$ мерки полуобхвата груди и ставят точку P_5 ($P_4P_5 = 44 : 10 = 4,4$ см). От точки G_2 вверх по вертикальной линии откладывают $1/10$ мерки полуобхвата груди плюс 0,2 см и ставят точку P_6 ($Г_2P_6 = 44 : 10 + 0,2 = 4,6$ см). Точки P_5 и P_6 соединяют пунктирной линией, делят ее пополам, от точки деления восставляют перпендикуляр на 1 см. Угол в точке G_2 делят пополам, от точки G_2 по линии деления угла откладывают $1/10$ ширины проймы плюс 0,6 см и ставят точку P_7 ($Г_2P_7 = 10 : 10 + 0,6 = 1,6$ см). Точки P_5, P_6, P_7, G_4 соединяют вогнутой линией.

Подъем полочки. От точки G_3 вверх по линии $ВН_1$ откладывают $1/3$ мерки полуобхвата груди плюс 1 см и ставят точку B_1 ($Г_3B_1 = 44 : 3 + 1 = 23$ см). Из точки G_2 вверх по линии $Г_2A_2$ проводят вертикальную линию такой же длины и ставят точку B_2 . Точки B_1 и B_2 соединяют прямой линией.

Срез горловины полочки. От точки B_1 влево по линии $В_1B_2$ откладывают $1/3$ мерки полуобхвата шеи плюс 0,5 см и ставят точку B_3 ($B_1B_3 = 18 : 3 + 0,5 = 6,5$ см). От точки B_1 вниз по линии $В_1H_1$ откладывают $1/2$ мерки полуобхвата шеи плюс 2 см и ставят точку B_4 ($B_1B_4 = 18 : 2 + 2 = 11$ см). Точки B_3 и B_4 соединяют плавной вогнутой линией.

Центр груди. От точки G_3 влево по линии $Г_3G_1$ откладывают мерку центра груди (9 см) и ставят точку G_5 . Из точки G_5 восставляют перпендикуляр до пересечения с линией $В_1B_2$. Точку пересечения обозначают B_5 .

Из точки G_5 вверх по вертикальной линии откладывают 2 см и ставят точку G_6 .

Плечевой срез и линия нагрудной вытачки. От точки B_0 вниз откладывают 1 см и ставят точку B_7 . Точки B_7 и B_0 соединяют прямой линией. Точку B_7 соединяют пунктирной линией с точкой P_1 . От точки P_1 по пунктирной линии вправо откладывают мерку ширины плеча минус расстояние от точки B_3 до точки B_7 и минус 0,3 см и ставят точку B_8 ($P_1B_3 = 13,5 - 2,5 - 0,3 = 10,7$ см). Точки G_0 и B_8 соединяют прямой линией, на продолжении которой от точки G_0 откладывают отрезок B_7G_0 и ставят точку B_9 . Точки B_9 и P_5 соединяют прямой линией.

Боковой срез. Из точки G_4 опускают перпендикуляр до пересечения с линией BB_1 . Точки пересечения перпендикуляра с линией талии и линией бедер обозначают T_2 и B_2 .

Величина раствора вытачек по линии талии. Величина раствора вытачек по линии талии равна мерке полуобхвата груди минус мерка полуобхвата талии плюс 2 см ($44 - 35 + 2 = 11$ см). Величина раствора вытачек в боковых срезах равна $1/3$ общей величины раствора ($11 : 3 = 3,7$ см). Величина раствора передней вытачки равна $1/3$ величины раствора вытачек минус 1 см $11 : 3 - 1 = 2,7$ см.

Величина раствора среза спинки равна 2 см.

Величина раствора вытачки на спинке равна величине раствора всех вытачек минус величины раствора вытачки в боковом срезе, величины раствора передней вытачки и величины вытачки на срезе спинки $11 - 3,7 - 2,7 - 2 = 2,6$ см.

Оформление среза спинки. Из точки H вправо по горизонтальной линии откладывают 1 см. От точки T вправо откладывают величину раствора среза — 2 см. Точки A и 2 соединяют прямой линией. Точки 2 , B_1 и 1 соединяют плавной линией.

Расширение купального костюма по линии бедер. На свободное облегание к мерке полуобхвата бедер прибавляют 1 см. Из полученной суммы вычитают расстояние, равное BB_1 . $BB_1 = 50 + 1 - 46 = 5$ см. Полученную величину делят поровну между полочкой и спинкой $5 : 2 = 2,5$ см. От точки B_2 влево и вправо откладывают по 2,5 см и ставят точки B_3 и B_4 .

Оформление бокового среза. Точки B_2T_4 и B_2T_8 соединяют пунктирными линиями, делят их пополам, от

точек деления восстанавливают перпендикуляры на 1 см. Точки G_4 , 1 , B_3 и T_2 , 1 , B_4 соединяют плавными линиями. Из точек B_3 и B_4 опускают перпендикуляры на 4–5 см и ставят точки B_5 и B_6 .

Шаговые срезы. Из точки 1 вправо по линии HH_1 откладывают 5 см и ставят точку H_2 . Из точки H_1 влево по горизонтальной линии откладывают 5 см и ставят точку H_3 .

Нижние срезы. Точки H_2 и B_6 соединяют пунктирной линией, которую делят пополам, из точки деления восстанавливают перпендикуляр на 1 см. Точки H_3 , 1 , B_5 соединяют плавной вогнутой линией. Точки H_3 , B_5 соединяют пунктирной линией, делят пунктирную линию на три равные части. От правой точки деления восстанавливают перпендикуляр на 5 см, от левой точки деления восстанавливают перпендикуляр на 4 см. Точки B_5 , 4 , 5 , H_3 соединяют плавной линией.

Линия талии переда. От точки T_1 вниз откладывают 1 см и ставят точку T_2 . Точки T_5 и T_4 соединяют плавной линией.

Г. ВОЛЕВИЧ,
художник-модельер

Содержание

Навстречу Всесоюзному съезду учителей
Наши интервью 2–7
Г. М. Кржижановский. Из вос-
поминаний об Ильиче 8

СЕМЬЯ И ДЕТИ

Б. Лихачев. Лично ответственен 10
К. Запороженко. Вовкины худо-
жества 13
Консультационный пункт «Семья
и школы» 14
М. Богодельщикова. Дарить мир
радостью! 15
К. Гуревич. Профессия и инди-
видуальность 17
А. Левшин. Лето зовет 20
А. Орлов. Чем дорог нам Шацкий
Из педагогического наследия 24
А. Фролов. Дневник отца 26
А. Лукашевич. Душа семьи 28

ШКОЛА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

А. Проханов. Моряки из горя-
чей степи 30
Е. Вершинина. Театр «Юность» 32
Трибуна общественника 34
По материалам местных газет 35

ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»

Т. Козаченко. А Коля ждал 36
С. Попов. Брось, это — бяка! 37
Е. Булавин. Дурной пример —
Л. Бобровников. Марина, Марина,
Марина —
П. Костенков. Рождается при-
вычка к труду 38
А. Перезовникова. Без оплаты 39
А. Мануйлова. Не хватает — глав-
ного —
Л. Кабалина. Скорее исправить
ошибку 40
Д. Айзенберг. Школе — вишневый
сад 41
И. Ковалев. Подснежник —
Строки из писем —

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Савченко. Дружеские беседы 42
И. Анемподистов. КВН, как он
есть 44
Коротко о книгах 45
А что в других журналах? 47
Картинная галерея 49
Д. Козель. В школах гетто 50
Вл. Лидин. Шхуна под парусами 52

В ЧАСЫ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Б. Хандрос. Чувство родной земли 56
В. Голявкин. На реке 58
Н. Литвинова. Лепка 59
Для малышей 60
В. Мартынова. Куклы из ниток 62
Г. Золевич. Купальные костюмы 63

На 1-й странице обложки:
Не мешайте им! Фото В. Рубина.

На 4-й странице обложки: Иллю-
страция к рубрике «Сделай сам».

Главный редактор А. Г. ОРЛОВ. Редакционная коллегия:
Е. И. ВОЛКОВА, С. А. ГУРЕВИЧ, Б. В. ИГРИЦКИЙ,
Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА,
Р. М. РОГОВА, П. К. ХОЛМОГОРЦЕВ, О. Э. ЧКАЛОВА,
М. Ф. ШАБАЕВА, Л. А. ШНАЙДЕР.

Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. При пе-
репечатке ссылки на «Семью и школу» обязательны.

Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8

Телефоны редакции: 45-03-73, 45-12-14, 45-23-69

Издательство «Просвещение»

А03622. Подписано к печати 13/V 1968 г. Тираж 1 414 600
(1—700 000) экз. Зак. № 1665. Бумага 84×108¹/₁₆. Печ. л. 7,14.
Бум. л. 2,13. Уч.-изд. л. 10,48.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типо-
графия № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Глав-
полиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров
СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типогра-
фии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

Вам нравятся эти куклы? Они не из „Детского мира“. Их можно сделать самим... из обычных ниток. Если вас это заинтересовало, прочтите на стр. 62 заметку В. Мартыновой „КУКЛЫ ИЗ НИТОК“

